

ПОСЕЛЕНИЕ МАЛОЮЛДАШЕВО I ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПОСЕЛЕНИЕ МАЛОЮЛДАШЕВО I

ЭПОХИ НЕОЛИТА
И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
В ЗАПАДНОМ
ОРЕНБУРЖЬЕ

Под общей редакцией Н. Л. Моргуновой

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2016

УДК 902(470.56): 93(470.56)
ББК 63.4(2Р36-4Ор): 63.3(2Р36-4Ор)
П61

Работа выполнена при поддержке задания 33.1471.2014К на выполнение научно-исследовательской работы в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки России.

Авторы:

А. А. Евгеньев, Л. В. Купцова, В. И. Мухаметдинов, Н. В. Рослякова,
А. Н. Усачук, И. А. Файзуллин, А. А. Хохлов

Рецензенты:

А. А. Выборнов, доктор исторических наук, профессор
Поволжского социально-гуманитарного университета;
М. А. Турецкий, кандидат исторических наук, ст. науч. сотр.
Поволжского филиала Института российской истории РАН

**Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в
П61 Западном Оренбуржье** / [А. А. Евгеньев и др.] ; под общ. ред. Н. Л. Мор-
гуновой ; Мин-во образования и науки Российской Федерации ; ФГБОУ ВО
«Оренб. гос. пед. ун-т». – Оренбург : Издательский центр ОГАУ, 2016. – 196 с.

ISBN 978-5-88838-980-5

Коллективная монография авторов посвящена результатам изучения поселения Малоюлдашево I в Оренбургской области. Наряду с публикацией новых археологических материалов представлены данные палеозоологических, трасологических исследований, результаты технико-технологического изучения керамики. Предложена культурно-историческая интерпретация материалов Малоюлдашевского поселения.

Книга адресована археологам, историкам, специалистам естественных наук, краеведам.

УДК 902(470.56): 93(470.56)
ББК 63.4(2Р36-4Ор): 63.3(2Р36-4Ор)

ISBN 978-5-88838-980-5

© Оформление. Изд. центр ОГАУ, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I	7
1.1 Планиграфическая и стратиграфическая характеристика раскопа.....	7
1.1.1 Планиграфия	7
1.1.2 Стратиграфия.....	15
1.2 Сооружения и хозяйственные ямы.....	26
1.2.1 Постройка 1.....	26
1.2.2 Постройка 2.....	34
1.2.3 Реконструкция и интерпретация построек.....	42
1.3 Погребение на поселении Малоюлдашево I	46
Глава 2 ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I.....	53
2.1 Материалы эпох неолита и энеолита	53
2.1.1 Керамика	53
2.1.2 Изделия из камня.....	56
2.2 Материалы позднего бронзового века	64
2.2.1 Керамика	64
2.2.2 Изделия из металла, глины, камня, кости.....	84
Глава 3 РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I.....	92
3.1 Археозоологические материалы	92
3.2 Трасологический анализ изделий из костей животных.....	132
3.3 Техничко-технологический анализ керамики позднего бронзового века	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
Культурно-хронологическая интерпретация материалов поселения Малоюлдашево I.....	160
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	163
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	179
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	180
ПРИЛОЖЕНИЯ	181

ВВЕДЕНИЕ

Полевые исследования поселения Малоюлдашево I были проведены Оренбургской археологической экспедицией Оренбургского государственного педагогического университета под руководством А.А. Евгеньева летом 2012 года на основании Открытого листа № 333 (Евгеньев, Отчет). Раскопки носили охранно-спасательный характер в связи с разрушением памятника в результате природного (по площадке поселения проходят овраги) и антропогенного (с юга к площадке поселения примыкает автодорога) воздействия.

В раскопках участвовали заведующая археологической лабораторией ОГПУ Н.Л. Моргунова, сотрудники лаборатории Л.В. Купцова, Е.А. Крюкова, В.В. Труханов, аспиранты И.А. Файзуллин, П.В. Харламов, А.А. Файзуллин, студенты исторического факультета ОГПУ. Перед началом исследований сотрудниками археологической лаборатории Е.А. Крюковой и Л.В. Купцовой была произведена инструментальная съемка памятника, сняты GPS координаты. Руководство работами на отдельных участках раскопа осуществляли Л.В. Купцова, И.А. Файзуллин, А.А. Файзуллин, П.В. Харламов, Л.А. Леонтьева¹.

Поселение Малоюлдашево было обнаружено в 2011 году разведочным отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством Е.А. Крюковой (Крюкова, Отчет). Памятник находится в Красногвардейском районе Оренбургской области (*рис. 1*), на западной окраине с. Малоюлдашево, в 0,1 км к западу от жилых построек, в 10 м к юго-востоку от кладбища села (*рис. 2*). Площадка поселения представляет собой пологий склон первой надпойменной террасы правого берега р. Ток, находящийся у подножия сыртовых возвышений. По южному краю поселения проходит автодорога Подъезд к д. Малоюлдашево от автодороги Плешаново – Новоюлдашево (при строительстве дороги был частично разрушен культурный слой). За автодорогой проходит старица реки, заросшая кленовыми и ивовыми деревьями. С северо-востока на юго-запад западную часть поселения пересекают два небольших оврага, значительно разрушивших культурный слой и обнаживших часть каменного сооружения. Остальная часть памятника представляет собой пологую к югу задернованную площадку без видимых повреждений и без наличия жилищных впадин. Южный край площадки имел обрывистую линию, образовавшуюся при строительстве автодороги. По линии обрыва и находкам артефактов в овраге была обозначена южная и западная границы поселения.

¹ Пользуясь возможностью, автор раскопок поселения Малоюлдашево I выражает искреннюю признательность всем участникам полевых работ: руководителю и сотрудникам археологической лаборатории ОГПУ, студентам ОГПУ и другим участникам Оренбургской археологической экспедиции 2012 г. за совместный коллективный труд, сделавший возможной публикацию данного памятника (А.Е.)

Для определения границ памятника была произведена зачистка обрывистого края террасы на южном краю поселения и сделано пять шурфов – два в западной части площадки памятника и три в восточной и северо-восточной части площадки памятника. На основании шурфовки была определена примерная площадь поселения, составившая около 3000 кв. м. Длина поселения вдоль дороги достигала 75 м, ширина сохранившейся площадки – 40 м (рис. 2).

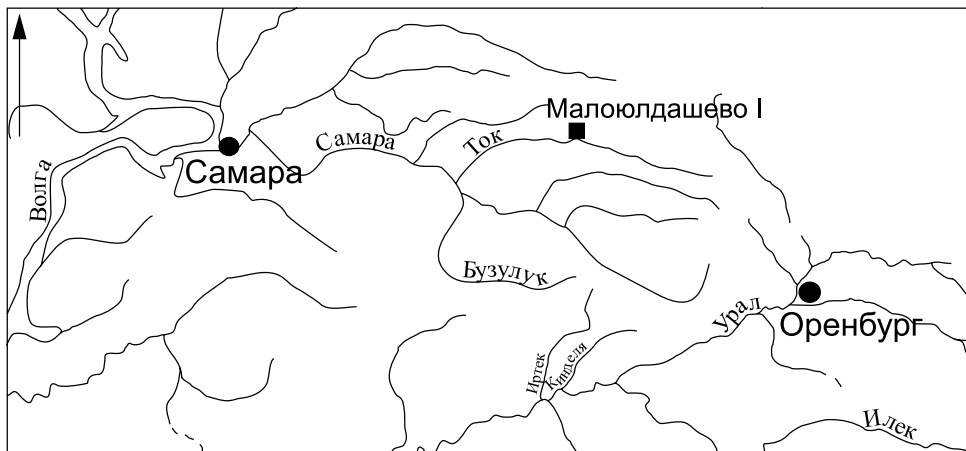

Рис. 1 – Поселение Малоюлдашево I. Расположение поселения

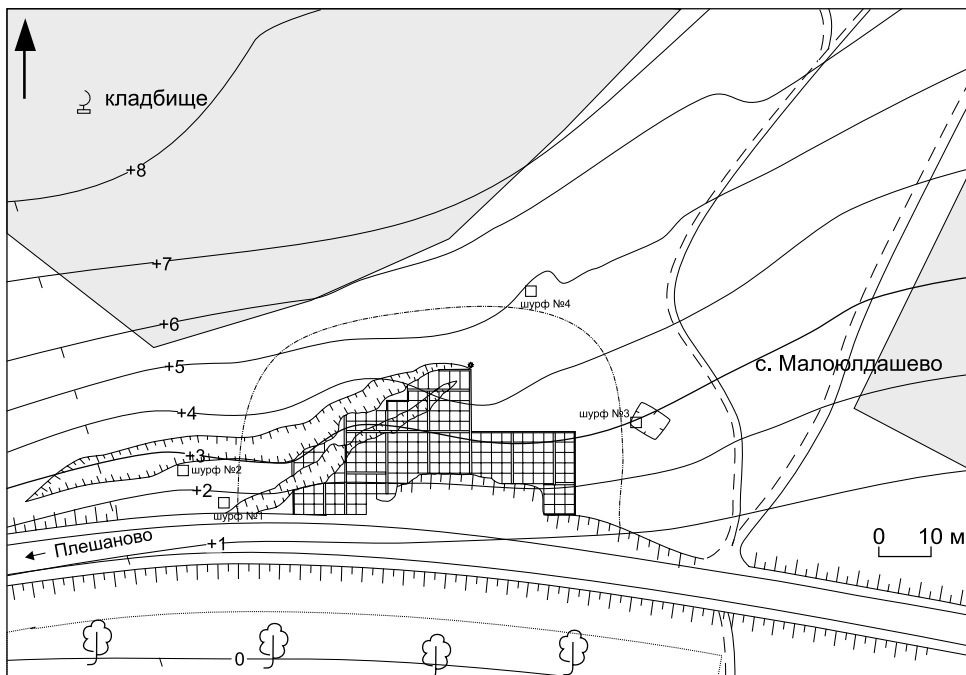

Рис. 2 – Поселение Малоюлдашево I. План поселения

Методика исследования. В основу раскопа был заложен квадрат 2×2 м. Квадраты объединялись в участки со стороной 8×8 м. Раскоп был ориентирован по сторонам света (рис. 3). Всего было вскрыто 196 квадратов в составе 16 (I–VII, VIIa, VIII–XV) участков. В связи с пересеченным ландшафтом местности использовалась цифровая нумерация квадратов, сплошная внутри одного участка.

В общей сложности на поселении вскрыто около 760 кв. м. Вскрытие культурного слоя производилось вручную послойно по всей площади участков одновременно. Толщина первого штыка достигала 20 см, всех нижележащих – по 8–10 см. После каждого штыка делалась зачистка и фотофиксация. Предварительно по всей площади раскопа на каждом углу квадратов был установлен уровень поверхности относительно нулевого репера, расположенного в 8 м к северу от северной границы участка XV (угол квадратов 166–167).

Между участками оставлялись бровки шириной 50 см, по которым изучалась стратиграфия поселения. После вскрытия участка до материка и зарисовки профилей с обеих сторон бровки разбирались.

Все без исключения артефакты наносились на планы участков послойно. Индивидуальные находки, включая развалы сосудов, бронзовые предметы, костяные орудия, имели самостоятельные обозначения на планах, они предварительно расчищались, нивелировались, фотографировались *in situ*. В западной половине раскопа было выявлено значительное скопление крупных камней. Они расчищались и оставлялись на месте до полного вскрытия сооружения. Вскрытие ям от жилищ и иных сооружений производилось по штыкам (10 см) до материка. На участке VI было вскрыто погребение по методике изучения погребального комплекса. В полевых условиях производилась первичная обработка находок и составлялась опись. После проведения раскопок была проведена рекультивация.

Полученные в результате раскопок данные были обработаны, систематизированы и интерпретированы сотрудниками археологической лаборатории ОГПУ, авторами данной коллективной монографии. Osteологические материалы и разнообразные предметы из костей животных проанализированы специалистом по палеозоологии Н.В. Росляковой и специалистом по трасологии А.Н. Усачуком. Керамическая коллекция поселения Малоюлдашево I обрабатывалась как традиционными археологическими методами (глава II), так и с использованием технико-технологического метода (В.И. Мухаметдинов). Антропологические определения погребения синташтинского времени на юго-западной периферии поселения Малоюлдашево I были сделаны А.А. Хохловым.

Глава 1 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I

1.1 Планиграфическая и стратиграфическая характеристика раскопа

1.1.1 Планиграфия¹

Первоначально раскоп состоял из четырех участков (I–III, V), заложенных вдоль обрыва в южной части поселения. Их вскрытие позволило определить мощность культурного слоя и интенсивность его насыщенности с запада на восток. Тем самым была изучена часть поселения, наиболее интенсивно разрушаемая обрывом и работами по строительству автомобильной дороги. Количество находок в культурном слое уменьшалось с запада на восток. Для определения восточной границы поселения и целесообразности продолжения раскопок в данном направлении к участку V с востока были прирезаны участки XII–XIII. Участок XII состоял из 10 квадратов, расположенных в две линии, участок XIII состоял из 9 квадратов и охватывал часть не разрушенного оврагом склона террасы. Склон террасы был вскрыт и в западной части поселения (участки VI, VII, VIIA, XI). Участки IV и XIV покрыли частично разрушенную оврагами территорию, и раскопки проводились по неполным квадратам на неразрушенных участках. В северном направлении раскоп расширялся от участков II–IV, где культурный слой был наиболее насыщенным, прирезаны участки VIII–X. Для исследования хозяйственной ямы 3, выявленной на участках VIII–IX, с севера был прирезан участок XV. Всего было вскрыто 177 полных квадратов и 19 неполных (рис. 3). Последние в основном располагались вдоль обрыва оврагов и на южном обрывистом краю поселения.

Участок I представлял собой сетку квадратов (№ 1–16а, в том числе 15а и 16а – неполные) шириной 8 м, длиной до 12 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка V, западная – с восточным краем участка II. Участок ориентирован в меридиональном направлении, южный край обрывистый. Общая площадь участка – около 75 м².

При вскрытии штыка 1 культурные остатки встречались в незначительном количестве, в последующих штыках число артефактов возрастало, достигнув наибольшей величины на штыках 5–6. Находки в основном представлены

¹ Планиграфическая ситуация и распределение материала по участкам описаны в настоящем разделе текста монографии; попластовые чертежи (начиная с наиболее насыщенных находками штыков) даны для участков, находящихся в границах построек и хозяйственных ям в разделе 1.2 Сооружения и хозяйственные ямы.

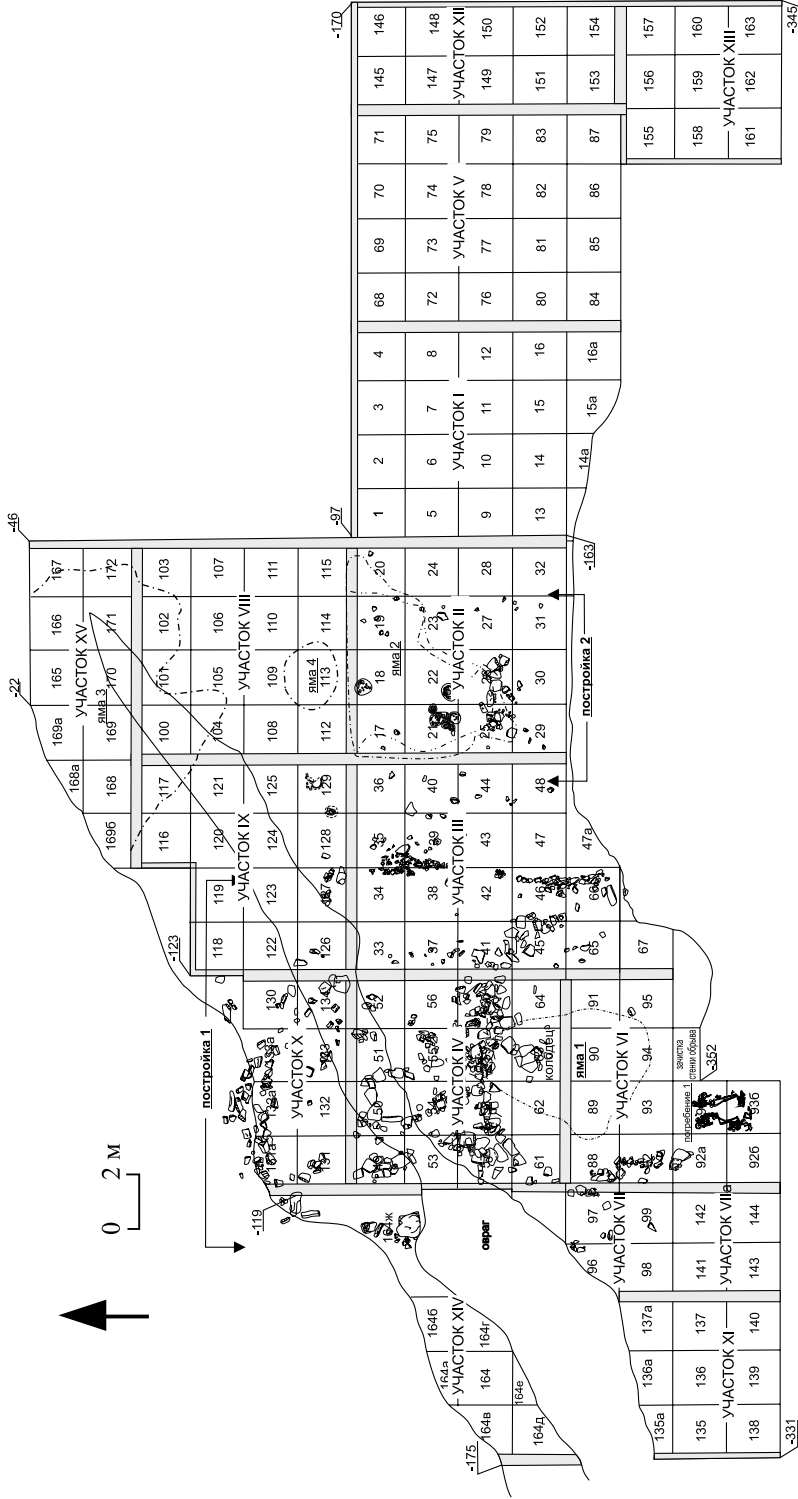

Рис. 3 – Поселение Малюдашево I. План раскопа

фрагментами керамики, костями животных, углями, шлаками. Слои были насыщены отдельными небольшими камнями, не образующими какой-либо конструкции. Начиная со штыка 3 на участке фиксируются находки каменных орудий труда, относящихся к эпохе неолита. Наибольшая концентрация находок на штыках 2–4 отмечена в южных квадратах (13–16), на штыках 5–7 – в северных квадратах (1–3).

Индивидуальные находки на участке I на этих горизонтах представлены отдельными изделиями и отходами костерезного производства¹. В квадрате 1 на штыке 7 (–188 см от 0) обнаружен костяной гарпун (рис. 73).

Участок II представлял собой сетку квадратов (№ 17–32) длиной 8 м и шириной 8 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка I, западная – с восточным краем участка III, северная – с южным краем участка VIII. Южный край участка обрывистый. Общая площадь участка II составляет 64 м².

При вскрытии штыка 1 культурные остатки встречались в незначительном количестве, при вскрытии последующих штыков концентрация находок повышалась, достигнув наибольшей величины на штыках 6–8. На штыке 9 концентрация находок уменьшилась. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, а также углями, обожженными костями и шлаками. В квадрате 21 на штыке 6 (–176 см от 0) найдена небольшая бронзовая пластинка, согнутая вдвое (рис. 48, 4). Начиная со штыка 3 на участке фиксируются отдельные кремневые изделия эпохи неолита; максимальное их число обнаружено на штыках 8–9, где неолитический слой был наименее потревожен перекрывшим слоем позднего бронзового века. На штыке 9 в квадрате 18 (–194 см от 0) обнаружен фрагмент сланцевой плитки с почти квадратным сечением, оббитой по краям и граням (рис. 50, 1).

В квадратах 25–26 были обнаружены остатки *постройки 2* (рис. 17) – каменная выкладка, состоящая из камней различных размеров и степени обработанности, ориентированная по линии запад – восток. Отдельные фрагменты каменной конструкции отмечены в квадратах 17, 19, 20, 23, 27, 29–31 на глубине от –157 до –224 см от 0².

Участок III представлял собой сетку квадратов (№ 33–48, 47а, 65–67³) шириной 8 м и длиной от 8 до 12 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка II, западная – с восточным краем участка IV, северная – с южным краем участка IX. Участок ориентирован в меридиональном направлении, южный край участка обрывистый. Общая площадь участка III составляет около 80 м².

При вскрытии штыка 1 культурные остатки встречались в незначительном количестве, при вскрытии последующих штыков концентрация находок повышалась, достигнув максимального числа на штыках 3–4. На штыках 8–9 концентрация находок уменьшилась. Находки представлены главным образом

¹Здесь и далее: описание находок из кости и их трасологический анализ сделаны в главах 2 и 3.

²Описание постройки сделано в разделе 1.2 Сооружения и хозяйственные ямы.

³Несквозная нумерация обусловлена тем обстоятельством, что участки № 65–67 были разбиты для раскопок уже после разметки участка № 4, на котором нумерация квадратов идёт с № 49 по № 64.

костями и фрагментами керамики, а также разнообразными следами горения, которых на участке отмечено больше, чем на других участках: углями, обожженными и кальцинированными костями и шлаками. Насыщенность культурного слоя была максимальной в восточной части участка, примыкающей к западной стенке участка II. Индивидуальные находки на участке III представлены отдельными костяными изделиями – стругами и тупиками. В квадрате 39 на глубине – 162 см (штык 3) от 0 найдено керамическое пряслице; в квадрате 38 на глубине – 199 см от 0 (штык 7) обнаружена бронзовая игла. Начиная со штыка 4 на участке фиксируются отдельные кремневые изделия и фрагменты керамики, приуроченные к эпохе неолита. На штыке 8 в квадрате 33 (–208 см от 0) обнаружен сегментовидный фрагмент известняковой обработанной плитки (рис. 50, 2).

В квадратах 34, 35, 38, 39, 46, 66 на уровне штыка 2 обнаружены остатки *постройки 1* (рис. 9–10), реальные контуры которой стали выявляться только на следующем горизонте. В квадратах 34, 35, 39, 42, 46, 66 прослежена восточная граница постройки, представлявшая собой вытянутую по линии С–Ю цепь каменных выкладок, состоящих из небольших камней и плиток, длиной до 11 м. Глубина залегания камней варьировала от –126 до –269 см от 0, что связано с особенностями рельефа поселения (понижение площадки с севера на юг). Между отдельными камнями зафиксирована обмазка из белой глины, использовавшаяся в качестве связующего состава. Раскопки на участках IV, VI, IX, X, XIV позволили выявить контуры постройки 1 полностью.

Участок IV представлял собой сетку квадратов (№ 49–64) шириной 8 м и длиной 8 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка III, западная – с восточным краем участка VII, северная – с южным краем участка X, южная – с северным краем участка VI. Общая площадь участка IV составляет 64 м².

При вскрытии штыков 1–3 культурные остатки встречались в незначительном количестве, при вскрытии последующих штыков концентрация находок повышалась, достигнув максимального числа на штыке 9. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики. Широко также отмечены следы горения: угли, обожженные и кальцинированные кости и шлаки. Индивидуальные находки на участке IV на этих горизонтах представлены фрагментами костяных изделий – стругов и тупиков. В квадрате 53 на штыке 10 и в квадрате 51 на штыке 9 найдены три массивных шлифованных каменных песта (рис. 51). В квадрате 62 на штыке 7 (–240 см от 0) было найдено шлифованное каменное тесло подтрапецевидной формы (рис. 33, 2). Начиная со штыка 2, на участке фиксируются отдельные кремневые изделия эпохи неолита и неолитическая керамика. Такое стратиграфическое положение неолитических находок, по всей вероятности, связано с разрушением площадки поселения оврагом и сопутствующим ему переотложением материалов. Насыщенность культурного слоя была максимальной в центральной части участка, что соответствовало положению каменной конструкции и хозяйственной ямы. На штыках 9–10 концентрация находок уменьшилась; артефакты приурочены только к границам хозяйственной ямы.

Участок IV занимал срединное положение в каменном сооружении – *постройке 1*, описание которой будет дано ниже. Каменные выкладки, состоящие из плиток и камней различных размеров, а также разрозненные камни отмечены практически во всех квадратах участка начиная со штыка 1. Глубина залегания камней варьировала от –172 до –290 см от 0, что связано с особенностями рельефа поселения (понижение площадки с севера на юг). Наибольшая концентрация камней отмечена в квадратах 57–60, что в совокупности с результатами раскопок участка VI позволило предполагать двухкамерный характер постройки 1.

Участок V представлял собой сетку квадратов (№ 68–87) шириной 8 м и длиной 10 м. Участок ориентирован в меридиональном направлении, южный край участка обрывистый. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка XII, западная – с восточным краем участка I. Общая площадь участка V составляет 80 м².

При вскрытии штыков 1–3 культурные остатки встречались в незначительном количестве, при вскрытии последующих штыков концентрация находок повышалась, достигнув максимального числа на штыке 5. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными костями и шлаками. Начиная со штыка 3 на участке фиксируются отдельные кремневые изделия, приуроченные к эпохе неолита, а также неолитическая керамика. Насыщенность культурного слоя была максимальной в западной части участка, примыкающей к восточной стенке участка II, на котором концентрация артефактов превышала насыщенность аналогичных горизонтов на участке V. На штыках 8–9 концентрация находок существенно уменьшилась. Общее число находок и характер залегания культурного слоя позволяли сделать вывод о периферийном положении раскапываемой на участке V площади поселения. Расширение раскопа к востоку участками XII и XIII данный тезис подтвердило.

Участок VI представлял собой Г-образную сетку квадратов (№ 88–95, в том числе 92а, б и 93а, б) шириной от 4 до 8 м и длиной от 4 до 8 м. Южный край участка обрывистый. Северная стенка участка стыкуется с южным краем участка IV, западная – с восточным краем участка VII, восточная – частично с западным краем участка III. Общая площадь участка V составляет 48 м².

Насыщенность культурного слоя артефактами на участке VI заметно ниже, чем на соседних участках III и IV. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными костями и шлаками, отдельными каменными изделиями, относящимися к эпохе неолита. В квадрате 92 на штыке 1 (–222 см от 0) обнаружен фрагмент (половина) керамического пряслица диаметром 2,3 см, высотой 0,5 см (*рис. 49, 4*), на штыке 6 в квадрате № 92а (–310 см от 0) – изделие из графита (*рис. 48, 7*). Насыщенность культурного слоя была максимальной в западной части участка, примыкающей к восточной стенке участка VII. На штыках 8–9 концентрация находок существенно уменьшилась. В квадратах 88, 92, 92а на уровне штыка 4 обнаружены остатки южной периферии каменного сооружения 2, реальные контуры которого стали выявляться только на следующем горизонте. Каменные выкладки, состоящие из плиток и камней различных размеров, располагались цепью с севера на юг и залегали на

глубине от –206 до –275 см от 0, что связано с особенностями рельефа поселения (понижение площадки с севера на юг). В квадратах 89, 90, 91, 94 исследована южная часть хозяйственной ямы, прослеженной на участке IV. Находки на штыках 9–12 приурочены именно к заполнению этой ямы и представлены главным образом фрагментами керамики и костями животных.

В квадратах 92а, б и 93а, б на глубине –360 см от 0 было обнаружено коллективное погребение синташтинского времени¹.

Участки VII, VIIа, XI. В связи с особенностями рельефа первоначально был размечен для раскопок участок VII, представлявший собой сетку квадратов (№ 96–99, в том числе квадрат № 96 – неполный) шириной от 2 до 4 м и длиной от 2 до 4 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка VI. Северо-западный край участка обрывистый. Общая площадь участка VII составляет около 14 м². В дальнейшем, в связи с работами на участке VI и выявлением на нём погребения, было принято решение расширить раскоп на юг (участок VIIа) и на юго-запад (участок XI).

Участок VIIа представлял собой сетку квадратов (№ 141–144) шириной 4 м и длиной 4 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка VI, северная – с южным краем участка VII, западная – с восточным краем участка XI. Южный край участка обрывистый. Общая площадь участка VIIа составляет 16 м².

Участок XI представлял собой сетку квадратов (№ 135–140, в том числе № 135а, 136а, 137а – неполные) шириной 6 м и длиной от 4 до 6 м. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка VII и VIIа. Северный и южный край участка обрывистый. Общая площадь участка XI составляет около 30 м².

Насыщенность культурного слоя артефактами на участках VII, VIIа, XI ниже, чем на соседних участках. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными костями и шлаками, а также фрагментом костяного орудия. Неолитические находки не зафиксированы – по всей вероятности, неолитический слой на этой части поселения отсутствовал или полностью разрушен. Согласно планиграфической ситуации сделан вывод о периферийном положении данных участков поселения.

Участок VIII представлял собой сетку квадратов (№ 100–115) шириной 8 м и длиной 8 м. Западная стенка участка стыкуется с восточным краем участка IX, южная – с северным краем участка II. Общая площадь участка VIII составляет 64 м².

При вскрытии штыков 1–2 культурные остатки встречались в крайне незначительном количестве, при вскрытии штыков 3–6 концентрация находок повышалась, и на уровне штыков 7–9 насыщенность слоя существенно возросла, достигнув максимального значения на штыке 9. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными и кальцинированными костями и шлаками. Находок неолитического времени крайне мало, что подтверждает мысль о том, что неолитический слой связан с южной периферией

¹ Описание дано в разделе 1.3 Погребение.

поселения. Индивидуальные находки на участке VIII на этих горизонтах представлены отдельными костяными изделиями и заготовками для них; в том числе найдено два изделия из таранных костей животных (рис. 70, 1, 2). В квадрате 100 на штыке 9 (–159 см от 0) было найдено бронзовое четырехгранное шило длиной 8,2 см, в сечении 0,4 см (рис. 48, 2), в квадрате 104 на штыке 9 (–180 см от 0) и в квадрате № 106, штык 9 (–150 см от 0) – фрагменты бронзовых неопределимых изделий (рис. 48, 3, 5). В квадрате 104 на штыке 10 (–190 см от 0) обнаружено керамическое пряслице (рис. 49, 2).

Насыщенность культурного слоя была максимальной в северной части участка, при работах на штыках 8–10 в северных квадратах (квадраты № 100–105) было выявлено наличие хозяйственной ямы – ямы 3. Край этой ямы выявлен также в северо-восточной части участка IX (квадрат 117). Яма зафиксирована на уровне погребенной почвы, контуры аморфные (рис. 20–21). В связи с тем, что пятно уходило под бровки участков VIII и IX, с севера был прирезан участок XV, раскопом которого яма была исследована полностью¹.

В южной части участка VIII (квадраты № 109, 113, 114) на штыке 8 (–171 см от 0) была выявлена яма 4 округлой в плане формы, диаметром 2,5 м (рис. 22)². В 40 см к западу от ямы в квадрате № 112 на глубине –180 см от 0 (штык 10) найден развал сосуда 12.

Участок IX представлял собой сетку квадратов (№ 116–129) шириной от 4 до 8 м и длиной от 6 до 8 м. Западная стенка участка стыкуется с восточным краем участка X, восточная – с западным краем участка VIII, южная – с северным краем участка III. С северо-востока на юго-запад участок прорезал овраг. Еще один овраг, более глубокий, примыкал к северо-западной границе участка – чем и обусловлено сокращение числа квадратов на участке. Общая площадь участка IX составляет 56 м².

Насыщенность культурного слоя возрастала по мере вскрытия штыков, на уровне штыков 5–7 существенно возросла, на штыках 8–9 резко сократилась. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными и кальцинированными костями и шлаками. Находок неолитического времени крайне мало, что подтверждает мысль о том, что неолитический слой связан с южной периферией поселения. Наибольшее скопление культурных остатков наблюдалось в квадратах 124, 125, 128, 129 (юго-западные) и в северо-западном квадрате 117. Последний связан с периферией ямы 3, выявленной на соседнем участке VIII. Заполнение ямы состояло из золистой темно-серой гумусированной супеси, со значительной концентрацией костей, фрагментов керамики и шлаков. Находки шлаков в квадратах 116 и 117 вкуче с характером заполнения ямы 3 указывают на процессы горения в этой части поселения. Южные и юго-западные квадраты, по всей видимости, приурочены к постройке 2, изученной на смежном участке III. В квадратах 126–128 на глубине от –95 от –129 см от 0 выявлены отдельные небольшие камни и плитки, вытянутые цепью с запада на восток. В квадрате 129 на штыке 9 (–175 см от 0) найдено изделие из астрагала

¹ Описание ямы 3 и находок в ней сделано в разделе 1.2 Сооружения и хозяйственные ямы.

² Описание ямы 4 сделано в разделе 1.2 Сооружения и хозяйственные ямы.

МРС (рис. 70, 3). В квадратах 128 и 129 были обнаружены два развала сосудов (сосуды № 10–11), на глубине от –165 до –170 см от 0 (рис. 36, 1, 2). В 60 см к западу от них (квадрат 128) на глубине –160 см от 0 обнаружен бронзовый нож (рис. 48, 1).

Участок X представлял собой сетку квадратов (№ 130–134, в том числе № 131а, 132а, 133а – неполные) шириной 8 м и длиной от 4 до 6 м. Участок ориентирован в широтном направлении, северный край участка обрывистый. Юго-западную часть участка прорезает овраг. Западная стенка участка стыкуется с восточным краем участка XIV, восточная – с западным краем участка IX, южная – с северным краем участка IV. Общая площадь участка VIII составляет около 32 м².

Насыщенность культурного слоя возрастала по мере вскрытия штыков, на уровне штыков 4–7 существенно возросла, на штыке 8 резко сократилась. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными и кальцинированными костями и шлаками. В квадратах № 130, 133а, 134 на штыках 6–7 обнаружено скопление шлаков, свидетельствующее (наряду с многочисленными находками углей) о процессах горения на данной площади поселения. Находок неолитического времени крайне мало, что подтверждает мысль о том, что неолитический слой связан с южной периферией поселения. В квадрате 133 на штыке 7 (–219 см от 0) найдено керамическое пряслице цилиндрической формы, диаметром 1,8 см, высотой 1,75 см (рис. 49, 5). В квадрате 134 на штыке 6 обнаружен каменный пест (рис. 50, 3). В квадрате 130 на штыке 6 (–186 см от 0) найдено изделие из рога (рис. 75) Г-образной формы.

Участок XII представлял собой сетку квадратов (№ 145–154) шириной 4 м и длиной 10 м. Участок ориентирован в меридиональном направлении, южный край участка обрывистый. Южная стенка участка стыкуется с северным краем участка XIII, западная – с восточным краем участка V. Общая площадь участка XII составляет 40 м².

При вскрытии штыков 1–2 культурные остатки встречались в незначительном количестве, при вскрытии последующих штыков концентрация находок повышалась, достигнув максимального числа на штыках 4–5. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, отдельными углями. В квадрате 145 на штыке 6 (–221 см от 0) обнаружены два клыка животных (рис. 72). Общее число находок и характер залегания культурного слоя позволяли сделать вывод о периферийном положении раскапываемой на участке XII площади поселения.

Участок XIII представлял собой сетку квадратов (№ 155–163) шириной 6 м и длиной 6 м. Северная стенка участка стыкуется с южным краем участка V и южным краем участка XII. Южный край участка обрывистый. Общая площадь участка XIII составляет 36 м².

При вскрытии площади участка XIII отмечена нетипичная стратиграфическая ситуация: наиболее насыщенным культурными остатками оказался уровень штыка 1, на уровне последующих штыков насыщенность слоя существенно снизилась. Находки представлены главным образом костями и фрагментами

керамики, отдельными углями. Общее число находок и характер залегания культурного слоя позволяли сделать вывод о периферийном положении раскапываемой на участке XIII площади поселения.

Участок XIV представлял собой сетку квадратов (№ 164, 164а, 164б, 164в, 164г, 164д, 164е, 164ж), размеченную на площади поселения, изрезанной оврагами. Участок вытянут по линии северо-восток – юго-запад на 12 м, ширина по линии запад-восток – 10 м, длина – от 3 до 5,5 м. Северный и южный край участка обрывистый. Восточная стенка участка стыкуется с западным краем участка X. Общая площадь участка XIV составляет около 30 м².

Уровень штыка 1 оказался достаточно насыщенным культурными остатками (наносной слой), на уровне последующих штыков насыщенность слоя существенно снизилась. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными костями, отдельными неолитическими каменными изделиями. Начиная со штыка 7, соответствующего предматерику, на основной площади участка XIV находок не выявлено; артефакты концентрировались в квадрате 164ж, на площади, прилегающей к восточной стенке участка, смыкающейся с участком X. Здесь же отмечена северо-западная граница сооружения 1, исследованного на смежных участках IV, VI, X.

Участок XV представлял собой сетку квадратов (№ 165–172, в том числе 168а, 168б, 169а – неполные) шириной от 6 до 12 м и длиной от 2 до 4 м. Южная стенка участка стыкуется с северным краем участка VIII, северо-западный край участка обрывистый. Общая площадь участка XV составляет около 40 м².

При вскрытии штыков 1–2 культурных остатков не встречено, на штыке 3 они встречались в крайне незначительном количестве, при вскрытии штыков 4–6 концентрация находок повышалась, и на уровне штыков 7–10 насыщенность слоя существенно возросла, достигнув максимального значения на штыке 8. Находки представлены главным образом костями и фрагментами керамики, углями, обожженными и кальцинированными костями и шлаками; индивидуальные находки – костяными орудиями и заготовками для них¹. Находок неолитического времени крайне мало, что подтверждает мысль о том, что неолитический слой связан с южной периферией поселения. Штыки 7–11 соответствуют заполнению ямы 3, южная часть которой была изучена на участке VIII. В заполнении ямы представлены главным образом кости животных. В квадрате 168 на штыке 8 (–146 см от 0), квадрате 166 на штыке 9 (–140 см от 0), квадрате 169 на штыке 10 (–163 см от 0) обнаружены заготовки для тупиков (рис. 61).

1.1.2 Стратиграфия

Общая *стратиграфическая ситуация* на поселении выглядела следующим образом:

1. *Дёрн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см. На участках, пересеченных оврагом, дёрн был срезан. Поверхностная растительность степная. Культурные остатки в слое дёрна (соответствует штыку 1) практически не встречались.

¹ Описание находок сделано в разделе 3.2 Трасологический анализ изделий из костей животных.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 10 до 30 см, наносного характера. Находки артефактов в этом слое относительно редки, фрагментированы, представлены отдельными обломками костей животных и керамики. Балластовый слой присутствует не на всей площади поселения.

3. *Культурный слой позднего бронзового века* (далее – *культурный слой 1*) – темно-серая гумусированная супесь мощностью от 50 до 90 см (в месте расположения сооружений до 120–150 см). Наибольшая интенсивность находок приходилась на нижнюю половину культурного слоя. Среди артефактов преобладали кости домашних и диких животных, фрагменты керамики, медные шлаки, обломки известняка. В основании слоя обнаружены остатки каменных конструкций, относящихся к поселению срубной культуры.

4. *Культурный слой неолитической эпохи* (далее – *культурный слой 2*) – светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 30 см. К этому слою приурочено большинство находок неолитического времени (керамика, изделия из кремня).

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –115 см от уровня дневной поверхности.

При раскопках поселения Малоюлдашево I для стратиграфических наблюдений использовались профили 4 бровок, ориентированных с запада на восток, и 9 бровок, ориентированных с севера на юг, по склону террасы, на которой расположен памятник. Большое количество бровок, не превышающих размеров стандартного участка раскопа, обусловлено изрезанностью площадки поселения. Взаимное расположение бровок и их авторская номенклатура¹ представлены на *рис. 3а*.

Бровки широтной ориентировки

Бровка запад – восток № 1 (*рис. 4, 1–3*) расположена в пределах участков IV, III, II, I, V, XII (южная стенка) и участков VIII, IX, X (северная стенка). Протяженность южной стенки по линии запад – восток составляет 44 м, северной стенки по линии восток – запад – 24 м. В западной части (участки IV, IX, X) целостность бровки нарушена оврагом, прорезающим площадку поселения.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 16 см.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 10 до 23 см, наносного характера (соответствует штыку 2 и частично 3). Выявлен в пределах участков I и II, на других участках не отмечен. В слое балласта прослеживались слабой мощности напластования наносного, смытого с вершины террасы песка.

3. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь, в верхней половине слой имел более темный цвет. Мощность слоя от 60 до 70 см (соответствует штыкам 3–7), на участках, соответствующих расположению хозяйственных ям и построек – до 90–100 см (штыки 3–10). В основании слоя обнаружены остатки каменной постройки 1. Слой интенсивно насыщен золой, что, вероятно, связано с расположением здесь остатков хозяйственной ямы.

¹ В отличие от представленной номенклатуры, в отчетной версии описание стратиграфии бровок дано по участкам.

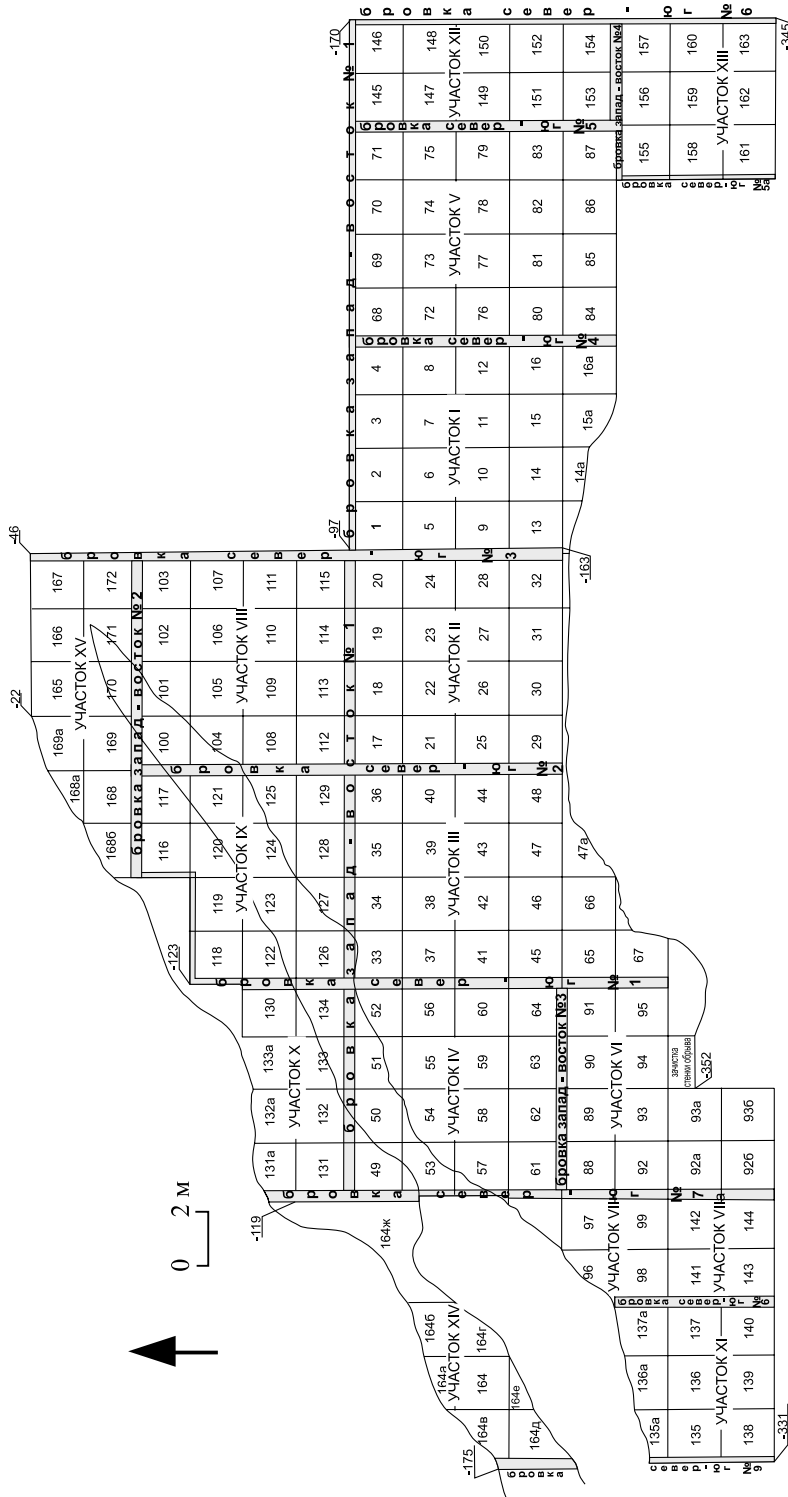

Рис. 3а – Поселение Малюлдашево I. Расположение бровок

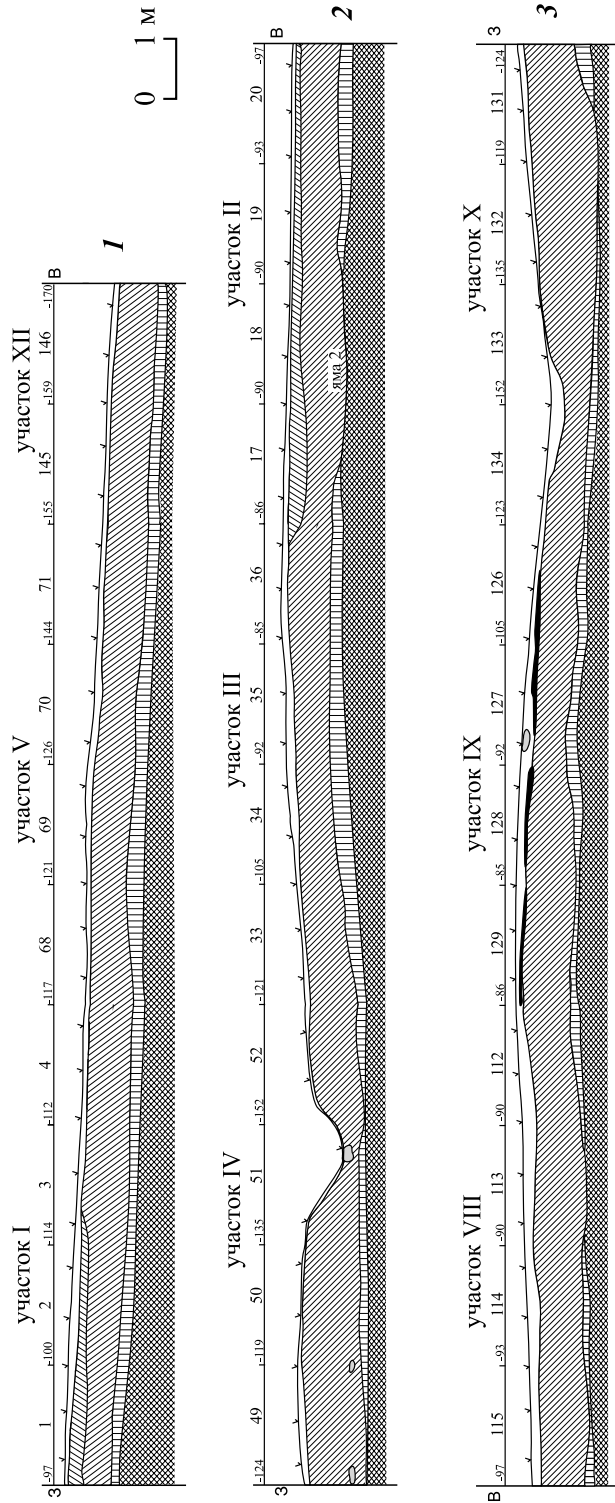

Рис. 4 – Поселение Малююлашево I. Бровка запад – восток № 1. Профили бровок
 1, 2 – вид с юга; 3 – вид с севера

4. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью до 20 см (соответствует штыкам 8–10). В месте расположения ямы 2 (участок II) и постройки 1 (участок IV, X) слой отсутствовал.

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –100 до –110 см от уровня дневной поверхности.

Бровка запад – восток № 2 (рис. 5, 1–2) расположена в пределах участков IX, VIII (южная стенка) и участка XV (северная стенка). Протяженность южной стенки по линии запад – восток составляет 16 м (включая стенку на квадратах 118–119, смещенную на 2 м к югу от бровки ввиду особенностей пересеченного ландшафта местности), северной стенки по линии восток – запад – 12 м. В западной части (участок IX) целостность бровки нарушена оврагом, прорезающим площадку поселения. По бровке прослежен профиль хозяйственной ямы 3.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 4 до 20 см. На участках, пересеченных оврагом, дерн был срезан.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь, в верхней половине слой имел более темный цвет. Мощность слоя от 60 до 90 см (соответствует штыкам 3–8), на участке, соответствующем расположению ямы 3 – до 110 см (штыки 3–12). В основании слоя обнаружены остатки каменной постройки 1. Слой интенсивно насыщен золой, что связано с расположением здесь остатков хозяйственной ямы.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см (соответствует штыкам 8–10). В месте расположения хозяйственной ямы 2 (участок II) слой отсутствовал.

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –100 см до –110 см от уровня дневной поверхности.

Бровка запад – восток № 3 (рис. 5, 3–4) разделяет участки IV и VI. Протяженность бровки по линии запад – восток составляет 8 м. По бровке прослежен профиль ямы 1.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 25 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь, которая была интенсивно насыщена золой, что, вероятно, связано с расположением здесь остатков постройки и хозяйственной ямы. В верхней половине слой имел более темный цвет. Мощность слоя от 60 до 85 см, в месте расположения ямы до 150 см. Культурный слой соответствует штыкам 2–8; в местах расположения ямы 1 – штыкам 3–12.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см (соответствует штыкам 8–10). В месте расположения ямы 1 слой отсутствовал.

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –95 до –120 см (на дне ямы – до –150 см) от уровня дневной поверхности.

Бровка запад – восток № 4 (рис. 5, 5–6) разделяет участки XII и XIII. Протяженность южной стенки по линии запад – восток составляет 6 м, северной стенки по линии восток – запад – 4 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 20 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 90 см (соответствует штыкам 2–7).

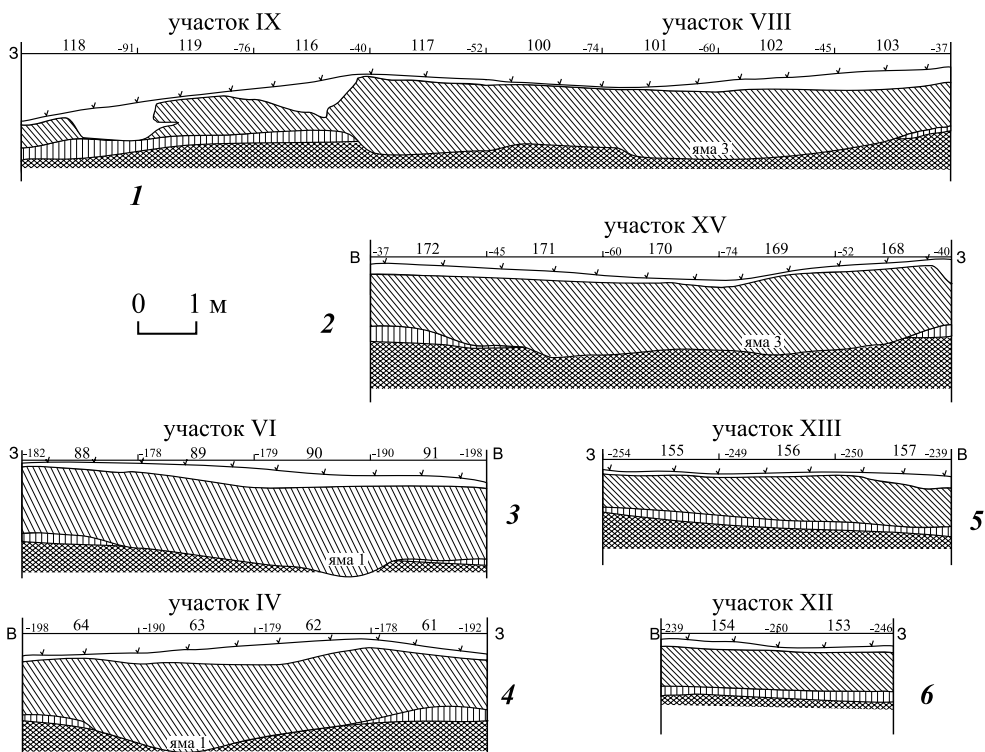

Рис. 5 – Поселение Малоюлдашево I. Профили бровок

Бровка запад – восток № 2: 1 – вид с юга; 2 – вид с севера. Бровка запад – восток № 3: 3 – вид с юга; 4 – вид с севера. Бровка запад – восток № 4: 5 – вид с юга; 6 – вид с севера

3. Культурный слой 2, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 20 см (соответствует штыкам 8–9).

4. Материк – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –105 см от уровня дневной поверхности.

Бровки меридиональной ориентировки

Представлены 7 бровками и 2 стенками (крайней западной и крайней восточной) разной протяженности и степени сохранности. Часть бровок нарушена оврагом, пересекающим площадку поселения. Особенность меридиональных бровок: все выявленные по профилям бровки слои имеют тенденцию понижения с севера на юг и выклинивания, обусловленную естественным понижением рельефа площадки поселения.

Бровка север – юг № 1 (рис. 6, 1–2) расположена в пределах участков X, IV, VI (западная стенка) и участков IX, III (восточная стенка). Протяженность бровки по линии север – юг составляет 18 м. В северной части (участок X) целостность бровки нарушена оврагом, прорезающим площадку поселения. В южной части бровки прослежены очертания постройки 1 и профиль ямы 1.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 6 до 19 см. На участках, пересеченных оврагом, дерн был срезан.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 15 до 25 см, наносного характера (соответствует штыку 2 и частично 3). Прослежен по профилю восточной стенки бровки на участке III.

3. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь, в верхней половине слой имел более темный цвет. Мощность слоя от 60 до 80 см, в южной части до 90 см. Культурный слой соответствует штыкам 3–7; в месте расположения каменной постройки и ямы 1 – штыкам 3–10. В основании слоя обнаружен фундамент каменной постройки 1. Слой интенсивно насыщен золой, что, вероятно, связано с расположением здесь остатков хозяйственной ямы.

4. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 25 см (соответствует штыкам 8–9). В месте расположения постройки 1 (участки III, IV, VI) слой отсутствовал.

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –110 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 2 (рис. 6, 3–4) расположена в пределах участков IX, III (западная стенка) и участков VIII, II (восточная стенка). Протяженность бровки

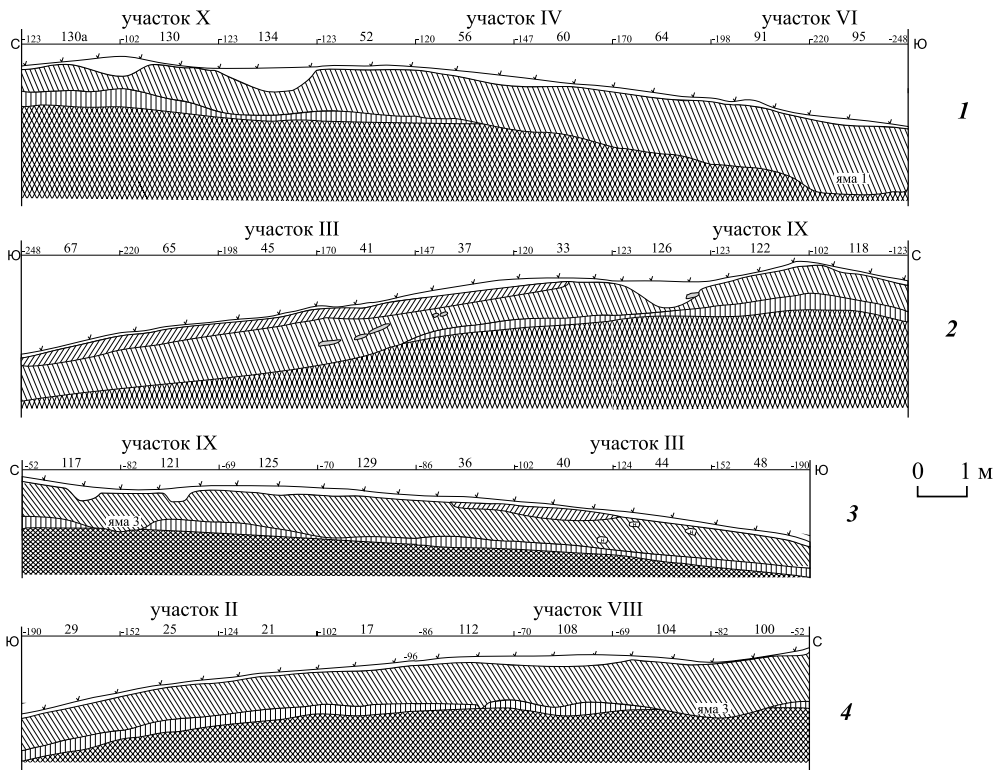

Рис. 6 – Поселение Малоюлдашево I. Профили бровок

Бровка север – юг № 1: 1 – вид с запада; 2 – вид с востока. Бровка север – юг № 2: 3 – вид с запада; 4 – вид с востока

по линии север – юг составляет 16 м. В северной части (участок IX) целостность бровки нарушена оврагом, прорезающим площадку поселения. В северной части бровки прослежен профиль ямы 3.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см. На участках, пересеченных оврагом, дерн был срезан.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 15 до 25 см, наносного характера (соответствует штыку 2 и частично 3). Прослежен по профилю западной стенки бровки на участке III. В слое балласта прослеживались слабой мощности напластования наносного, смытого с вершины террасы песка.

3. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 50 до 80 см (соответствует штыкам 2–7, частично 8), в месте расположения хозяйственной ямы 3 до 110 см (штыки 2–10). В северной части слой интенсивно насыщен золой, что связано с расположением здесь остатков хозяйственной ямы 3.

4. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 25 см (соответствует штыкам 8–9). В месте расположения хозяйственной ямы слой отсутствовал.

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –100 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 3 (рис. 7, 1–2) расположена в пределах участков XV, VIII, II (западная стенка) и участка I (восточная стенка). Протяженность западной стенки по линии север – юг составляет 20 м, восточной стенки по линии юг – север – 8 м. В северной части бровки прослежен профиль ямы 3.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 22 см. На участках, пересеченных оврагом, дерн был срезан.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 15 до 40 см, наносного характера (соответствует штыкам 2–3, отчасти 4). Прослежен по профилю западной стенки бровки на участках XV (наиболее мощный участок слоя), II, по профилю восточной стенки на участке I. В слое балласта прослеживались слабой мощности напластования наносного, смытого с вершины террасы песка.

3. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 40 (на участке XV) до 80 см (соответствует штыкам 2–8, в месте расположения хозяйственной ямы 3 – штыкам 2–10). В северной части слой интенсивно насыщен золой, что связано с расположением здесь остатков хозяйственной ямы 3.

4. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 25 см (соответствует штыкам 8–10). В месте расположения хозяйственной ямы слой отсутствовал.

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –95 до –110 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 4 (рис. 7, 3–4) разделяет участки I и V. Протяженность западной стенки по линии север – юг составляет 8 м, восточной стенки по линии юг – север – 10 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 15 см.

2. *Балласт*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 12 до 18 см, наносного характера (соответствует штыку 2). Прослежен линзой по профилю западной стенки бровки на участке I.

3. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 80 см (соответствует штыкам 2–7, частично 8).

4. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 13 до 25 см (соответствует штыкам 8–9).

5. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –95 до –100 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 5 (рис. 7, 5–6) разделяет участки V и XII. Протяженность бровки составляет 10 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 15 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 90 см (соответствует штыкам 2–7, частично 8). В южной части слой постепенно выклинивался.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 13 до 25 см (соответствует штыкам 8–9).

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –105 см от уровня дневной поверхности.

Продолжением бровки север – юг № 5 можно считать **бровку (стенку) север – юг № 5а** (рис. 7, 7) – западную стенку участка XIII. Протяженность стенки составляет 10 м.

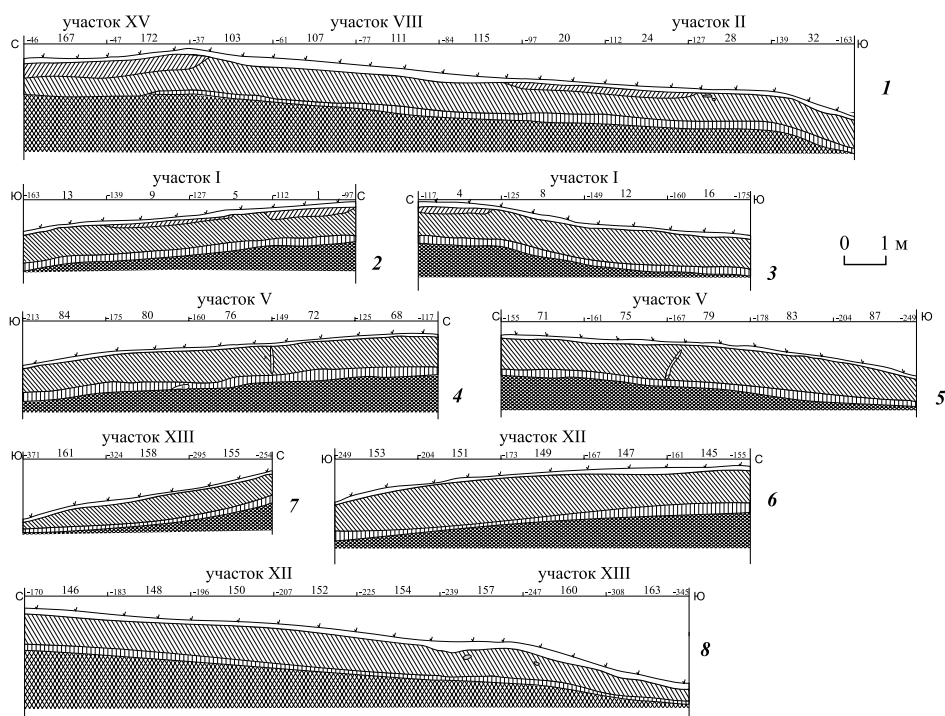

Рис. 7 – Поселение Малоюлдашево I. Профили бровок

Бровка север – юг № 3: 1 – вид с запада; 2 – вид с востока. Бровка север – юг № 4: 3 – вид с запада; 4 – вид с востока. Бровка север – юг № 5: 5 – вид с запада; 6 – вид с востока. Бровка север – юг № 5а: 7 – вид с востока. Бровка север – юг № 6: 8 – вид с запада

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 6 до 12 см.
2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью до 60 см (соответствует штыкам 2–6). В южной части слой постепенно выклинивался.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см (соответствует штыкам № 6–8).

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –70 до –80 см от уровня дневной поверхности.

Бровка (стенка) север – юг № 6 (рис. 7, 8) расположена в пределах участков XII и XIII и является крайней восточной стенкой раскопа. Протяженность по линии юг – север – 10 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 20 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 80 см (соответствует штыкам 2–7, частично 8). В южной части слой постепенно выклинивался.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 12 до 18 см (соответствует штыкам 8–9).

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –90 до –105 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 7 (рис. 8, 1–3) расположена в пределах участков XIV, VII, VIIa (западная стенка) и участков X, IV, VI (восточная стенка). Общая протяженность восточной стенки по линии юг – север составляет 18,8 м (включая овраг), западная стенка состоит из стенки участка XIV (4 м) и участков VII и VIIa (8 м), между этими участками бровка разрушена оврагом, прорезающим площадку поселения.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 18 см. На участках, пересеченных оврагом, дерн был срезан.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 90 см (соответствует штыкам 2–8), в месте расположения ямы 1 до 120 см (штыки 2–12). В южной части слой постепенно выклинивался. В основании слоя обнаружен фундамент каменного сооружения 1. В центральной части слой интенсивно насыщен золой, что связано с расположением здесь остатков постройки 1 и хозяйственной ямы 1.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 10 до 25 см (соответствует штыкам 8–10). В месте расположения хозяйственной ямы слой отсутствовал.

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –95 до –120 см от уровня дневной поверхности.

Бровка север – юг № 8 (рис. 8, 4–5) разделяет участки VII, VIIa и XI. Общая протяженность бровки по линии север – юг составляет 6 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 60 до 80 см, в южной части слой постепенно выклинивался. Культурный слой соответствует штыкам 2–7. В основании слоя обнаружен фундамент каменного сооружения 1.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 15 до 30 см (соответствует штыкам 7–9).

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –80 до –110 см от уровня дневной поверхности.

Бровка (стенка) север – юг № 9 (рис. 8, б) расположена в пределах участков XI и XIV и является крайней западной стенкой раскопа. Общая протяженность стенки по линии юг – север (включая овраг) составляет 10 м; на участке XI – 4 м, на участке XIV – 2,5 м.

1. *Дерн*, светло-коричневая супесь мощностью от 8 до 20 см.

2. *Культурный слой 1*, темно-серая гумусированная супесь мощностью от 40 (на участке XIV) до 80 см, в южной части слой постепенно выклинивался. Культурный слой соответствует штыкам 2–7.

3. *Культурный слой 2*, светло-коричневая супесь мощностью от 15 до 25 см (соответствует штыкам 7–9).

4. *Материк* – рыжий суглинок, зафиксирован на глубине от –70 до –95 см от уровня дневной поверхности.

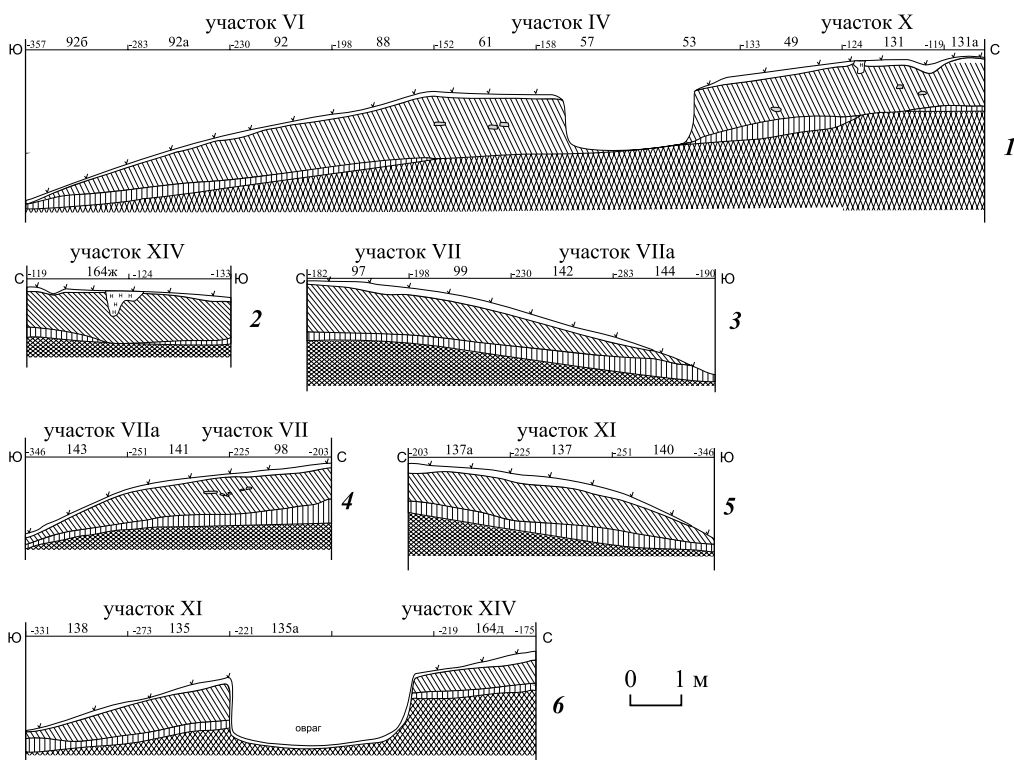

Рис. 8 – Поселение Малоюлдашево I. Профили бровок

Бровка север – юг № 7: 1 – вид с востока; 2, 3 – вид с запада. Бровка север – юг № 8: 4 – вид с востока; 5 – вид с запада. Бровка север – юг № 9: 6 – вид с запада

1.2 Сооружения и хозяйственные ямы

1.2.1 Постройка 1

На площади участков III, IV, VI, IX, X и частично XIV выявлены остатки каменного сооружения, представлявшие собой систематическую кладку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную в меридиональном направлении, состоящую из обработанных камней различной формы и размеров (рис. 9). Глубина залегания камней, составляющих каменную конструкцию – от –126 до –267 см от 0 (связано с естественным понижением рельефа поселения с севера на юг), от

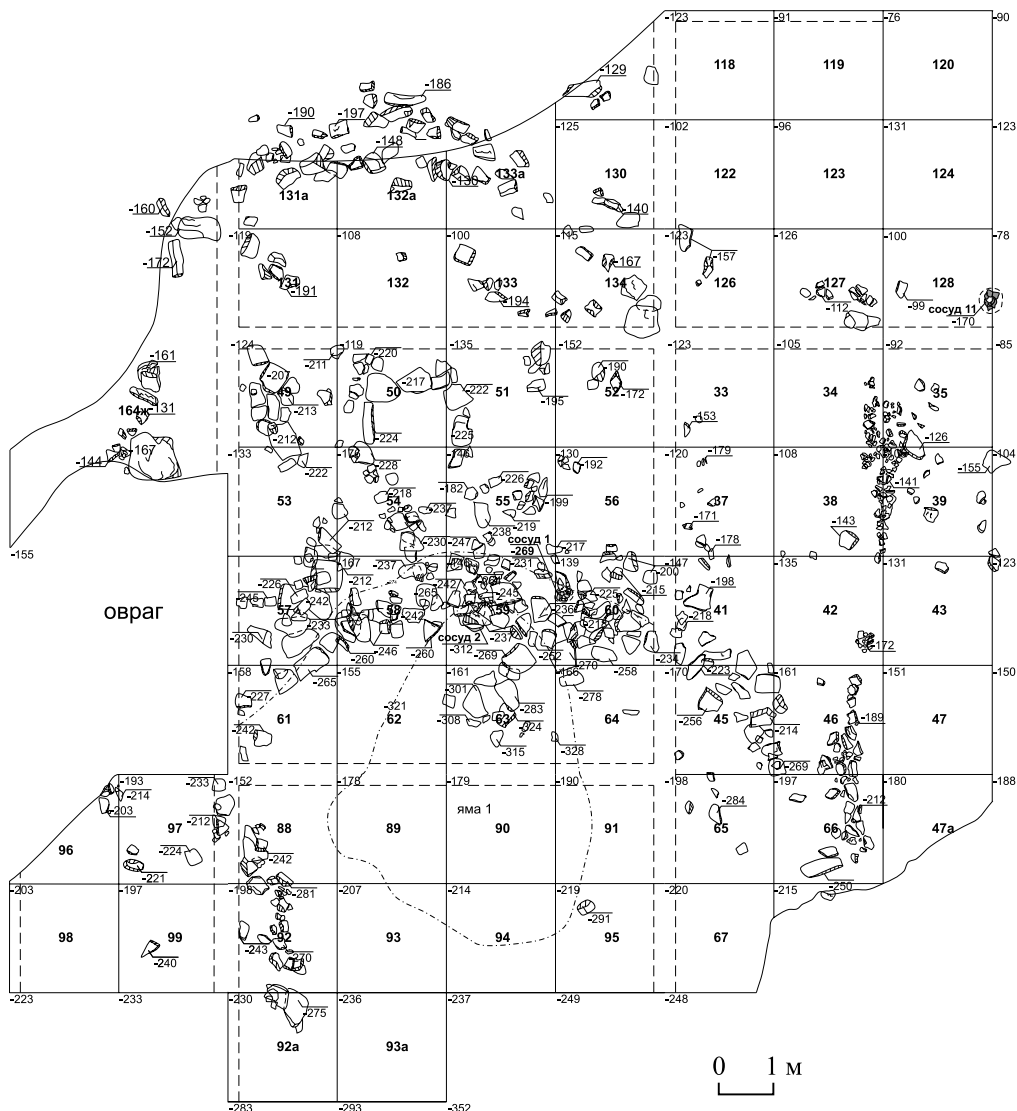

Рис. 9 – Поселение Малоюдашево I. Постройка 1

уровня дневной поверхности – от 30 см до 1,2 м. Между отдельными камнями зафиксирована обмазка из белой глины, использовавшейся в качестве связующего раствора. Общая площадь раскопа, на которой зафиксированы остатки каменного сооружения, – 14×18 м. Восточная граница сооружения, представлявшая собой вытянутую по линии С–Ю цепь каменных выкладок длиной до 11 м, прослежена на участке III, в квадратах 35, 39, 42, 46, 66, а также на участке IX, в квадратах 127 и 128. Северная граница сооружения – дугообразная, частично разрушенная оврагом, каменная выкладка длиной до 14 м прослежена на участках IX (квадраты 126–128), X (квадраты 130, 131а, 132а, 133а) и XIV (квадрат 164ж). Западная граница, представлявшая собой вытянутую по линии ССЗ–ЮЮВ, частично разрушенную оврагом, цепь каменных выкладок длиной до 18 м, выявлена на участках № XIV (квадрат 164ж), IV (квадраты 49, 57, 61), VII (квадраты 97, 99), VI (квадраты 88, 92, 92а). Южная граница сооружения не сохранилась, вероятно, была

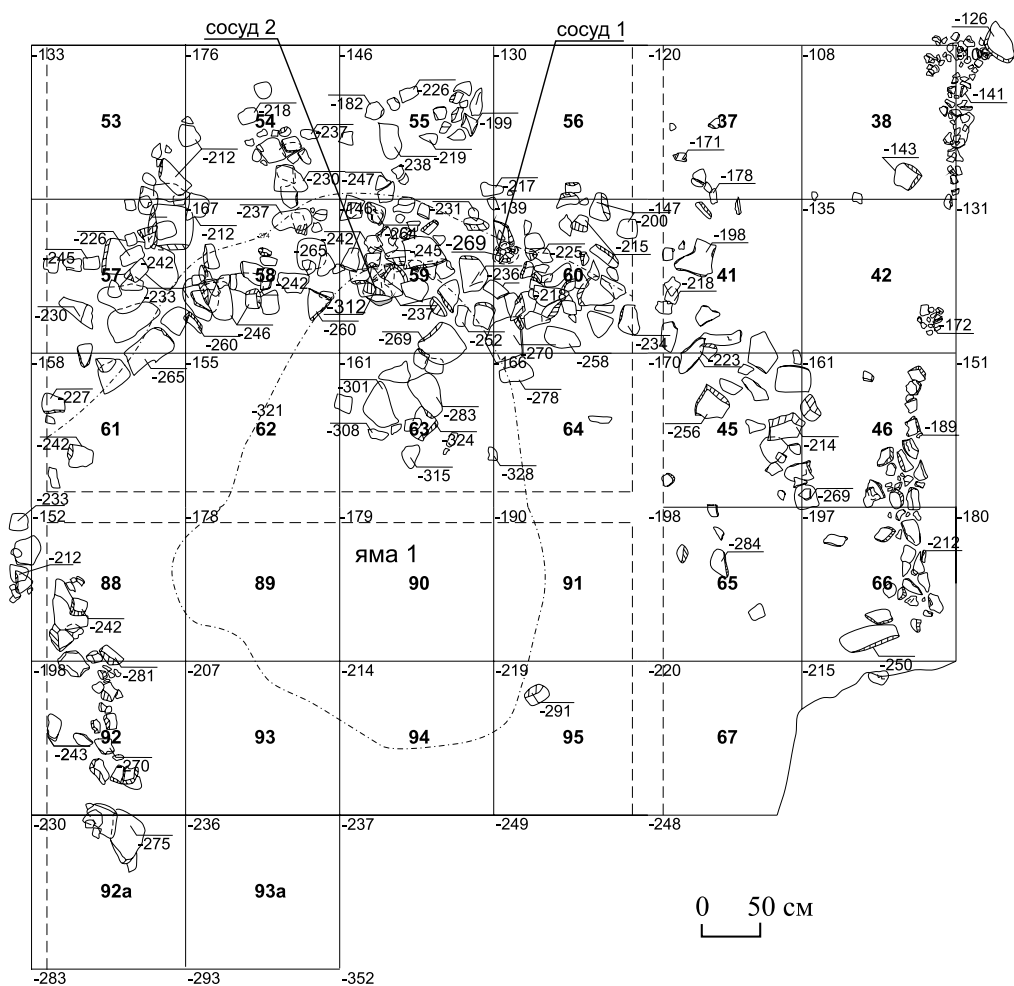

Рис. 10 – Поселение Малоюлдашево I. Постройка 1. Центральная часть

разрушена при строительстве дороги. Углы сооружения прослежены на квадратах 164ж (северо-западный угол), 128 (северо-восточный), 92а (юго-западный) и 66 (юго-восточный).

В пределах каменного сооружения отмечена значительная концентрация артефактов – костей домашних и диких животных, фрагментов керамики, углей (рис. 11–14). На участке III в квадрате 39 на штыке 3 (–162 см от 0) найдено керамическое пряслице диаметром 2,2 см, высотой около 1 см (рис. 49, 3); в квадрате 38, штык 7 (–199 см от 0) – бронзовая загнутая под углом 90° игла длиной около 11 см (рис. 48, 6). В заполнении сооружения эпизодически встречались находки, имеющие отношение к неолиту – фрагменты гребенчатой керамики и кремневые отщепы и нуклеусы – что, вероятно, связано с тем, что сооружение позднего бронзового века прорезало слой неолитического поселения. На участке III

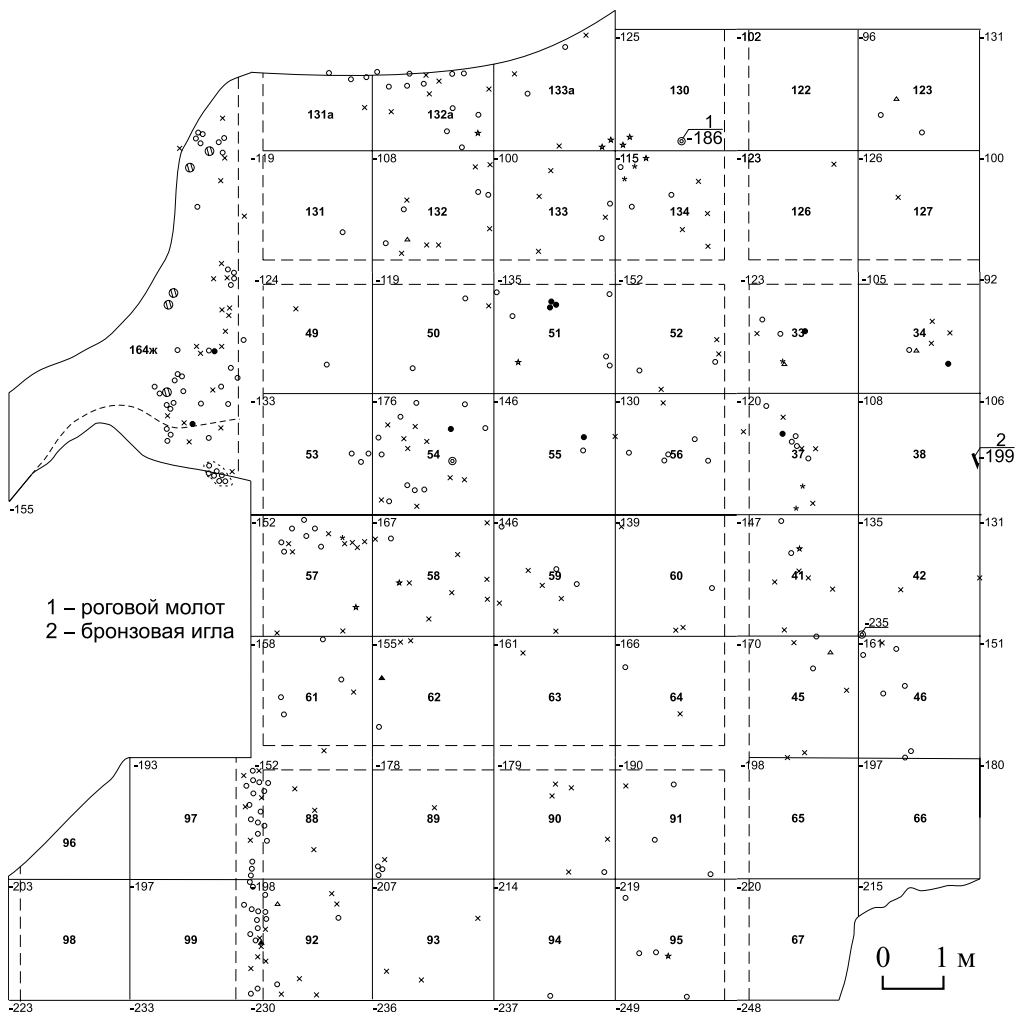

Рис. 11 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 1. Штык 7

отмечены многочисленные следы горения – прокаленная земля, угли, шлаки, кальцинированные и обожженные кости. На участке X, на северной периферии каменного сооружения в квадратах 130, 133, 134 обнаружены многочисленные медные шлаки, что позволяет предположить наличие здесь собственного металлургического производства.

По всей видимости, постройка имела две камеры, граница между которыми проходит по линии З–В на участке IV в квадратах 57–60 (рис. 9–10). Поскольку на территории постройки в северной ее части расположен овраг, а южная разрушена автомобильной дорогой, достаточно сложно в настоящее время выяснить возможные перестройки данного строения в течение времени. Еще одной сложностью в ходе реконструкции постройки является супесчаный материк, который

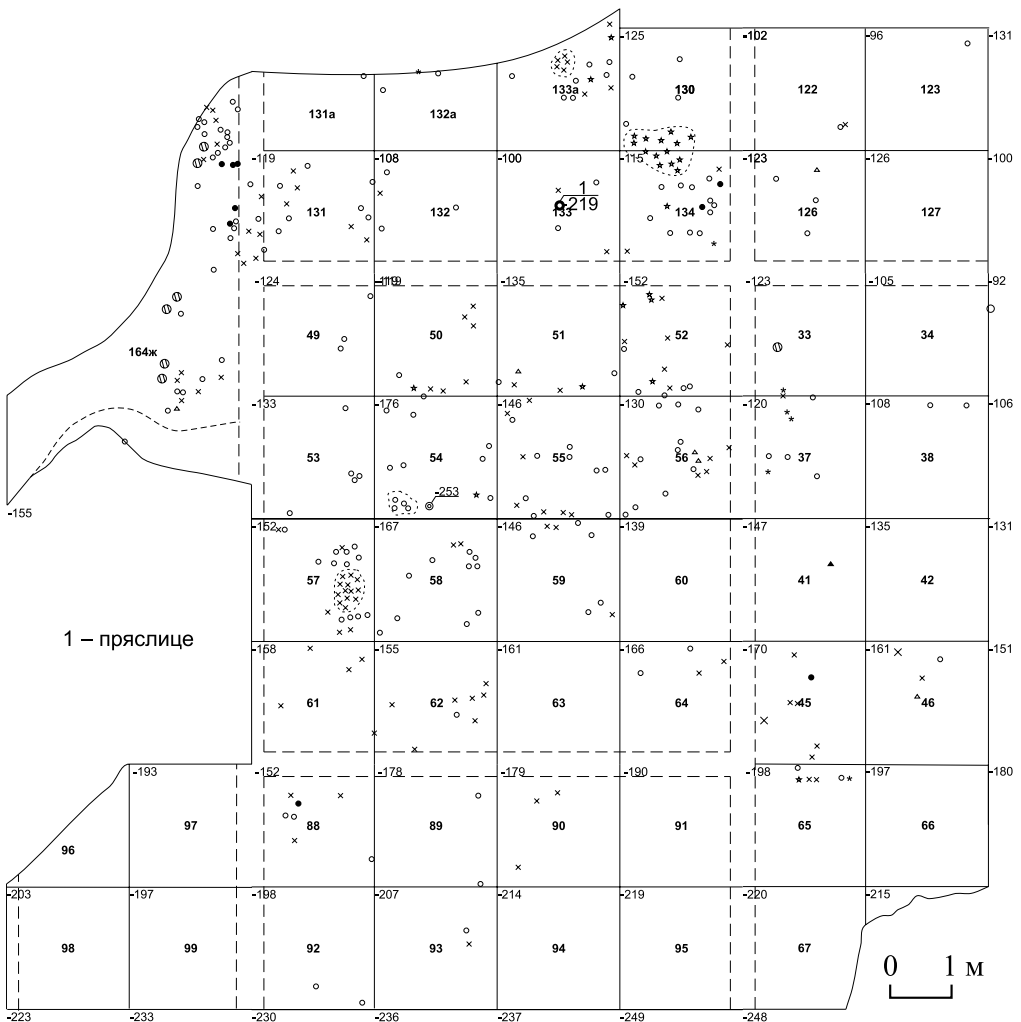

Рис. 12 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 1. Штык 8

в ходе работ не позволял отмечать некоторые строительные особенности, а зачастую вводил в заблуждение. Возле оврага крупные камни, утопая в песке, были сильно подвержены перемещениям в слое, что было отмечено в северной и центральной части участка IV. Данные процессы могли происходить как в древности, когда, вполне возможно, происходили некоторые работы по перепланировке, так и на современном этапе вследствие антропогенного воздействия. В ходе экспедиции местные жители неоднократно отмечали, что камни с территории постройки забирались для хозяйственных нужд с мест, где эти камни обнажались (карьер и автодорога).

В южной части постройки в пределах участков IV (квадраты 57–64) и VI (квадраты 88–91, 93) на глубине –274 см от 0 была обнаружена яма 1 неправильной

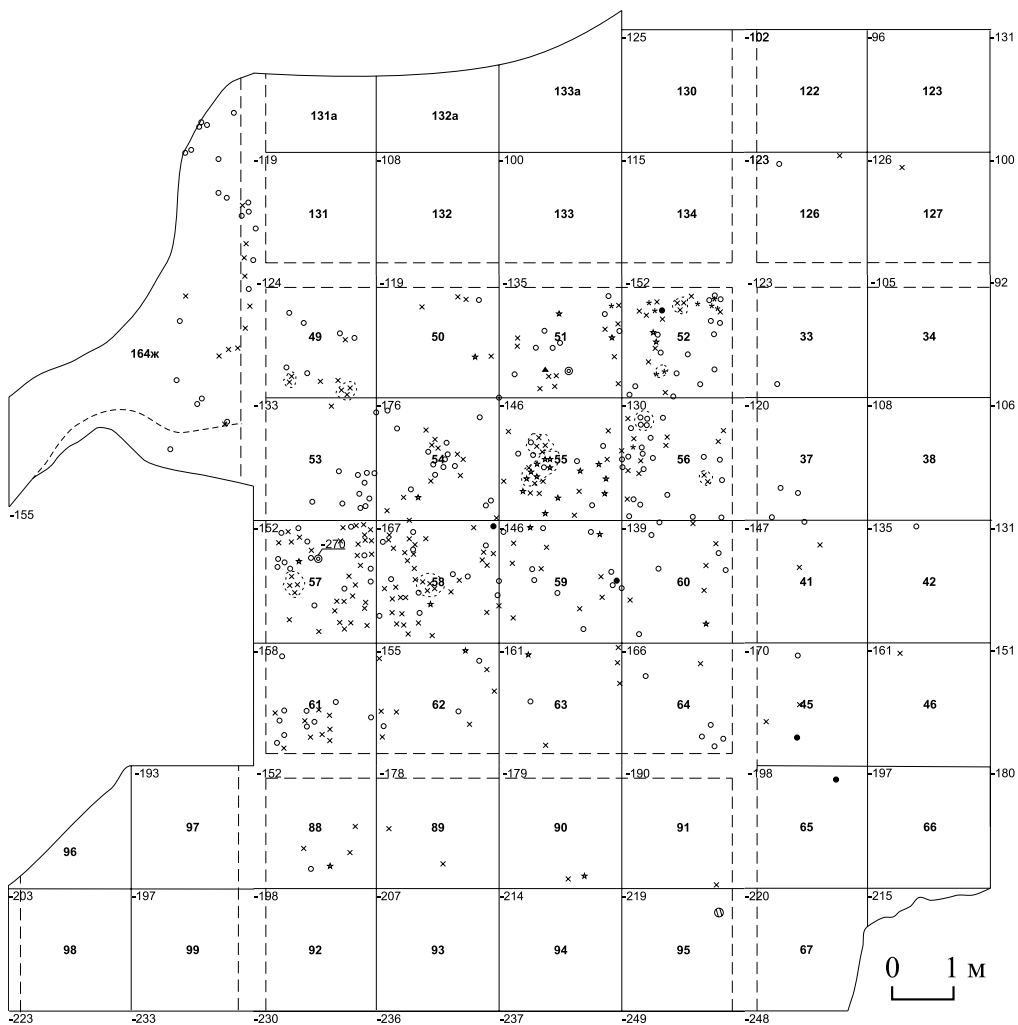

Рис. 13 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 1. Штык 9

округлой формы (рис. 15). Заполнение ямы состояло из темно-серой гумусированной супеси с включениями золы и угля, в заполнении отмечена значительная концентрация костей животных, фрагментов керамики, кусков дерева, следов горения (угли, обожженные кости, шлаки). На глубине –290 см от 0 (штык 13) был найден фрагмент бересты (рис. 49, б). В квадрате 59 на штыке 13 обнаружено «пряслице» из бедренной кости лошади, диаметром 2,5 см, высотой 1,2 см (рис. 70, б). В квадрате 63 на штыке 13 (–303 см от 0) найдено костяное орудие из ребра КРС (рис. 66, 2). По мере продвижения вглубь яма сужалась, и в центральной, наиболее глубокой части, была выявлена *каменная конструкция* – систематическая каменная кладка в форме округлого колодца или глубокого очага, диаметром около 2 м (рис. 16). В глубину конструкция достигала 1,7 м:

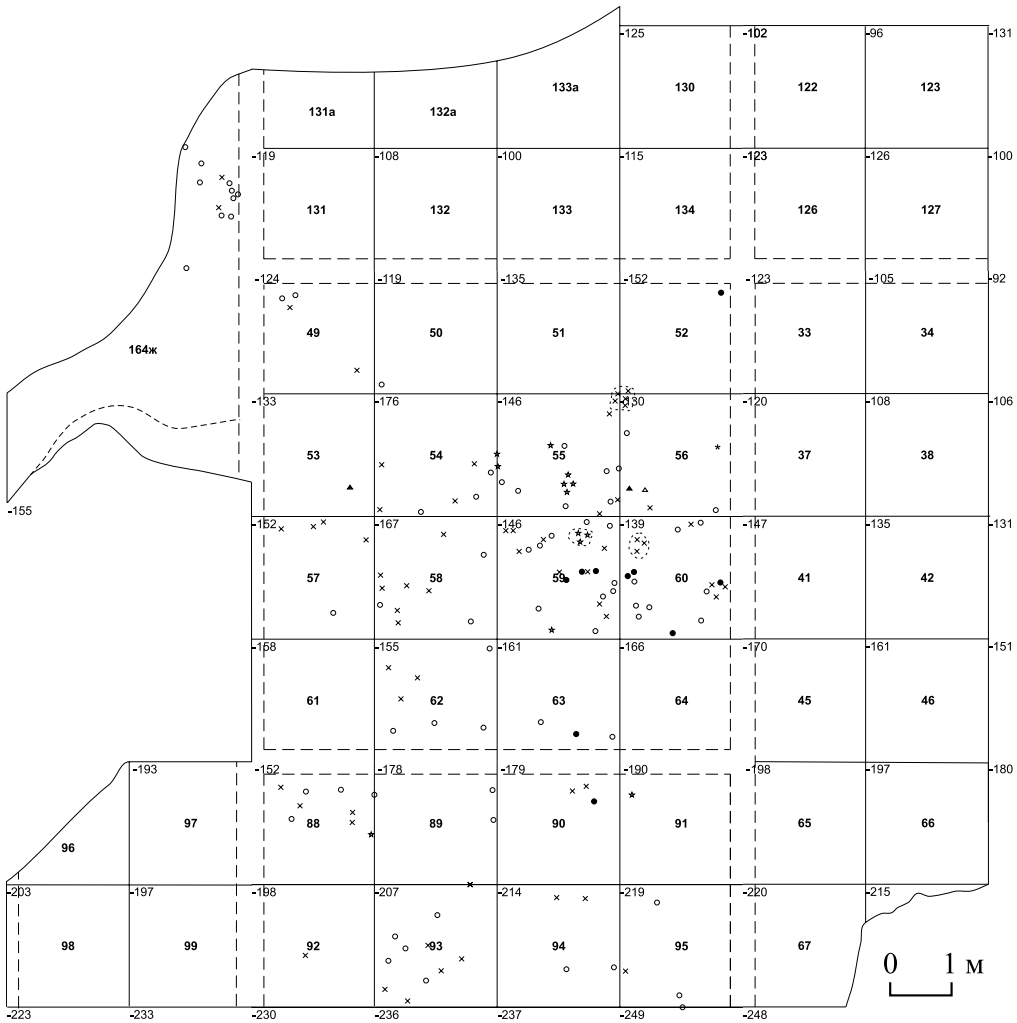
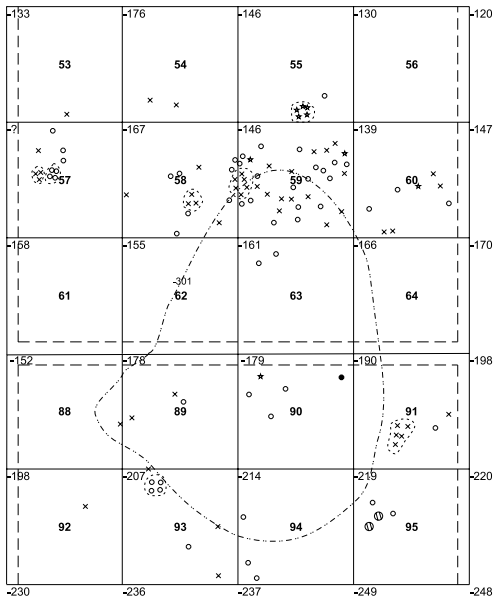
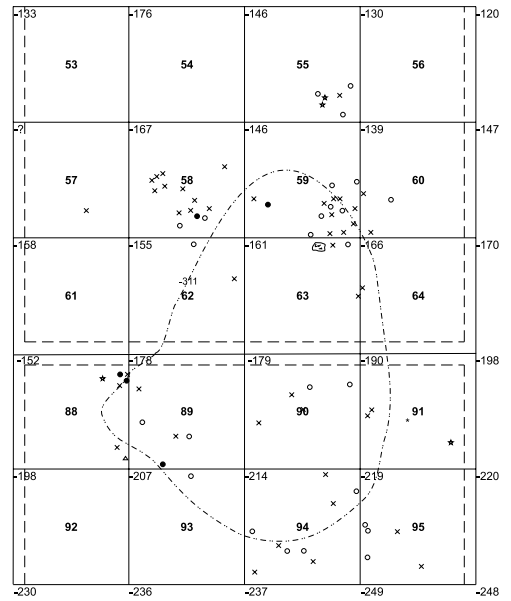

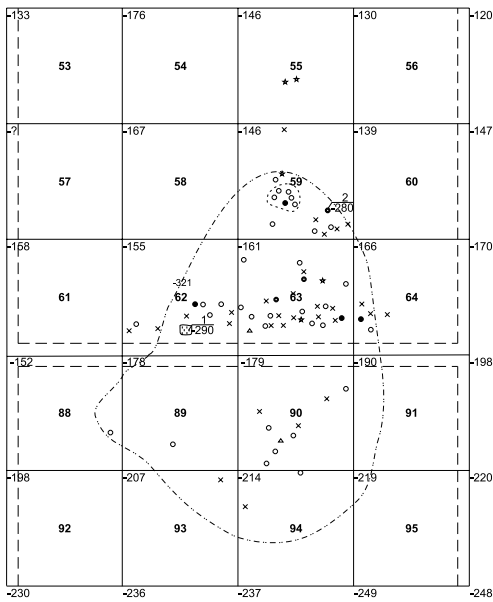
Рис. 14 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 1. Штык 10

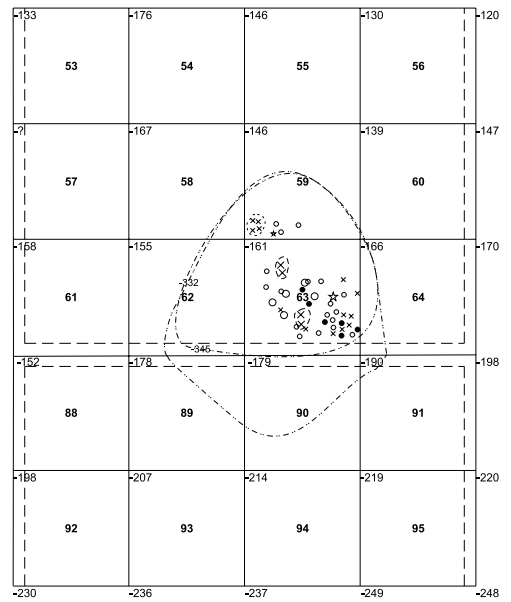
1

2

3

4

0 1 м

1 – фрагмент бересты
2 – пряслице

Рис. 15 – Поселение Малоюлдашево I. Яма 1

1 – штык 11; 2 – штык 12; 3 – штык 13; 4 – штык 14–15 (находки штыка 15 выделены более крупно)

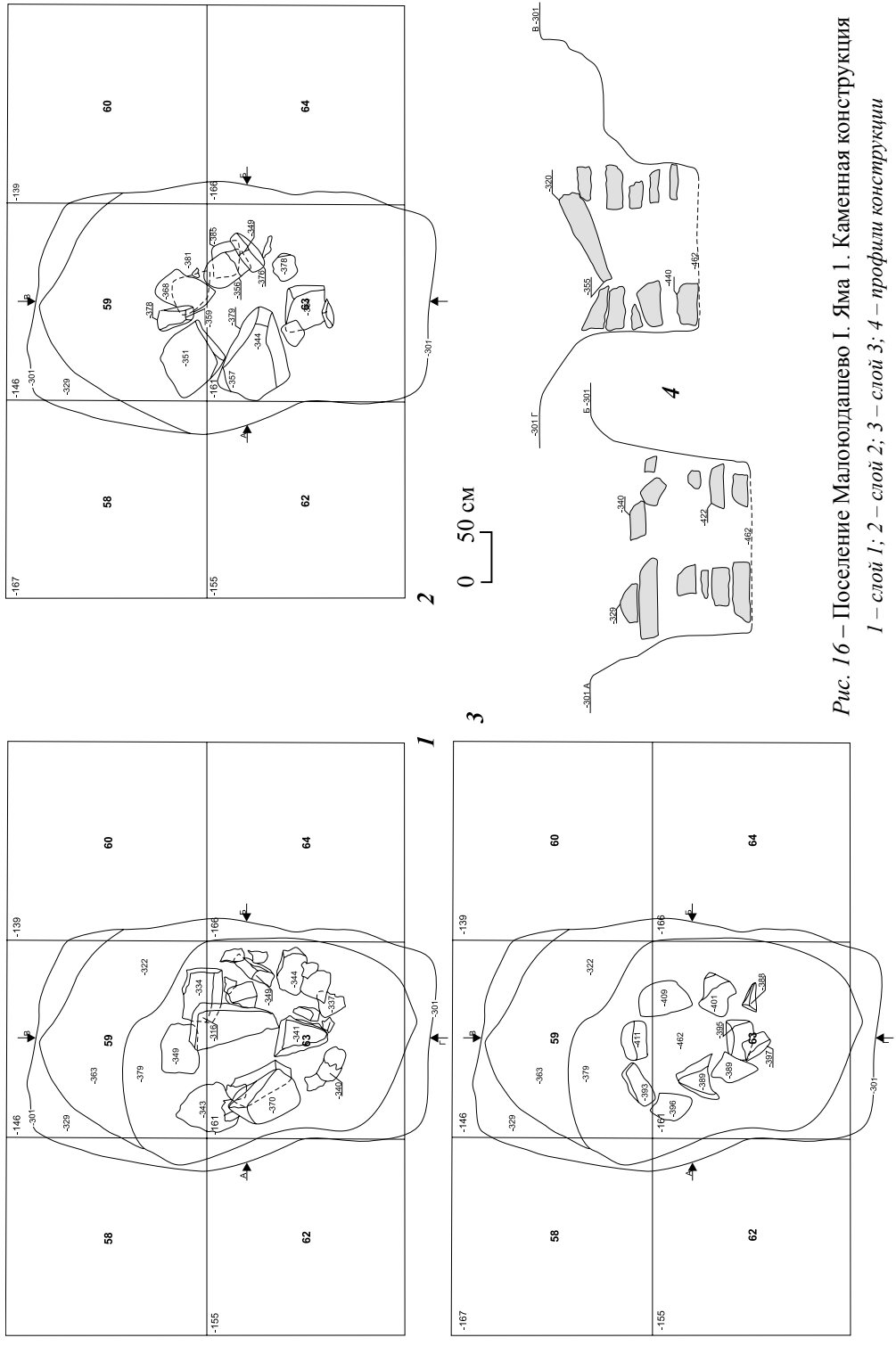

Рис. 16 – Поселение Малюдашево I. Яма I. Каменная конструкция
1 – слой 1; 2 – слой 2; 3 – слой 3; 4 – профили конструкции

верхние слои залегания каменной кладки зафиксированы на глубине –283 см от 0, дно конструкции – на глубине –454 см от 0. Конструкция была сложена следующим образом: в верхней части располагались плоские плиты, внутри – массивные необработанные булыжники. Заполнение между камнями состояло из грунта, щебня, золы, угля. В верхней части конструкция устьем выходила на север, в сторону стены жилища. Заполнение конструкции и заполнение между камнями представляло собой золу с включениями мелкого угля и щебня. Стенки конструкции были прокалены настолько, что некоторые камни, ее образующие, рассыпались; материковый песок имел ярко выраженный оранжевый цвет. Один из камней был отёсан. Южная стенка была обложена вертикальными плитами размерами от 15 до 30 см. На нижнем уровне камни обработаны таким образом, чтобы было возможно их выложить по кругу. К северо-западу от конструкции на глубине –312 см от 0 находился *развал сосуда № 2*, материк под которым был прокаленным. Еще один развал (*сосуд № 1*) был найден в 2 м к северо-востоку, на глубине –269 см от 0.

Сосуд 1 (рис. 38, 1) баночной формы с открытым горлом. *H* сосуда – 32,5 см, *D* горла – 22 см; *D* дна – 13 см; *D* максимального расширения тулова – 24 см. Толщина стенок 7–13 мм. Поверхность сосуда светло-серая, черепок в изломе серый. Верхняя часть сосуда орнаментирована. По горлу сосуда среднезубчатым штампом были нанесены заштрихованные треугольники вершинами вверх, под ними крупнозубчатым штампом были сделаны вдавления, не представляющие собой систему.

Сосуд 2 (рис. 38, 2–4) – форму невозможно определить из-за плохой сохранности. Сохранилась нижняя неорнаментированная часть сосуда. *D* дна – 21 см. Толщина стенок 7–10 мм. Внутри данного сосуда находилась часть другого сосуда (*сосуд 2А*), представлявшая собой фрагмент стенки и днища, фрагмент не орнаментирован. Оба сосуда очень близки типологически: оба серого цвета, черепки в изломе черные. Особенностью сосудов является слоистость стенок.

1.2.2 Постройка 2

Исходя из скопления материала на участке II и концентрации камня по периметру участка, можно предположить наличие на поселении второй постройки, которая располагалась восточнее постройки 1. *Постройка 2*, так же как и первая, представляла собой наземное сооружение. Скопление камней от постройки, ориентированное по линии запад – восток, зафиксировано в квадратах 25 и 26 на глубине от –184 до –212 см от 0 (штыки 5–8). Отдельные фрагменты каменной конструкции отмечены в квадратах 17, 19, 20, 23, 27, 29–31 на глубине от –157 до –224 см от 0 (рис. 17).

В ходе работ на глубине –183 см от 0 (на 6 штыке) была выявлена *яма 2* неправильных очертаний, размерами 5×6 м (рис. 18–19). Яма сужалась по мере углубления, дно было зафиксировано на уровне материка (9 штык, –215–225 от 0). В пределах ямы в квадрате 21 на глубине от –188 до –207 см от 0 было обнаружено пять развалов сосудов (*сосуды № 3–7*). Еще один развал (*сосуд № 8*) находился в 50 см к востоку от указанных развалов в квадрате 22, на глубине –209 см от 0. В 3 м к ССВ от сосудов № 3–8, в квадрате 18, на глубине –167 см от 0 был

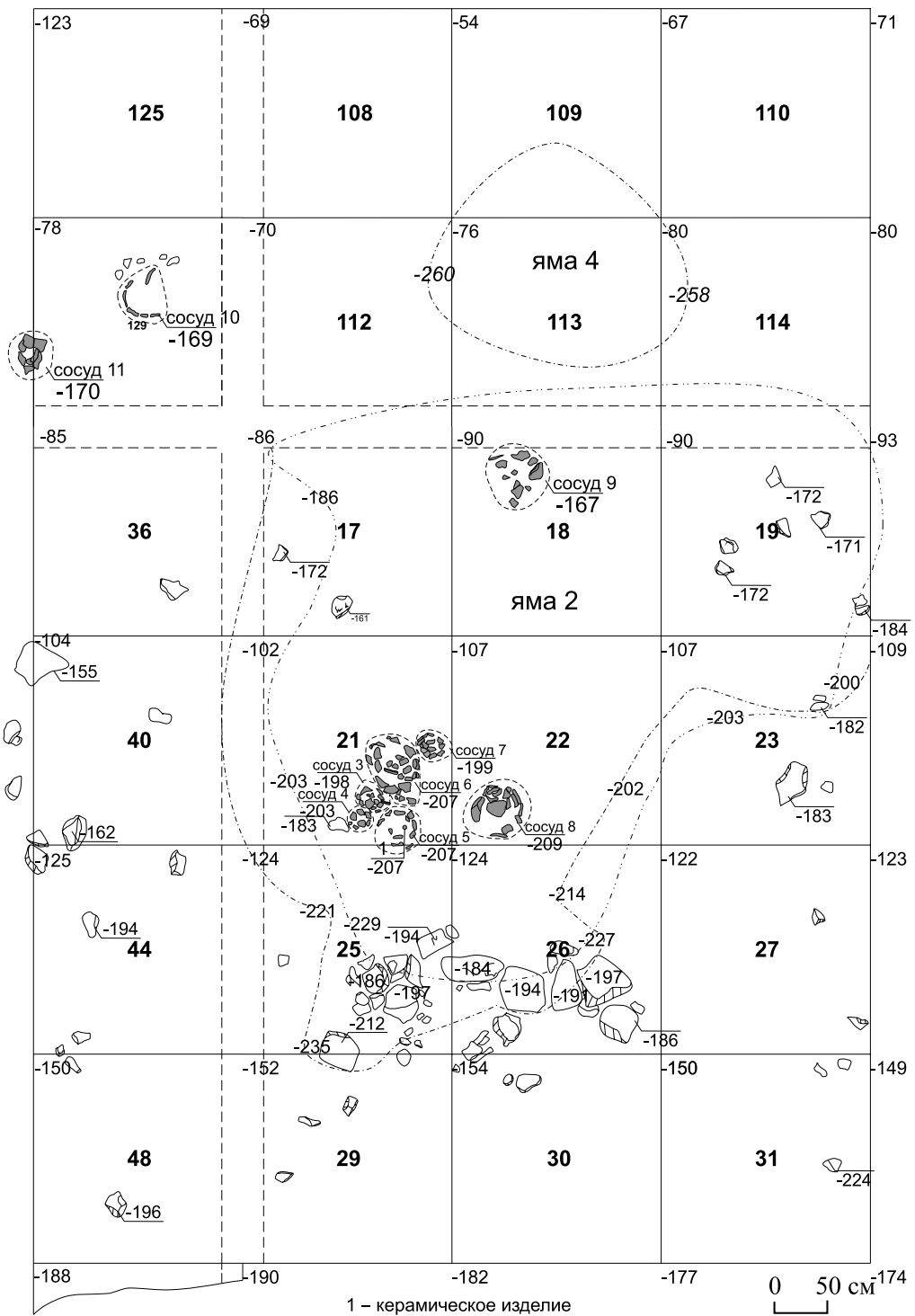

Рис. 17 – Поселение Малоюлдашево I. Постройка 2, яма 2 и яма 4

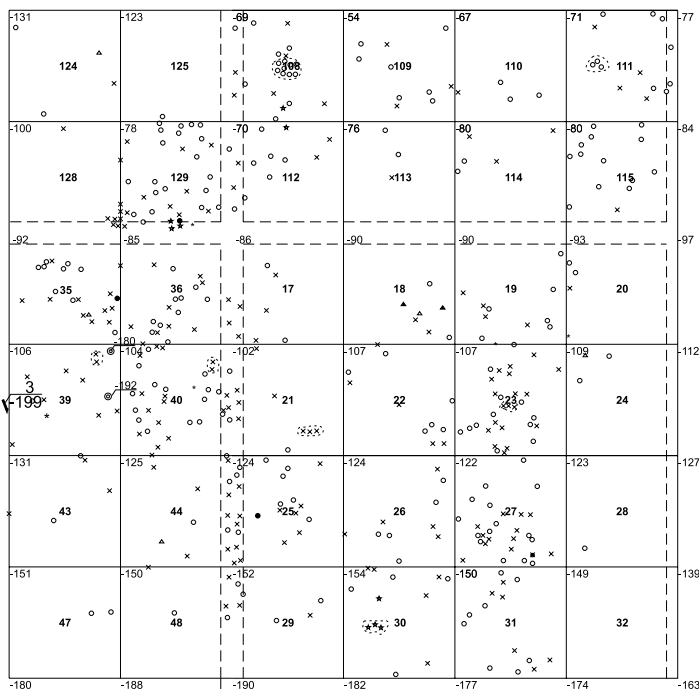
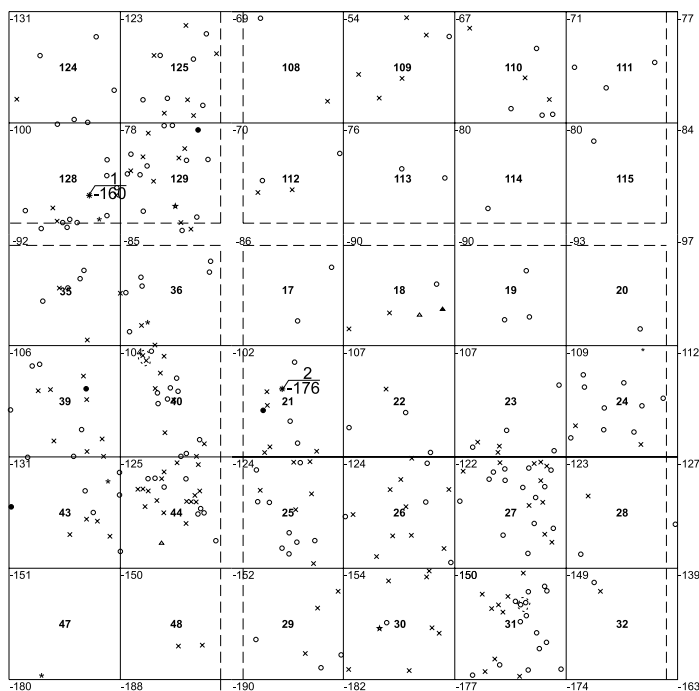
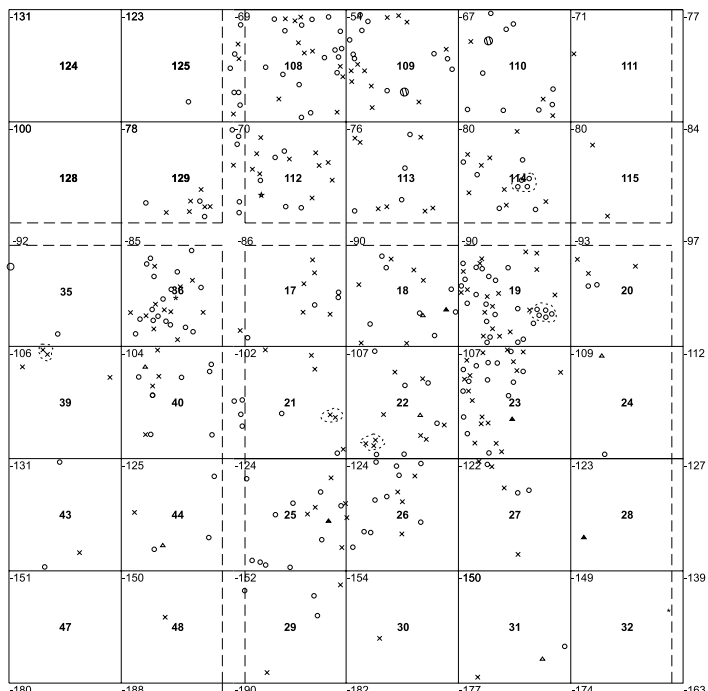
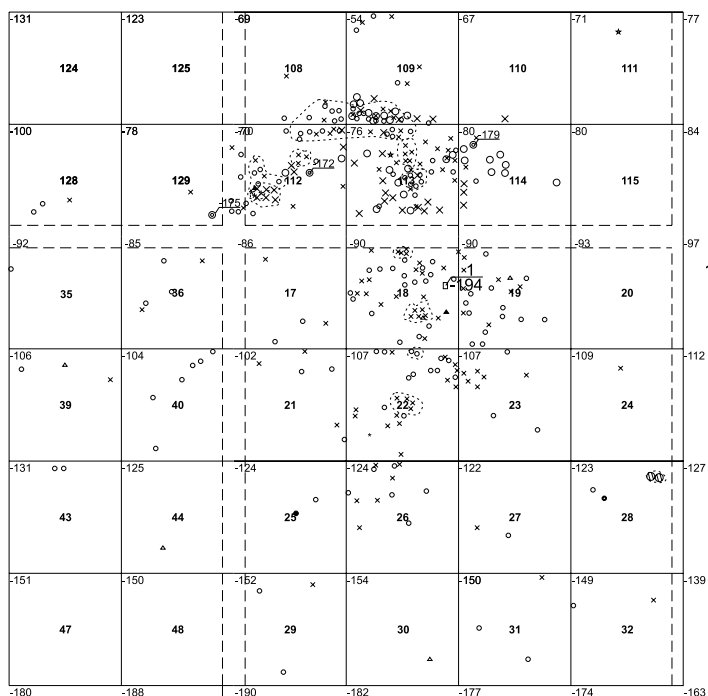

Рис. 18 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 2

1 – штык 6; 2 – штык 7

1

1 – фрагмент
сланцевой
плитки

2

Рис. 19 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах постройки 2
1 – штык 8; 2 – штык 9–10 (находки штыка 10 на участке VIII выделены крупнее)

обнаружен *развал сосуда № 9*. Среди фрагментов керамики в развале сосуда № 6 было найдено керамическое изделие конической формы, с нанесенными по всей поверхности вдавлениями в виде небольших кружков (*рис. 49, 1*). Помимо указанных развалов, в заполнении ямы 2 отмечена значительная концентрация находок – костей животных, фрагментов керамики, следов горения в виде углей и кальцинированных костей, неолитических каменных орудий.

К северо-западу от ямы 2, в квадратах 128 и 129 были обнаружены два развала сосудов (*сосуды № 10–11*) на глубине от –165 до –170 см от 0 (*рис. 36, 1, 2*). В 60 см к западу от них (квадрат 128) на глубине –160 см от 0 обнаружен бронзовый нож (*рис. 48, 1*).

Описание сосудов

Сосуд 3 (рис. 39, 1) горшечной формы, сохранилась часть стенки сосуда. Размеры сосуда невозможно определить из-за плохой сохранности. Толщина стенок – 5–7 мм. Сохранившаяся часть сосуда не орнаментирована.

Сосуд 4 (рис. 39, 2) – форму невозможно определить из-за плохой сохранности. Сохранилась нижняя часть сосуда. *D* дна – 11 см. Толщина стенок – 10–12 мм. По сосуду нанесены расчесы.

Сосуд 5 (рис. 35, 1) баночной формы, верхняя часть не сохранилась, *D* дна – 14 см, высота сохранившейся части сосуда 32 см. Толщина стенок – 10–15 мм. По всему сосуду нанесены расчесы.

Сосуд 6 (рис. 39, 3) – форму невозможно определить из-за плохой сохранности. Сохранилась нижняя часть сосуда. *D* дна – 12 см. Толщина стенок – 9–11 мм. По сосуду нанесены расчесы.

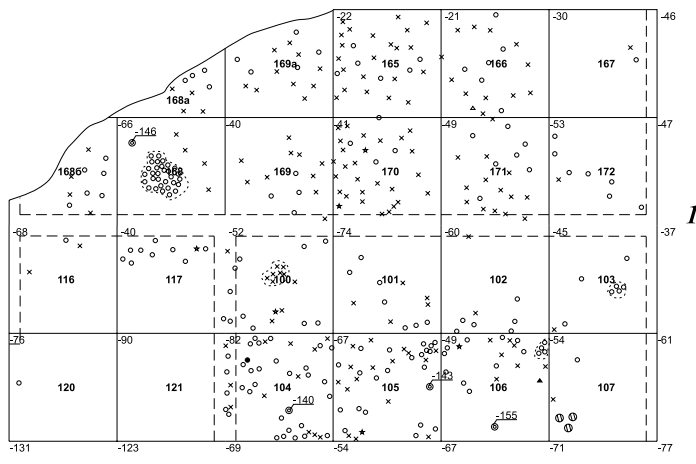
Сосуд 7 (рис. 39, 4) – форму невозможно определить из-за плохой сохранности. Сохранилась нижняя часть сосуда. *D* дна – 11 см. Толщина стенок – 11–14 мм. Сохранившаяся часть сосуда не орнаментирована.

Сосуд 8 (рис. 35, 2) баночной формы. *H* сосуда – 34,5 см, *D* горла – 34 см; *D* дна – 15 см; *D* максимального расширения тулова – 37 см. Толщина стенок – 10–17 мм. Поверхность сосуда светло-коричневая, черепок в изломе черный. На поверхности всего сосуда нанесены расчесы.

Сосуд 9 (рис. 39, 5) – плавнопрофилированный горшок. Сохранилась верхняя часть сосуда, которая орнаментирована по венчику заштрихованными треугольниками вершинами вниз, а по горлу – заштрихованными треугольниками вершинами вверх. Орнамент нанесен среднезубчатым штампом. Поверхность сосуда светло-коричневая, черепок в изломе черный. Толщина стенок – 8–14 мм.

Сосуд 10 (рис. 36, 1) – горшок со сглаженным ребром при переходе от шейки к тулову. *H* сосуда – 34 см, *D* горла – 28 см; *D* дна – 15,5 см; *D* максимального расширения тулова – 32,5 см. Толщина стенок 9–14 мм. Поверхность сосуда светло-коричневая, верхняя часть сосуда от ребра до венчика темно-серая. Черепок в изломе серый. Верхняя часть сосуда орнаментирована, орнамент нанесен среднезубчатым штампом.

Сосуд 11 (рис. 36, 2) – горшок со сглаженным ребром при переходе от шейки к тулову, со слегка утолщенным и отогнутым венчиком. *H* сосуда – 28 см, *D* горла – 22 см; *D* дна – 12,5 см; *D* максимального расширения тулова – 26,5 см.

1 – бронзовое шило
 2, 3 – фрагменты
 бронзовых изделий
 4 – пряслице

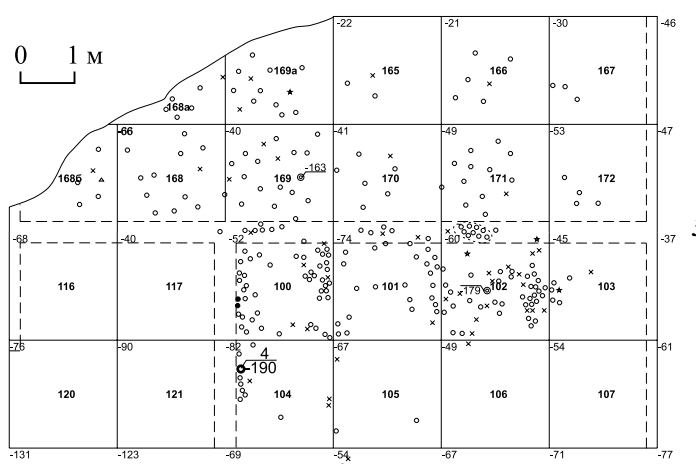
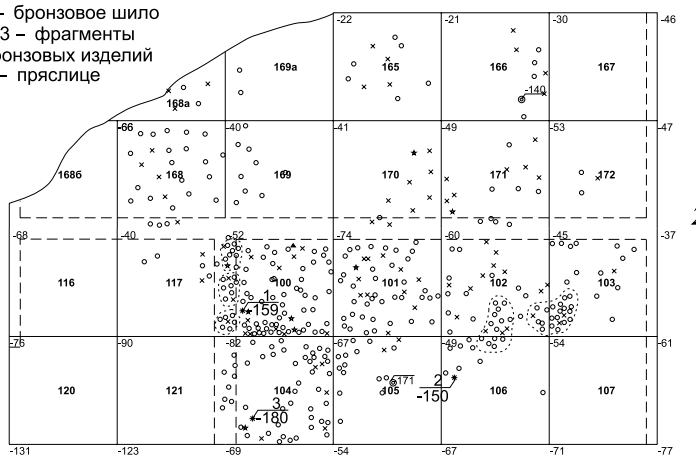
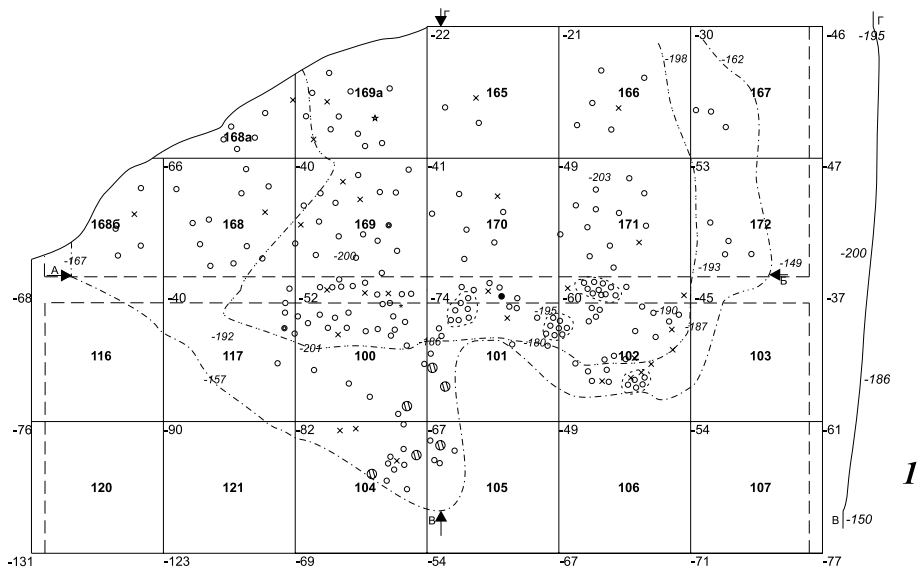
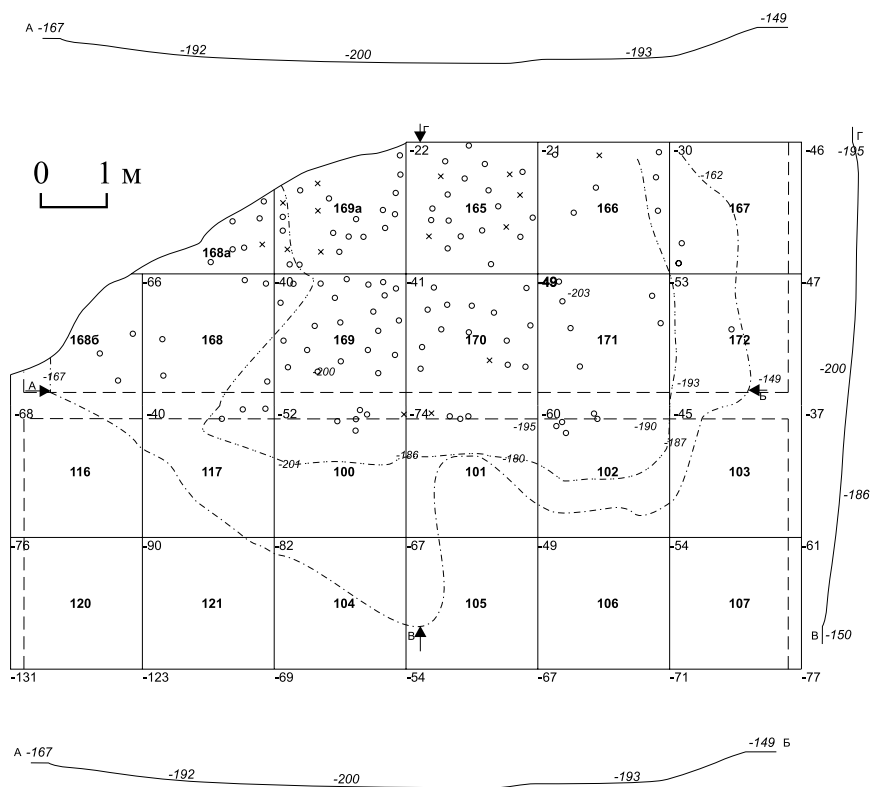

Рис. 20 – Поселение Малоюлдашево I. Распространение находок в границах ямы 3
 1 – штык 8; 2 – штык 9; 3 – штык 10

I

2

Рис. 21 – Поселение Малоюлдашево I. Яма 3
1 – штык 11; 2 – штык 12

Толщина стенок 9–15 мм. Поверхность сосуда светло-коричневая по тулову, верхняя часть сосуда значительно темнее. Черепок в изломе имеет два цвета, наружная часть светлая, внутренняя – черного цвета. Верхняя часть сосуда орнаментирована вдавленными насечками крупнозубчатого штампа по венчику и заштрихованными треугольниками вершинами вверх по горлу сосуда, выполненными аналогичным штампом. По всему сосуду были сделаны расчесы.

Вероятно, яма 2 являлась котлованом постройки, практически незаглубленной в материк. По периметру ямы прослежены наброски из камня, который был частью стены дома или его облицовки. Достаточно хорошо сохранилась южная часть постройки, где выявлены наиболее крупные камни. Можно предположить, что частью постройки 2 также являлась яма 4, выявленная в южной части участка VIII (квадраты 109, 113, 114) на штыке 8 (–171 см от 0) (рис. 22). Яма округлой в плане формы, диаметром 2,5 м. Глубина ямы – 15 см от уровня материка (дно зафиксировано на глубине –192 см от 0). В заполнении ямы обнаружены кости животных, фрагменты керамики, угли, а также несколько обработанных костей. В 40 см к западу от ямы в квадрате № 112 на глубине –180 см от 0 (штык № 10) найден развал сосуда 12.

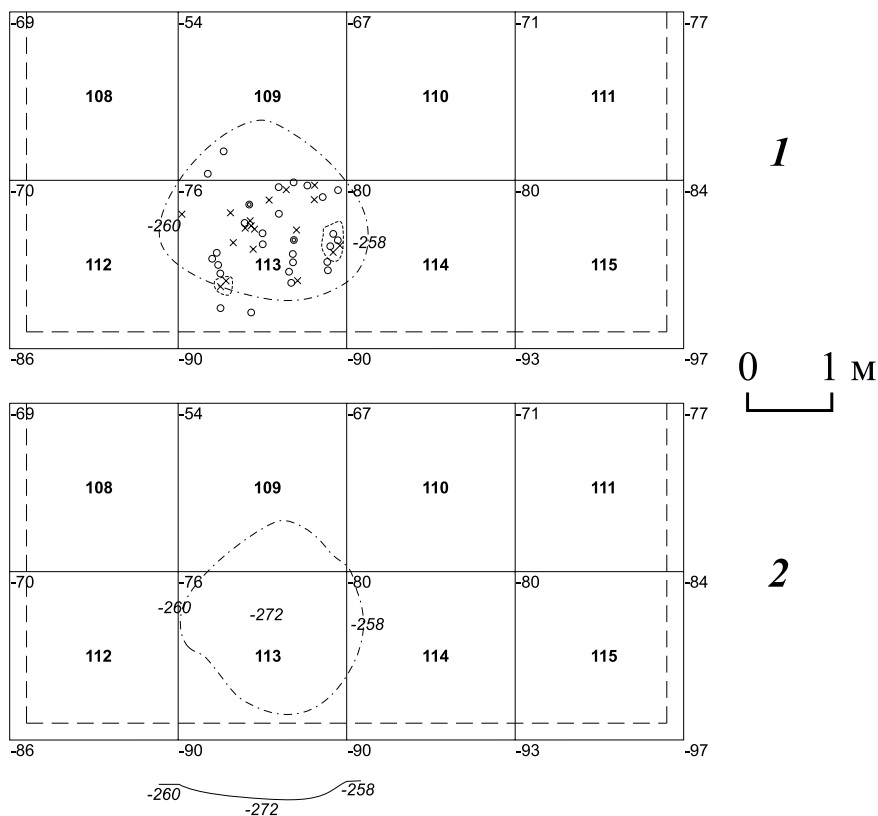

Рис. 22 – Поселение Малоюлдашево I. Яма 4
 1 – штык 11; 2 – штык 12

Сосуд 12 (рис. 36, 3) – плавнопрофилированный горшок. Сосуд фрагментирован. Диаметр горла и максимальное расширение тулова определить невозможно, *D* дна – 13 см, *H* сосуда составляет примерно 28 см. Определить точную высоту невозможно из-за того, что в ходе реставрации не удалось соединить верхнюю и нижнюю части сосуда. Толщина стенок 10–12 мм. Верхняя часть сосуда орнаментирована хаотичными прочерчиваниями и вдавлением среднезубчатого штампа, стенки орнаментированы заглаживанием и расчесами. В верхней части сосуда отмечены сквозные округлые отверстия.

К северу от постройки 2, на участке VIII в квадратах 100–105 и в северо-восточной части участка IX (квадрат 117) на штыках 8–10 выявлена яма 3. В связи с тем, что пятно уходило под бровки участков VIII и IX, с севера был прирезан участок XV, раскопом которого яма 3 была исследована полностью (*рис. 20–21*). Яма имела неправильные очертания, в северной части – овальная форма, в южной части – очертания, близкие к форме знака вопроса. Возможно, здесь были две округлые ямы, прорезавшие одна другую. В западной части заполнение состояло из золистой темно-серой гумусированной супеси со значительной концентрацией костей и фрагментов керамики, в восточной части ямы концентрация золы была значительно ниже. По линии запад – восток длина ямы достигала до 9 м, ширина (по линии север – юг) в западной части – 7,5 м, в восточной части – 6 м. Глубина ямы достигала 40 см, дно зафиксировано на глубине –203 см от 0. Большая часть находок представлена костями домашних животных, реже встречаются фрагменты керамики позднего бронзового века (срубная культура), отдельные неолитические кремневые орудия труда, шлаки, угли.

1.2.3 Реконструкция и интерпретация построек

Исходя из имеющихся данных, судить о конструкции построек можно лишь предположительно. Вероятнее всего, они представляли собой наземные строения. Принципиальных различий в конструкции построек, скорее всего, не было, и отличаются они лишь размерами. Возможно, постройка 2 имела хозяйственное назначение.

Для оформления пола внутри построек был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание в постройке.

Фундаментом сооружений служили крупные камни, которые равномерно укладывались по периметру строения. Стены могли быть изготовлены из деревянных блоков или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. В этом случае мелкие камни, обнаруженные в ходе раскопок в большом количестве, могли быть отличным облицовочным материалом, который достаточно прочен и хорошо защищает основание стен от дождей. Вероятность такого приема в домостроительстве отмечена в ряде работ по каменному домостроению (Горбов, 1997, с. 152; Горбов, 2000, с. 55; Ромашко, 2001, с. 142, и др.). Данное предположение подкрепляется тем, что на отдельных участках постройки отмечено использование белой глины как связующего раствора для укладки камней.

Еще одним вариантом сооружения стен мог быть деревянный сруб или какой-либо другой вариант конструкции из этого материала. Ранее уже высказывалось предположение об использовании дерева для наземных построек Западного Оренбуржья в эпоху бронзы. Основанием этому заключению послужило наличие достаточно сложных надмогильных и внутримогильных деревянных сооружений в могильниках срубной культуры (Файзуллин, 2015, с. 80–86). В этом случае камень могли комбинировать с деревом при сооружении основания стен.

Вопрос о форме крыши наземных построек неоднократно поднимался. Так, М.П. Грязнов единственно возможным способом оформления крыши считал опирающийся на края котлованов пирамидальный сруб с плоским верхом (Грязнов, 1953, с. 137–148).

В дальнейшем В.А. Ромашко, в целом соглашаясь с точкой зрения М.П. Грязнова, отмечал, что нагрузка действительно ложилась на края котлована. Однако в устройстве самой кровли, вероятно, применялась не система пирамидального сруба, а более конструктивно целесообразная стропильная шатровая конструкция, обычная для традиционного домостроительства многих древних и современных народов Восточной Европы (Ромашко, 2001, с. 133).

В поисках аналогий представленным постройкам были изучены бытовые памятники бронзового века как с территории Оренбургского Предуралья, так и сопредельных территорий.

На территории Оренбургского Предуралья известно 10 раскопанных построек эпохи поздней бронзы (Моргунова, Порохова, 1989, с. 160–172; Халяпина, 2000, с. 84–91; Файзуллин, 2015, с. 80–86). Ни на одной из известных построек камень не был основным строительным материалом, лишь изредка он использовался для обрамления кострищ и очагов либо для укрепления колодцев и хозяйственных ям. Наиболее интересными в этом плане являются хозяйственные ямы-погребца с Родникового и Покровского поселений, которые были очень качественно укреплены камнем по периметру (Порохова, 1989, с. 60–61, рис. 1; Купцова, Файзуллин, 2012, с. 73–76, рис. 4). До исследования Малоюлдашевского поселения в регионе полностью отсутствовали постройки, характеризующие традицию каменного домостроения, однако, как мы видим, камень использовался в ряде случаев для обустройства ряда конструкций. Отметим, что наземный характер построек вполне типичен для рассматриваемой территории. Из 10 раскопанных построек 6 наземные, как и постройки Малоюлдашевского поселения (Файзуллин, 2015, с. 44–46). Данный факт является косвенным признаком подвижности населения степного Оренбуржья.

В целой серии работ, посвященных памятникам Самарского Поволжья, практически не было отмечено применение камня при возведении построек эпохи позднего бронзового века (Мерперт, 1958, с. 104–138; Васильев, 1999, с. 66–67; Васильев, 2010, с. 74–77). На данной территории наиболее распространенным типом жилищ являются полуземлянки со столбовой конструкцией различных форм, которые варьируются по размерам. В данных постройках лишь изредка отмечалось использование камня для подсобных нужд, например, для выкладки кострищ и укрепления колодцев. Лишь один памятник с указанной

территории демонстрирует достаточно сходные строительные приемы. На поселении Михайло-Овсянка, исследованном Г.И. Матвеевой, была изучена постройка I на раскопе III (Матвеева, Колев, Королев, 2004, с. 75–77). Изученное строение представляло собой котлован шириной 6,5 м, длиной, по мнению авторов, не менее 9 м. Глубина котлована достигала 1,1 м. Авторами раскопок были изучены каменные стены вдоль северного и южного бортов котлована. Для выкладки использовался известняк различных форм и без видимой обработки, схожий с тем, который был найден на рассматриваемой постройке. Помимо этой постройки авторы раскопок обнаружили еще несколько небольших сооружений с каменными стенами, однако исследованы они были совсем небольшими площадями, и истинные их размеры остаются невыясненными. Отметим, что постройка I с Малоюлдашевского поселения все же больше по размерам и не имеет столь значительного заглубления в грунт.

Керамика поселения Михайло-Овсянка типична для срубной культуры, часть сосудов характеризуется покровскими признаками, сосуды по форме и оформлению близки подобной керамике Малоюлдашевского поселения.

Несмотря на небольшие различия в постройках, объекты с Михайло-Овсянки являются наиболее близкими к Малоюлдашевским как в культурном наполнении, так и в строительных приемах. Хочется отметить, что авторы раскопок подчеркивали, что поселений с каменным домостроением в регионе больше не отмечено (Матвеева, Колев, Королев, 2004, с. 75).

Помимо Самарского Поволжья, достаточно близкими в культурном плане выглядят бытовые памятники Башкирского Приуралья и Зауралья. Однако ни на одном из раскопанных поселений не было встречено каменного домостроения, здесь лишь изредка отмечалось использование камня для подсобных нужд: выкладка кострищ и укрепление колодцев (Морозов, 1983, с. 19–40; Горбунов, 1989, с. 60–82; Горбунов, 1992; Бахшиев, 2008, с. 14–25; Сунгатов, Бахшиев, 2008).

На территории Восточного Оренбуржья отмечены постройки алакульской культуры, в строительстве которых активно применялся камень. На поселениях Ушкатта, Шандаша, Тасты-Бутак из камня возводились перегородки, сооружались очаги, в некоторых случаях из него делали основания стен (Кузьмина, 1962, с. 9–11; Зданович, 1988, с. 141). Схожие традиции отмечаются и в Центральном Казахстане (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966). Постройки были укреплены по всему периметру камнями различных размеров и форм. Из камня выкладывались кострища и печи, на ряде поселений в углах построек ставили наиболее крупные камни для их укрепления. В ряде случаев сохранились части от стен, выполненных каменной кладкой.

При всей схожести с постройками Малоюлдашевского поселения, культурологическое содержание материала в данных памятниках значительно отличается: в их основе содержатся материалы, характерные для андроновских культур.

Ранее именно с андроновским влиянием связывали использование камня, который являлся достаточно распространенным материалом для перекрытия могил срубной культуры на территории Приуралья (Горбунов, Морозов, 1991, с. 91; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 146). В последующем, с накоплением материала в регионе, было отмечено, что камень в погребальной практике срубной

культуры начинает использоваться еще до первых контактов населения срубной культуры с андроновскими племенами (Купцова, 2014а, с. 65–74; Купцова, 2014б, с. 177–196). В этой связи и постройки с каменным основанием Малоюлдашевского поселения достаточно сложно связывать с восточным влиянием. При этом на поселении отмечена немногочисленная группа сосудов срубно-андроновского облика, технология изготовления которых в основном тяготеет к срубным гончарным традициям, что говорит о культурной доминанте населения срубной культуры.

Наиболее близкие в культурном плане памятники срубной культуры с применением камня в домостроительстве известны на территории Левобережной Украины (Шарафутдинова, 1982, с. 11–42), в частности – в Северо-Восточном Приазовье (Привалова, Привалов, 1987, с. 94–98; Горбов, Привалова, 1989; Горбов, 1997; Привалова, 2000, с. 105) и на Нижнем Дону (Потапов, 2000; Ларенок, 2000; Цыбрий, 2013). Традиция возведения построек с каменным основанием и стенами отмечается на данной территории с конца средней – начала поздней бронзы. Данный прием в домостроительстве характеризует некоторые постройки бабинской культуры, однако максимального расцвета он достигает в срубное время и в памятниках финальной бронзы (Горбов, 1997, с. 148–149; Горбов, 2000, с. 55–59).

Близкие постройкам поселения Малоюлдашево I сооружения были исследованы на территории Донецкого края. На Степановском поселении срубной культуры была изучена серия построек, каменные основания которых не были глубоко заглублены в материк и представляли собой большие конструкции (Бровендер, 2012, с. 89–95). Аналогично рассматриваемым постройкам и строение 1 Зимогорского поселения в Луганской области, которое авторами относится к срубному времени (Пробейголова, 2011, с. 81–84).

Несмотря на достаточную удаленность от территории Оренбургского Предуралья, памятники указанных регионов максимально близки исследуемым постройкам. Так же как и на Малоюлдашевском поселении, значительное число построек не заглублено в материк, в ходе строительства используется камень разных размеров. Кроме того, на указанных поселениях доминирует срубная культурная традиция. Таким образом, постройки с Малоюлдашевского поселения и постройки с Михайло-Овсянки в настоящее время являются единственными примерами каменного домостроительства у населения срубной культуры в Волго-Уральском регионе.

Возможно, постройка была сооружена на начальном этапе эпохи поздней бронзы. Доказательством этому служит полная сохранность погребения синташтинского времени, приуроченного к ней с южной стороны. По всей видимости, население, возводившее постройку, было осведомлено о наличии погребения, и сама постройка была либо приурочена к погребению, либо синхронна с ним. Учитывая максимальную концентрацию материала срубной культуры на площади постройки и в ее хозяйственной яме, можно предположить, что в последующем она активно использовалась населением срубного культурно-хронологического горизонта.

Достаточно сложно в настоящее время ответить на вопрос о причинах использования камня при строительстве на Малоюлдашевском поселении. Ответить

на вопрос, традиция ли это, привнесенная с других территорий, или необходимость, обусловленная отсутствием другого материала для строительства, поможет лишь дальнейшее накопление материала. Так или иначе, факт обнаружения постройки из камня говорит о значительном культурном разнообразии на территории Оренбургского Предуралья в эпоху позднего бронзового века.

1.3 Погребение на поселении Малоюлдашево I

Погребение было обнаружено во время вскрытия участка VI на глубине – 360 см от 0. Контуры могильной ямы не прослежены. Погребение представляло собой комплекс из трех скелетов взрослых людей (*рис. 23*).

Костяк 1 принадлежал мужчине пожилого возраста¹. Он покоился в положении скорченно, на правом боку, головой ориентирован на север. Кости рук погребенного были согнуты в локтях, кисти располагались напротив плечевых костей. Кости ног были слабо согнуты в коленях и перекрещены таким образом, что левая нога лежала поверх правой. Перед лицом стоял керамический горшок (*сосуд 1*), отремонтированный двумя бронзовыми скобами; под локтями обнаружено бронзовое шило (*шило 1*); за затылком скелета находилась пяточная кость КРС².

В ногах костяка 1 был расчищен *костяк 3*, принадлежавший мужчине 30–40 лет. Кости скелета 3 были уложены компактно «в пакет». Судя по тому, что некоторые части тела костяка 3 находились в ненарушенном анатомическом порядке (позвоночник, лопатки и ребра), можно предположить, что он был подвергнут расчленению непосредственно перед захоронением. Южнее костяка 3 было выявлено скопление четырех передних и семи задних конечностей пяти особей овцы. И костяк 3, и кости овцы составляли единый жертвенный комплекс, предназначенный погребению мужчины (*костяк 1*).

За спиной костяка 1 на расстоянии около 25 см располагался *костяк 2*, который принадлежал молодой женщине. Он находился в положении лежа на спине, ноги вытянуты, несколько отклонены влево. Скелет также имел северную ориентировку, ее лицо было повернуто в сторону мужчины. От рук обнаружены только кости ключицы и плечевые кости, от которых были отделены суставы. На черепе погребенной присутствовали следы травм от проникающего орудия в виде трех сквозных округлых отверстий разной величины. Вероятно, в результате полученных травм погребенная и скончалась.

Женскому скелету сопутствовал разнообразный набор артефактов. На ребрах, рядом с плечевой костью правой руки, найдены два бронзовых браслета и клык кабана. У плечевой кости левой руки был помещен сосуд горшечной формы, украшенный геометрическим орнаментом (*сосуд 2*). В заполнении сосуда обнаружены астрагалы свиньи. Выше сосуда, под левой ключицей скелета, находился бронзовый нож, рядом с которым лежали два бронзовых перстня, сделанные из проволоки, завернутой в спираль. Ниже горшка выявлен кусок смолы, а также костяной дисковидный плоский предмет.

¹ Антропологические определения выполнены д.и.н. А.А. Хохловым.

² Палеозоологические определения выполнены к.и.н. Н.В. Росляковой.

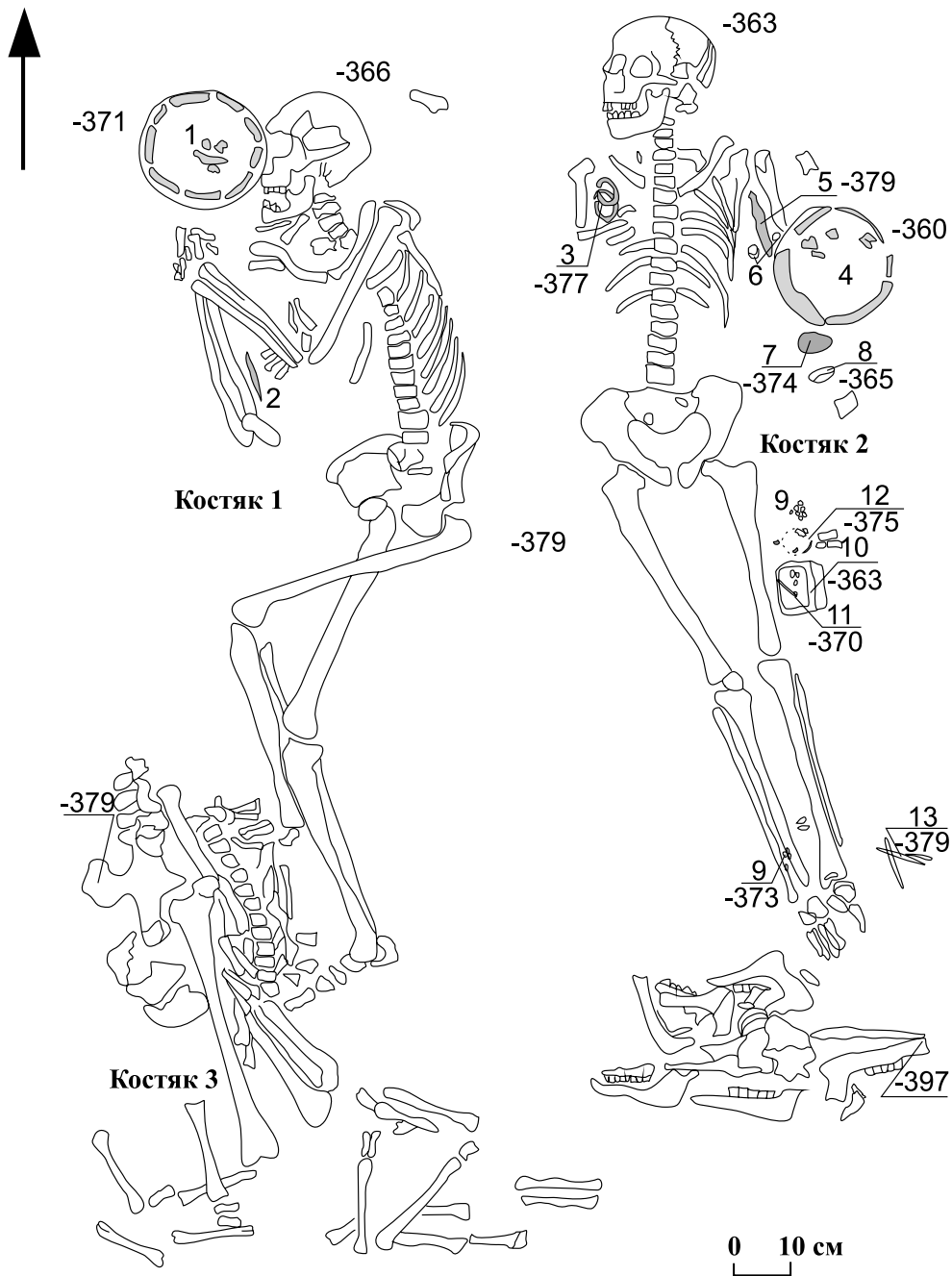

Рис. 23 – Поселение Малоюлдашево I. Погребение

Костяк 1: 1 – сосуд 1; 2 – бронзовое шило. Костяк 2: 3 – бронзовые браслеты; 4 – сосуд 2; 5 – бронзовый нож; 6 – бронзовые перстни; 7 – кусок смолы; 8 – костяной диск; 9, 11 – бронзовые украшения; 10 – сосуд 3; 11 – бронзовое шило; 12 – комплекс: изделие из бересты и бронзовые оклады; 13 – костяные острия

Рядом с левой ногой костяка выше колена был зафиксирован керамический сосуд подпрямоугольной формы (*сосуд 3*), внутри и выше которого обнаружены бронзовые пронизи различной формы. Аналогичные украшения, вместе с которыми найдены нашивки из тонкой бронзовой пластины, были выявлены между ног скелета. В сосуде 3, помимо украшений, найдено четырехгранное бронзовое шило (*шило 2*), под ним располагались остатки берестяного предмета, форма которого не сохранилась. Рядом со ступнями скелета были положены 4 костяных острия.

В ногах костяка 2 расчищен жертвенный комплекс, состоящий из пяти черепов овцы с нижними челюстями, первыми и вторыми шейными позвонками.

Описание погребального инвентаря

Сосуд 1 (рис. 24, 1) представляет собою горшок с перегибом в середине профиля, резко отогнутым наружу венчиком и выраженным внутренним ребром при переходе от шейки к тулову. Вся его поверхность орнаментирована широкими горизонтальными пальцевыми желобками. Размеры сосуда: высота – 13,5 см; диаметр горла – 17,5 см; диаметр дна – 9,3 см; диаметр максимального расширения тулова – 17 см; толщина стенок – 5 мм. В верхней части под венчиком сосуд был чинен двумя бронзовыми скобами, укрепленными в сквозных отверстиях овальной формы.

Сосуд 2 (рис. 24, 2) – горшок усеченно-конической формы с перегибом в верхней трети профиля и слегка отогнутым венчиком. При переходе от шейки к тулову горшок имеет выраженное внутреннее ребро. Вся поверхность сосуда орнаментирована. По венчику проходят три горизонтальных каннелюры, ниже которых изображен широкий пояс, сверху ограниченный горизонтальным рядом овальных вдавлений, снизу – однорядным зигзагом из аналогичных вдавлений. Пояс заполнен многорядным зигзагом, выполненным при помощи мелкозубчатого штампа. Ровно по центру пояса проходит разделительная горизонтальная линия в виде ряда овальных горизонтальных вдавлений. Ниже описанного композиционного ряда при помощи вдавлений мелкозубчатого штампа нанесены хаотичные отрезки. Придонная часть горшка украшена пальцевыми желобками. Размеры: высота – 20 см; диаметр горла – 18 см; диаметр дна – 8 см; диаметр максимального расширения тулова – 20 см; толщина стенок – 5 мм.

Сосуд 3 (рис. 24, 3) – керамическое изделие подпрямоугольной формы. Не орнаментировано. Длина верхней части – 10,1 см, длина донной части – 9,8 см; ширина верхней части – 7,2 см; ширина донной части – 6,8 см. Глубина сосуда – 4,8 см. Толщина стенок – 1 см.

Шило 1 (рис. 25, 1) – бронзовое изделие с остатками деревянной рукоятки сделано из прутка квадратного сечения (3,0×3,0 мм) длиной 7,9 см. Окончания шила заострены.

Шило 2 (рис. 25, 2) – бронзовое изделие из прутка квадратного сечения (2,0×2,0 мм) с заостренными концами. Длина изделия – 7,2 см.

Бронзовый нож (рис. 25, 3) – двулезвийный, листовидной формы с приостренным окончанием. Нож имеет удлиненный черенок, намечающееся ромбовидное перекрестие и ромбическое окончание пятки. В основании клинка с обеих сторон – небольшие выемки, на лезвии с одной стороны – слабовыраженное ребро жесткости. Общая длина изделия – 13 см.

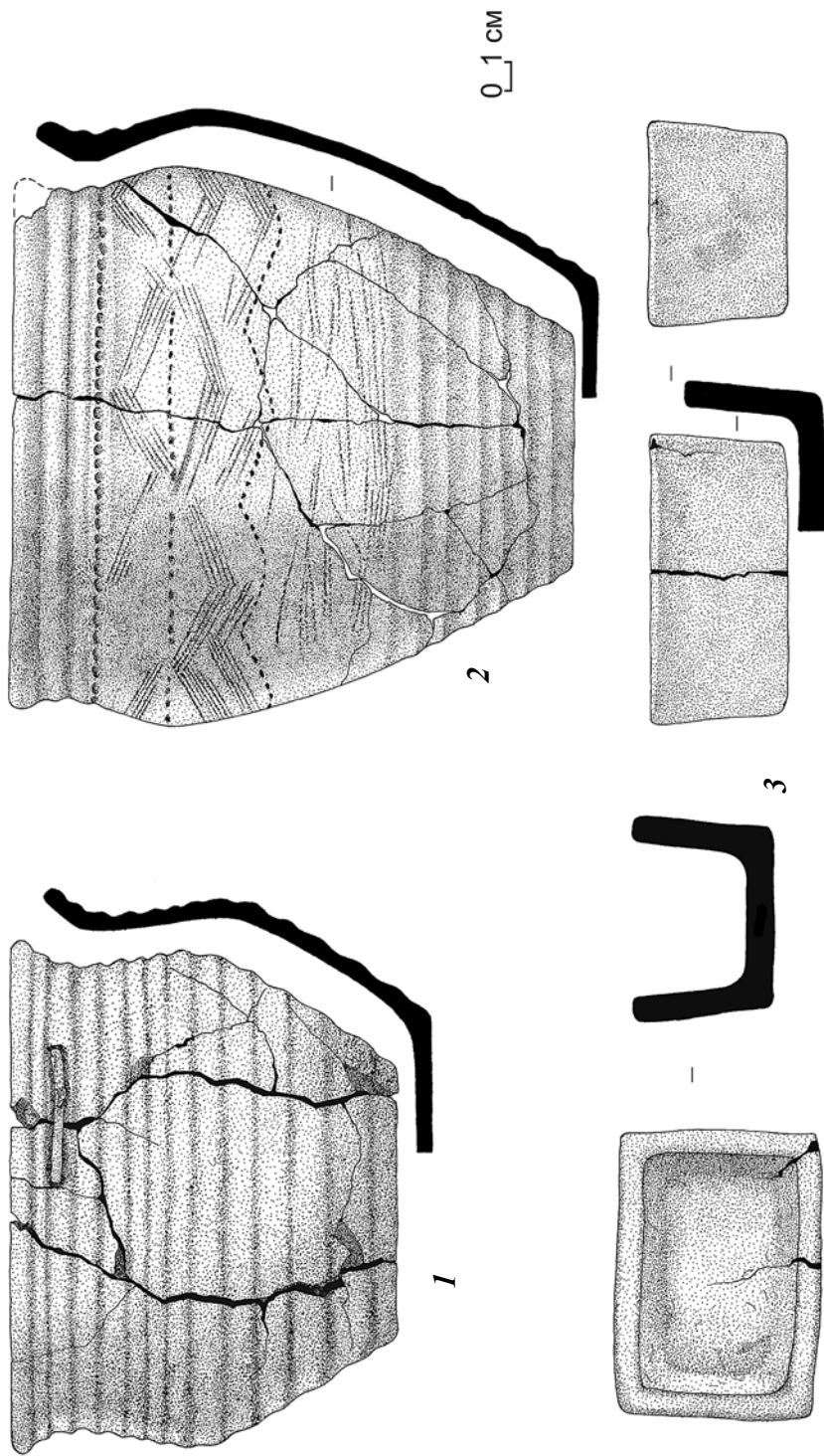

Рис. 24 – Погребение на поселении Малоюлдашево I

1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3

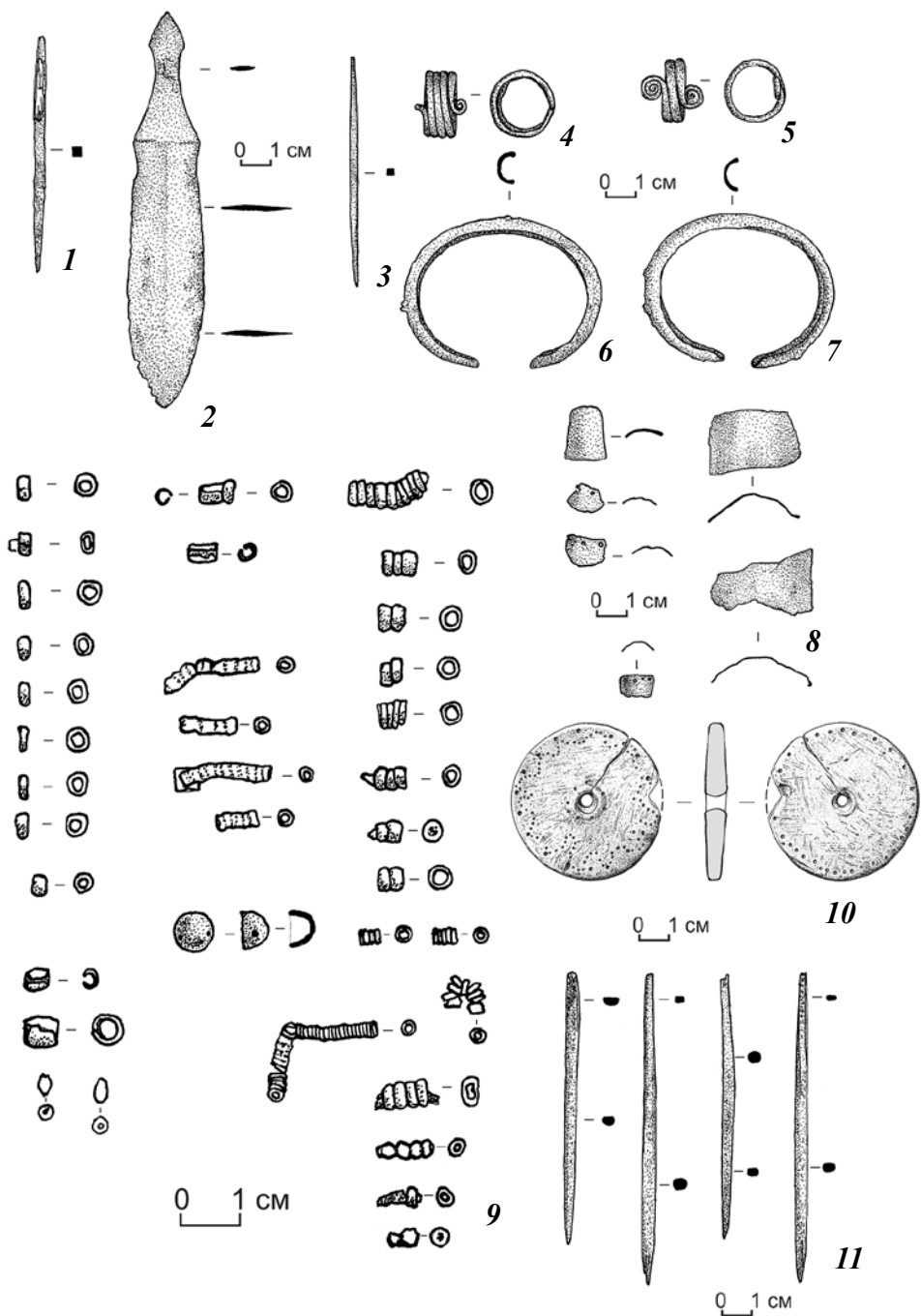

Рис. 25 – Погребение на поселении Малоюлдашево I.

Металлический и костяной инвентарь

1 – шило 1; 2 – нож; 3 – шило 2; 4, 5 – перстни; 6, 7 – браслеты; 8 – нашивки; 9 – бронзовые украшения; 10 – костяной диск; 11 – костяные острия

Бронзовые браслеты (рис. 25, 6, 7) – два изделия округлой формы, относятся к типу широкожелобчатых, без ребра, с несомкнутыми, слегка заостренными концами. На внешней поверхности изделий сохранились следы орнаментации в виде выпуклых «шишечек».

Перстни изготовлены из бронзовой проволоки, относятся к типу многоспиральных, со спиральными щитками. *Перстень 1* (рис. 25, 4) – имеет три полных и два неполных витка. Окончание одного из витков закручено «наружу» в спиралевидный щиток в 1,5 оборота. Диаметр изделия 2,2 см. *Перстень 2* (рис. 25, 5) – имеет один полный и два неполных витка, оба конца изделия закручены «внутри» в спиралевидные щитки в 2,5 оборота. Диаметр изделия 1,9 см.

Бронзовые украшения (рис. 25, 8, 9) представлены пронизями нескольких типов и нашивками из тонкой бронзовой пластины с пробитыми отверстиями.

Типы пронизей: 1 – мелкие бусины (бисер) цилиндрической формы с большим отверстием в центре; 2 – крупные бусы бочонковидной формы; 3 – короткие гладкие пронизы, изготовлены из свернутой тонкой пластины; 4 – длинные пронизы с рифленой поверхностью; 5 – длинные витые пронизы, изготовлены из спирально закрученной вокруг сердечника, круглой в сечении проволоки; 6 – крупная бусина (единичный экземпляр) шаровидной формы, полая внутри, имеет два сквозных отверстия.

*Костяной диск*¹ (рис. 25, 10; 77) диаметром 5,1 см, толщиной 4,5–5 мм по краям и 0–0,65 мм в центре. В сечении диск имеет форму усеченного овала, сквозное отверстие – форму песочных часов, изделие орнаментировано. Лицевая сторона диска по периметру украшена узором в виде зигзага, состоящего из лунок-точек, крупные лунки нанесены и вокруг отверстия диска. Обратная сторона изделия украшена только по периметру аналогичными лунками-точками, что были зафиксированы на лицевой стороне.

Костяные острия (рис. 25, 11; 78) – имели один затупленный конец и один заостренный. Сечение предметов овальное, длина – 9–10,5 см.

Судя по особенностям погребального обряда и инвентаря, захоронение относится к синташтинско-абашевскому культурно-хронологическому горизонту начального этапа эпохи поздней бронзы (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015, с. 63–71).

Для данного захоронения были проведены палеоантропологические определения.

Скелет 1. Скелет принадлежал мужчине пожилого возраста. Имеющиеся длинные кости посткраниальной части характеризуются в целом средними размерами, что может быть отражено на реконструированном по ним росте человека 168,0–172,0 см (по таблице М. Троттер, Г. Глезер/Алексеев, 1966 и формуле В.В. Бунака/Мамонова, 1986). В масштабе современной Европы эти значения невелики, но для позднебронзового века рассматриваются как средние. По берцово-бедренному указателю (86,9) можно отметить удлинненные голени относительно бедер. Особенностью является различие в размерах плечевых костей. Левая была короче правой на 3,9 см и значительно мощнее в диафизе – области гребня малого бугорка и дельтовидной бугристости.

¹ Трасологический анализ диска и острий приведен в главе 3.

Вероятно, это следствие перелома кости без смещения в период, предшествующий активному росту организма, сила которого в дальнейшем была направлена не на увеличение продольного размера кости, а на восстановление поражения и, соответственно, компенсаторное увеличение охватного объема в этой части. Череп мужчины лептоморфный, долихокраний, с широким и наклонным лбом, резко профилированный в лицевом отделе, но при незначительном выступании носа, европеоидный.

Скелет 2. Скелет принадлежал молодой женщине. По сохранившимся костям нижних конечностей рост мог быть примерно 164,9–167,5 см. Эти цифры можно считать как «выше средних» для популяций эпохи поздней бронзы Волго-Уралья (Хохлов, 2010).

Череп имеет целый лицевой отдел и неполный мозговой. В целом он мезоморфный. Нужно сказать, что с учетом полового диморфизма этот череп отличается от мужского (1/1) менее широким лбом и менее высокими орбитами, неглубокой клыковой ямкой, умеренной горизонтальной профилировкой лица, более выступающим носом. По комплексу имеющихся черт он близок уралоидному краниологическому варианту.

На сохранившихся костях мозгового отдела фиксируются очертания трех сквозных округлых отверстия разной величины: два на теменных костях диаметром 22,0 мм и 29,0 мм и одно подовальное на лобной – по венечному шву примерно 40,0 мм (см. приложение В, рис. В1, В2). Прослеживаются примыкающие к ним полукружные и радиальные компенсаторные трещины, а также характерные выщерблины внутренней компакты. Это очевидное свидетельство травм от проникшего орудия с соответствующим отверстиям сечением.

Скелет 3. Костяк принадлежал мужчине средних лет (30–40). Представлены практически все отделы скелета, но сами кости плохой сохранности. Они характеризуются большей величиной практически по всем сопоставительным размерам сравнительно с основным костяком (№ 1). Рост, вычисленный по длинам бедренной и большеберцовой костей, составил 171,5–174,8 см. Но здесь, напротив, наблюдается некоторая укороченность сегментов ноги, в частности, голени относительно бедра (81,8). Череп индивида по сложению гиперморфный, имеет в основном крупные размеры мозговой коробки и лица. Его спецификой является абсолютно низкий свод, сочетание резкой горизонтальной профилировки лицевого отдела на верхнем уровне с весьма умеренной на нижнем.

На основании изучения археологического и антропологического материала малоюлдашевского погребального комплекса, показавшего его обрядовую и инвентарную специфичность, краниологический полиморфизм и наличие травмы, можно констатировать, что захороненные люди не были связаны прямым родством.

Глава 2 ХАРАКТЕРИСТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I

2.1 Материалы эпох неолита и энеолита¹

2.1.1 Керамика

На поселении Малоюлдашево I обнаружено 37 фрагментов керамики эпохи неолита и энеолита, что составляет 8% от общего числа керамической коллекции на поселении. По форме, орнаментации и технологии выделено 3 группы материалов.

Первая группа представлена одним фрагментом крупного венчика от сосуда небольших размеров полуяйцевидной формы (*рис. 26, 1*). Реконструированный диаметр горла – 7 см. Стенки тонкие – около 4 мм. Черепок плотный, без видимых примесей, поверхность с обеих сторон гладкая. По горловине сосуд украшен 3-мя неровно прочерченными линиями. По аналогии с данными Ивановского поселения, расположенного в 20 км выше по течению р. Ток, данный сосуд, вероятно, относится к елшанской культуре (Моргунова, 1995; Андреев, 2015).

Ко второй группе отнесено 17 фрагментов от 6 сосудов, отличительной особенностью которых является орнаментация, выполненная гребенчатыми штампами разной длины и с разными по конфигурации и размерами зубцами. Выделено 2 прямостенных сосуда, 1 – слабопрофилированный и 3 – полуяйцевидной формы со слабо загнутыми внутрь венчиками.

Для реконструкции оказались пригодны 3 сосуда. Первый из них (4 фрагмента венчиков и стенок) прямостенный, крупных размеров (D горла – 29 см), со скошенным внутрь и заостренным венчиком. Черепок плотный, тяжелый, без видимых примесей в глине, поверхность внутри заглажена, по внешней стороне очень плотно нанесен орнамент при помощи короткого (3–5 зубцов с квадратным концом) гребенчатого штампа (*рис. 26, 2*). Штамп нанесен наклонными отпечатками горизонтальными рядами. По горловине выполнен ряд ямок с крупными жемчужинами на внутренней стороне, пространство между ямками плотно заполнено горизонтальными отпечатками более мелкого гребенчатого штампа. Выше ямок под краем венчика нанесен зигзаг из короткого (6 зубцов) гребенчатого штампа. Плотными отпечатками косо поставленного короткого штампа украшен срез венчика.

¹ Материалы впервые опубликованы в статье: Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А. Комплекс эпохи неолита – энеолита на поселении Малоюлдашево I в Оренбургской области // Вестник ОГПИУ. Электронный научный журнал. 2016. № 3. С. 110–124.

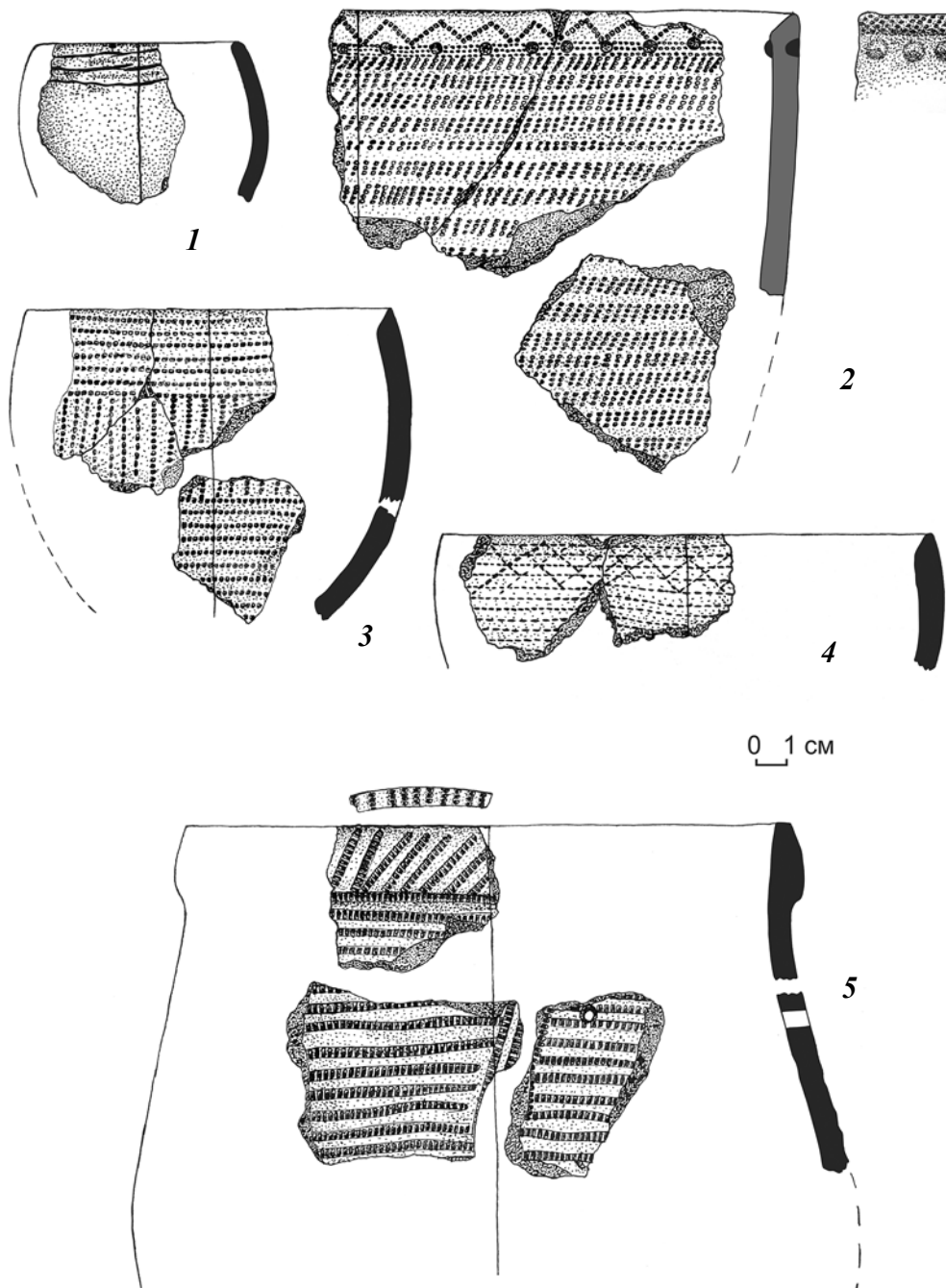

Рис. 26 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика эпохи неолита – энеолита.

Реконструированные сосуды

1 – первая группа, сосуд 1 (II-23-8). 2–4 – вторая группа: 2 – сосуд 1 (XIV-1646-1,2); 3 – сосуд 2 (V-72-7, I-5-4,7); 4 – сосуд 3 (I-5-8, I-13-4). 5 – третья группа, сосуд 1 (III-47-5, III-39-4, III-36-8)

Два сосуда полуяйцевидной формы имели небольшие размеры (D горла от 12 до 16 см). В глине визуально отмечены примеси мелкого шамота. Черепки плотные, внутренняя поверхность тщательно заглажена.

В верхней части по горлу один из сосудов украшен 8-ю горизонтальными рядами длинного гребенчатого штампа с квадратными зубцами (рис. 26, 3). В средней части тулова аналогичным штампом проходит полоса шириной 4 см из вертикально поставленных отпечатков. Ниже придонная часть орнаментирована горизонтальными линиями гребенчатого штампа.

Другой сосуд (рис. 26, 4) сохранился лишь в верхней части. Он орнаментирован мелкозубчатым штампом с удлинненным зубцом в виде параллельных горизонтальных рядов. Под венчиком поверх этих рядов нанесены косые отпечатки того же штампа.

Еще 3 сосуда представлены небольшими фрагментами (рис. 27, 1–3). На двух фрагментах фиксируются ряды ямок с жемчужинами на внутренней стороне, из которых один украшен горизонтальными рядами косо поставленного короткого (5–7 зубцов) гребенчатого штампа с квадратными зубцами. Аналогично отпечатками покрыт срез венчика и край выше жемчужин. Другой фрагмент

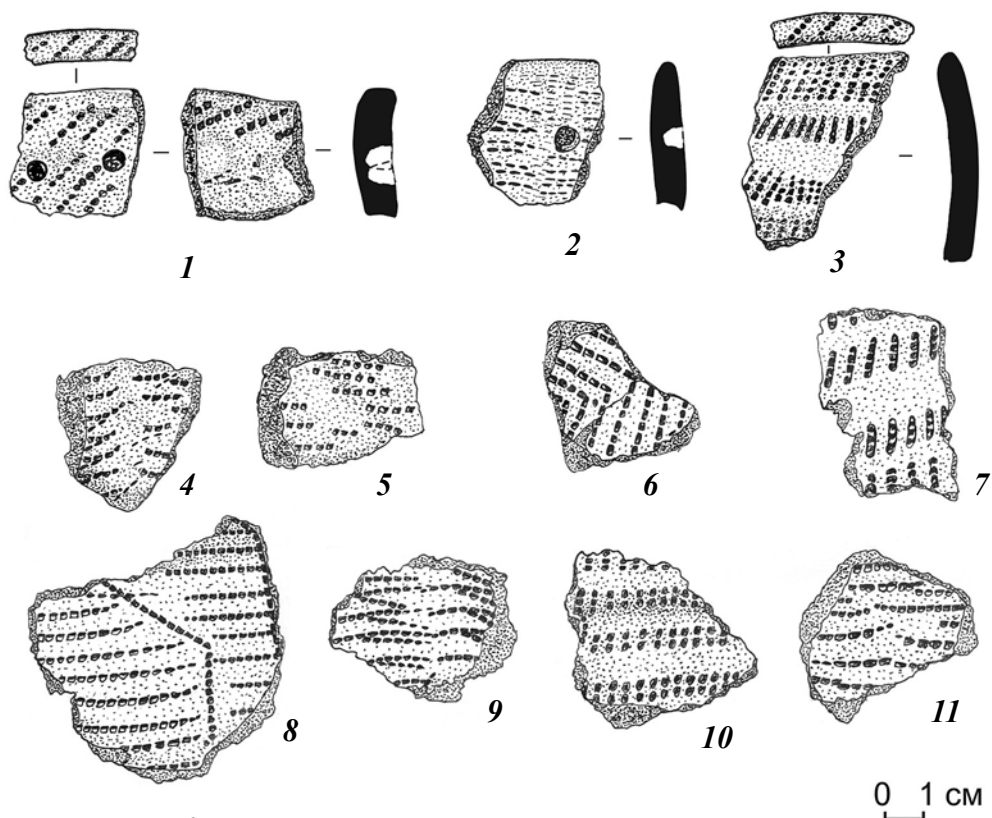

Рис. 27 – Поселение Малоюлдашево I. Неолитическая керамика

1 – III-42-4; 2 – VI-92-7; 3 – V-68-6; 4 – I-15a-2; 5 – XI-137a-4; 6 – IX-119-10, 11; 7 – III-33-3; 8 – I-8-5; 9 – I-13-6; 10 – II-24-6; 11 – XI-135-5

орнаментирован вертикальными плотными рядами шагающей гребенки с длинным зубцом. Третий фрагмент украшен горизонтальными рядами короткого (4–5 зубцов), косо поставленного штампа.

Описанная керамика близка материалам волго-уральской культуры (по Н.Л. Моргуновой) как по форме, так и по орнаментальным композициям, а также по технике орнаментирования (Моргунова, 1995; Выборнов, 2008), в то же время отличаясь полным отсутствием в коллекции профилированных сосудов.

Третья группа представлена 4 фрагментами от одного сосуда (*рис. 26, 5*). Его отличительной особенностью является наличие воротничка на венчике. Реконструируемый диаметр – 20 см, толщина стенок – около 8 мм. Черепок плотный, визуально в глине заметна примесь шамота. Внутренняя поверхность в горизонтальном направлении заглажена крупнозубчатым штампом, поверх штампа производилось дополнительное заглаживание, видимо, мягким материалом. Сосуд орнаментирован во всех частях композиции одним и тем же длинным, гребенчатым штампом с широким зубцом. По воротничку – ряд наклонных отрезков штампа, состоявшего из 12–15 зубцов. Край венчика уплощен поперечными отпечатками короткого штампа. Ниже воротничка композиция восстанавливается не полностью. Установлено, что по плечикам тулова она состояла из горизонтальных рядов длинного гребенчатого штампа. Видимо, эти ряды с интервалами разделялись на зоны от 3 до 5 вертикальными отрезками длинного штампа. На одном из фрагментов имеется сквозное отверстие.

Сосуд близок по своим признакам керамике ивановского типа самарской культуры (Моргунова, 1995, 2011). Однако некоторая массивность в форме воротничка, плотное нанесение орнамента, композиционность построения орнамента по плечикам и тулову позволяют предполагать более ранний его возраст.

Найдены 19 фрагментов стенок (*рис. 27, 4–11*), не относящихся ни к одному из вышеописанных венчиков, орнаментированных как короткими, так и длинными гребенчатыми штампами с зубцами разной конфигурации. Выделяются два фрагмента с шагающей гребенкой. На одном фрагменте зафиксирован узор в виде горизонтальной елочки.

2.1.2 Изделия из камня

Кремневые изделия эпохи неолита представлены различными категориями инвентаря, изготовленного главным образом из кремня, очень редко из кварцита или речной гальки. Все находки кремневых изделий можно подразделить на отходы и заготовки, ножевидные пластины и отщепы, а также готовые орудия.

Нуклеусы (*рис. 28*) из светло-серого до темно-серого кремня, в одном случае – из гальки коричневого цвета, подразделяются на изделия для скалывания пластин (7 экз.) или отщепов (1 экз.). Нуклеусы для скалывания пластин представлены призматической формой, в одном случае – карандашевидной (на гальке), три экземпляра являются поперечными и косыми сколами с призматических нуклеусов (*рис. 28, 1–5*). Нуклеус дисковидной формы для скалывания отщепов отмечен несколькими крупными сколами с двух сторон (*рис. 28, 6*). Один из сколов сделан поверх граней, образовавшихся до этого от скалывания пластин, т.е. и данный нуклеус первоначально предназначался для скалывания пластин.

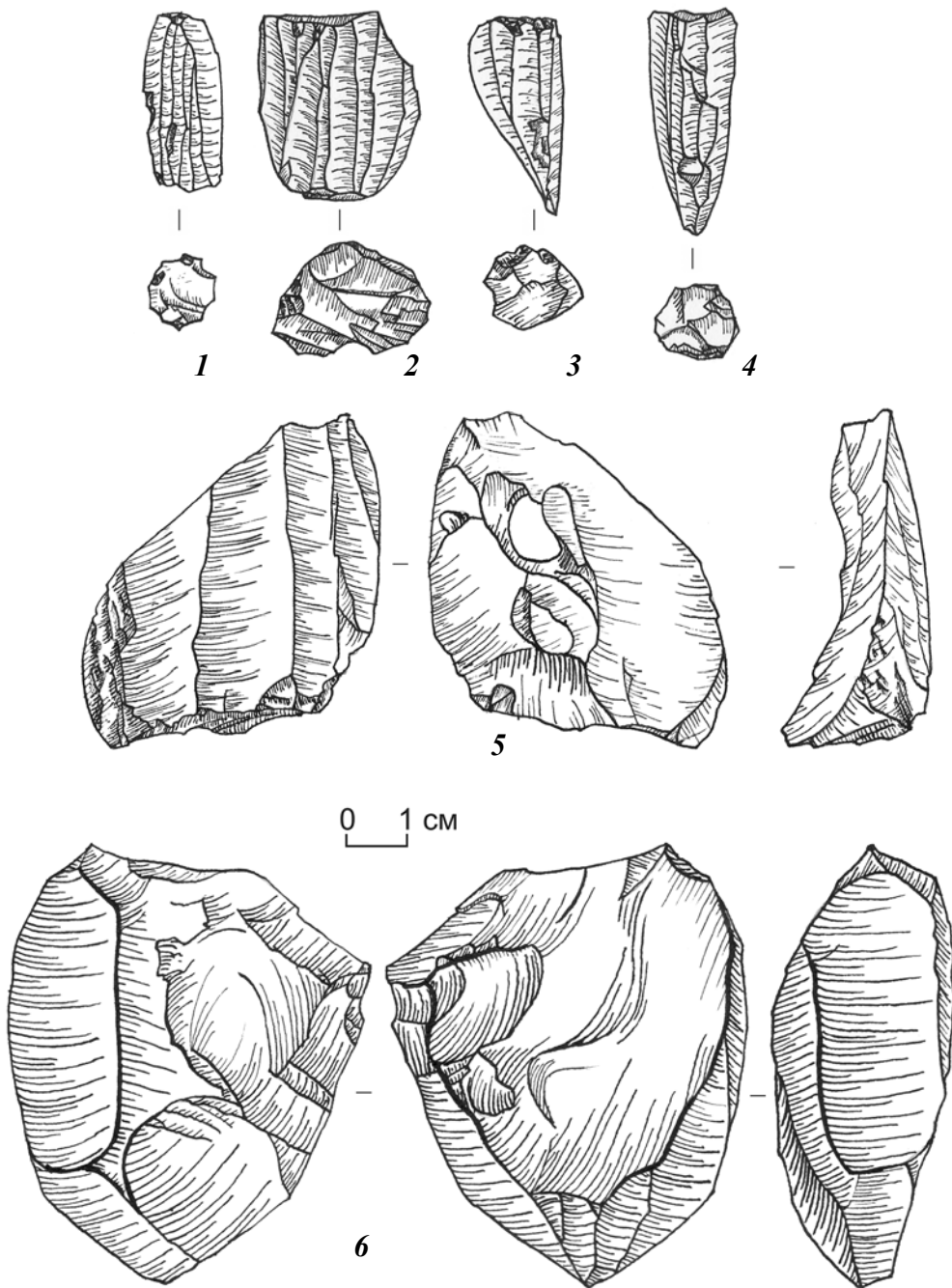

Рис. 28 – Поселение Малоюлдашево I. Заготовки для изготовления орудий
 1–5 – нуклеусы для скалывания пластин. 1 – VIIa-138-4; 2 – I-4-5; 3 – XII-153-3; 4 – VI-95-5;
 5 – IX-126-2; 6 – нуклеус для скалывания отщепов, IX-126-2

Необработанные отщепы – крупные и миниатюрные сколы с нуклеусов неустойчивых форм и размеров, изготовлены из серого различных оттенков и черного кремня. Представлены 13 экземплярами.

Сколы и осколки – бесформенные, разных размеров – 29 экземпляров.

Ножевидные пластины представлены следующими типами:

– *сечения пластин* без дополнительной подработки, но часто с зазубренными краями. Имеются все части сечений: нижние, верхние, серединные концы. Всего 19 экз. (рис. 29, 1–11). Ширина орудий колеблется от 0,7 до 1,8 см, а длина – от 1,7 до 3 см;

– *сечения пластин* с подработкой краевой ретушью. Всего 12 экз. (рис. 29, 12–16). Ширина орудий колеблется от 1 до 1,7 см, а длина – от 3,3 до 5,5 см.

На пластинах изготовлены:

– *концевые скребки на пластинах* (рис. 30, 1–3), представлены 10 экземплярами разных размеров. Рабочий край расположен на одном из концов, обработан крутой ретушью. Некоторые изделия по краям пластин также ретушировались. Ширина орудий колеблется от 1,3 до 3 см, а длина – от 2 до 6 см;

– *наконечники стрел и остря* (рис. 30, 4–7) – 4 изделия из серого с различными оттенками, белого и коричневого кремня, изготовленные на пластинах удлинённых пропорций, с ретушью по боковым краям и на конце заострены ретушью. Один из наконечников имеет ярко выраженные уступы на краях с обеих сторон, кончик остря обломан. Ширина орудий колеблется от 0,7 до 2,5 см, а длина – от 4,2 до 5,3 см;

– *резцы на сечениях пластин* (рис. 30, 8–10) – 3 изделия из серого с различными оттенками кремня, удлинённых пропорций, с параллельными краями, по которым нанесены резцовые сколы. Ширина орудий колеблется от 0,9 до 1 см, а длина – от 2 до 3,2 см.

Таблица 1 – Изделия из кремня поселения Малоюлдашево I

Группы	Типы	Всего
Нуклеусы для скалывания пластин	Карандашевидные	1
	Призматические	3
	Сколы с пластинчатых нуклеусов	3
Отщепы и сколы	Нуклеус для скалывания отщепов	1
	Отщепы	13
	Сколы	29
	Орудия на отщепах (скребки)	7
	Двусторонние формы (наконечники)	1
Ножевидные пластины	Сечения пластин без ретуши	19
	Сечения с ретушью	12
	Концевые скребки	10
	Резцы	3
	Остря	4
	Всего	106

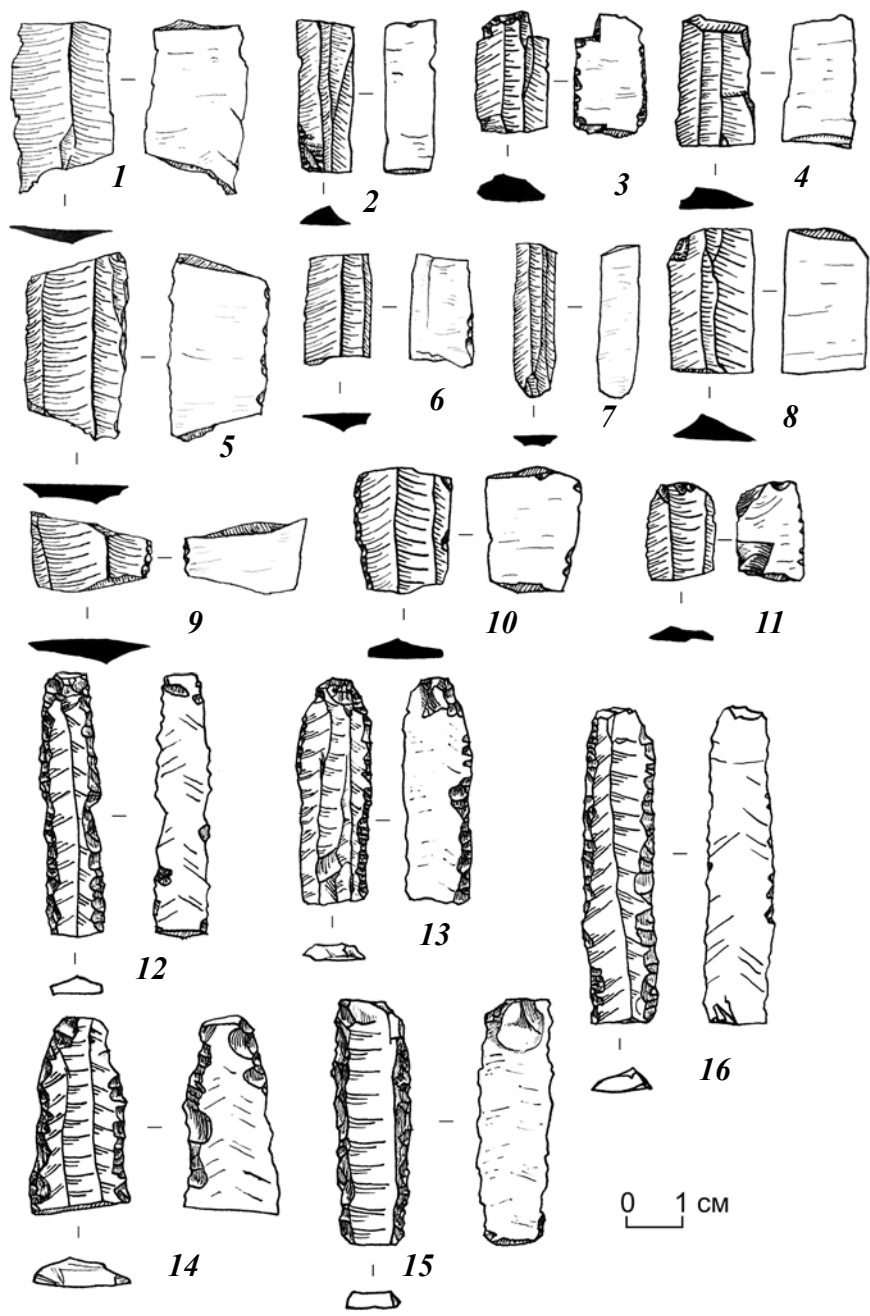

Рис. 29 – Поселение Малоюлдашево I. Ножевидные пластины

1–11 – сечения пластин: 1 – V-85-9; 2 – V-79-7; 3 – II-23-8; 4 – I-9-8; 5 – III-34-5; 6 – II-25-8;
7 – III-42-4; 8 – XV-165-5; 9 – III-41-8; 10 – VIII-100-9; 11 – II-16-7.

12–16 – сечения пластин с краевой ретушью: 12 – V-83-8; 13 – I-10-9; 14 – IV-58-4; 15 – VIII-112-9;
16 – XIII-155-2

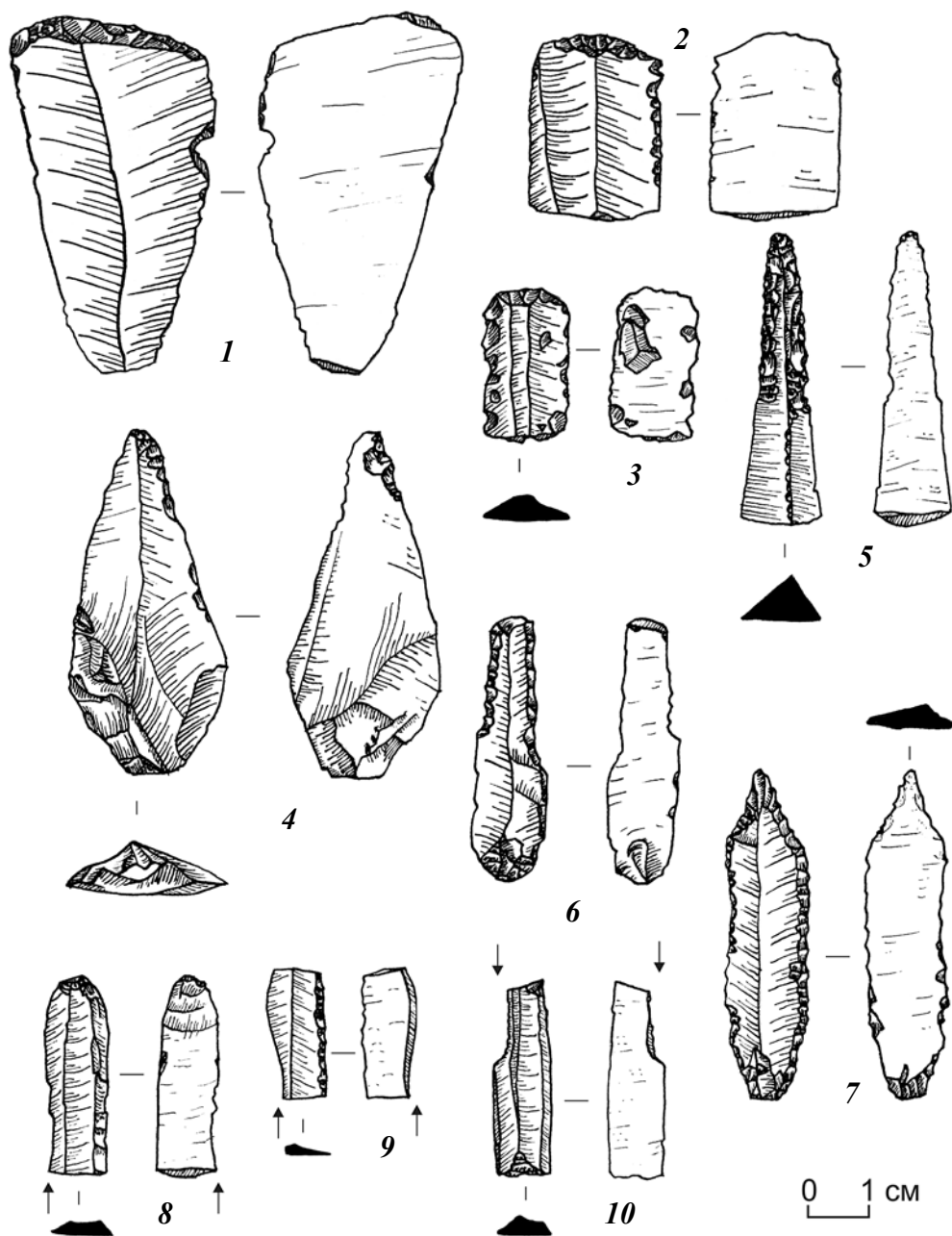

Рис. 30 – Поселение Малоюлдашево I. Орудия из пластин
 1–3 – концевые скребки на пластинах: 1 – I-13-8; 2 – V-82-7; 3 – II-18-6.
 4–7 – наконечники стрел: 4 – V-81-5; 5 – I-8-5; 6 – VIII-106-8; 7 – II-28-8.
 8–10 – резцы на сечениях пластин: 8 – II-28-5; 9 – V-74-8; 10 – I-13-8

Орудия на отщепах и сколах:

– скребки на отщепах (рис. 31, 1–6) – 7 изделий из светло-серого и темно-серого кремня имели подтреугольную, подромбическую и трапециевидную формы, края орудий обработаны ретушью. Два скребка сделаны из сколов с речной гальки коричневого цвета. Ширина орудий колеблется от 4 до 12 см, а длина – от 5 до 15 см;

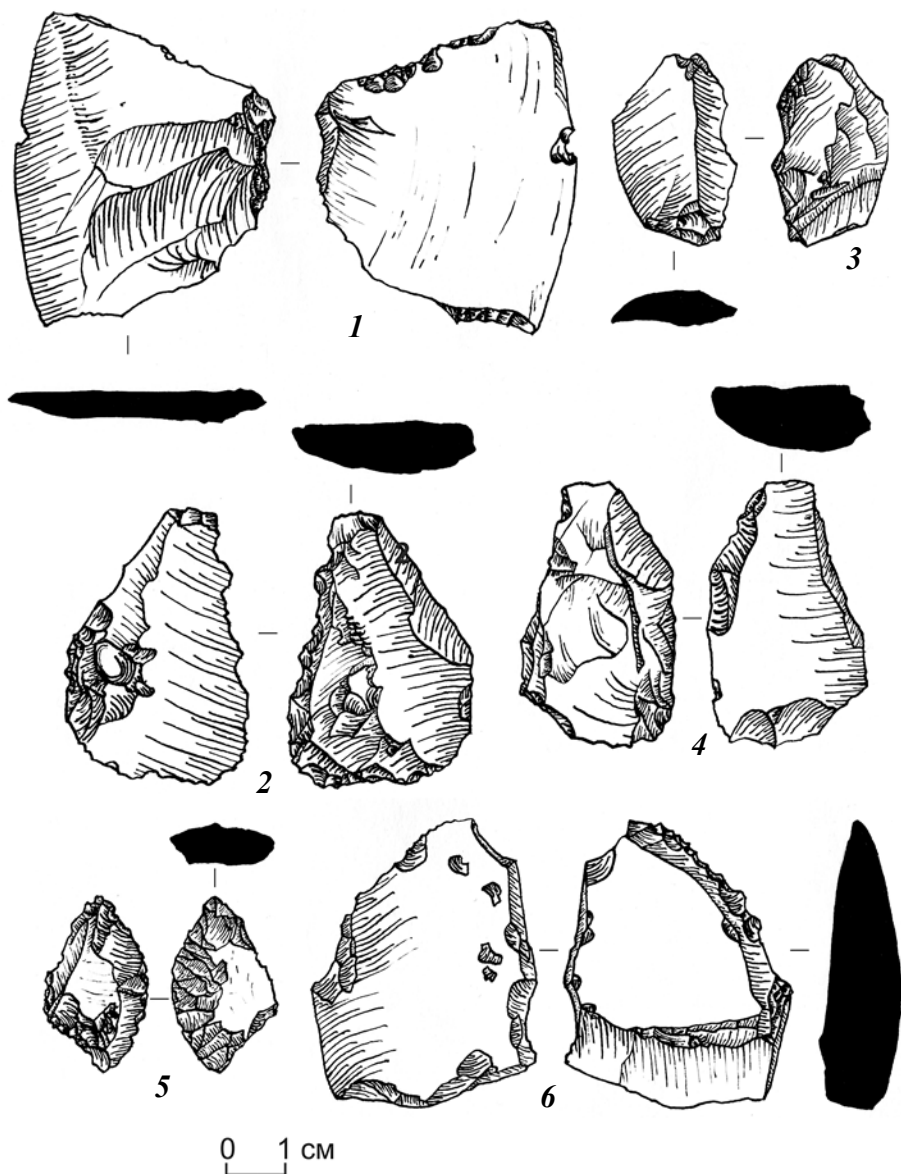

Рис. 31 – Поселение Малоюлдашево I. Орудия из отщепов

1–6 – скребки: 1 – I-15-5; 2 – I-1-5; 3 – XIII-159-2; 4 – XIV-164жс-3; 5 – III-44-5; 6 – VI-92-7

– *наконечник* (рис. 32, 1) – изготовлен на продольном сколе из серого кремня, имеет листовидную форму, обработан ретушью с обеих сторон и на конце. Ширина орудия достигает 2,6 см, длина – 6,5 см;

– *тесло* (рис. 32, 2) – изготовлено из крупного отщепа от черного кремня, имеет трапециевидную форму, поверхность с обеих сторон зашлифована, лезвие приострено. Ширина орудия достигает от 2,5 до 4,3 см, длина – 5 см.

Планиграфическое распределение каменного инвентаря показывает его плотную концентрацию на участках № I, II, III, IV, V, XII, где процентное соотношение варьируется от 7,4 % до 17,7 % (рис. 33). Данное расположение находок вкпе с характером планиграфического распределения неолитической керамики, а также с находками на указанных участках индивидуальных находок эпохи неолита, говорит о том, что население эпохи неолита проживало в центральной части поселения. Планиграфическая ситуация, как и в случае с планиграфической ситуацией по неолитической керамике, может говорить о том, что в эпоху неолита площадь поселения была меньше. Более северные участки не представлены керамикой данного типа. Вероятно, основная часть неолитической стоянки находилась южнее раскопа и была разрушена автодорогой, а затем образовавшимся обрывом.

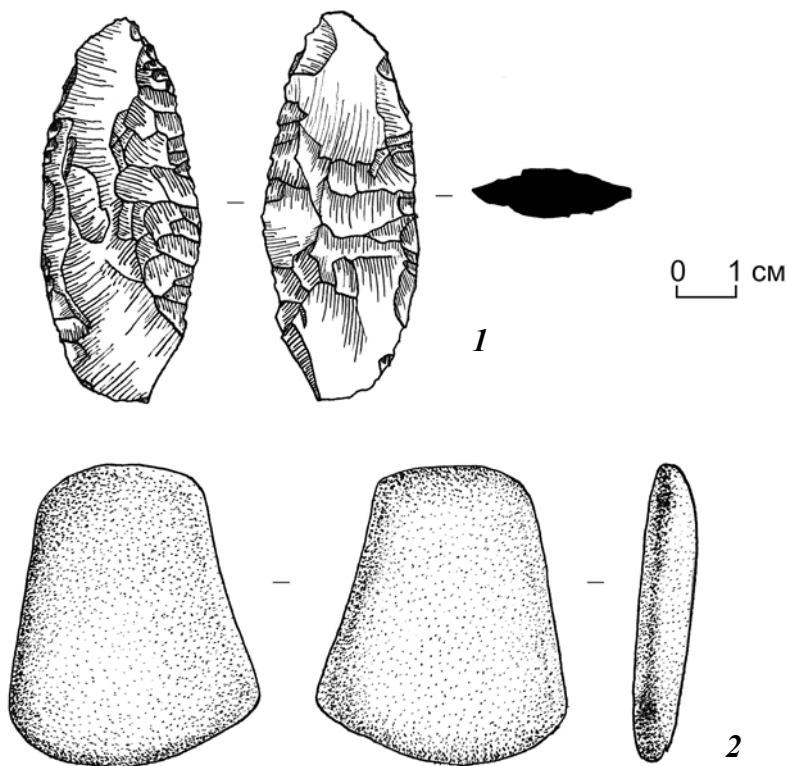

Рис. 32 – Поселение Малоюлдашево I. Макролитические изделия из кремня

1 – *наконечник* (XIII-157-6); 2 – *тесло* (IV-62-7)

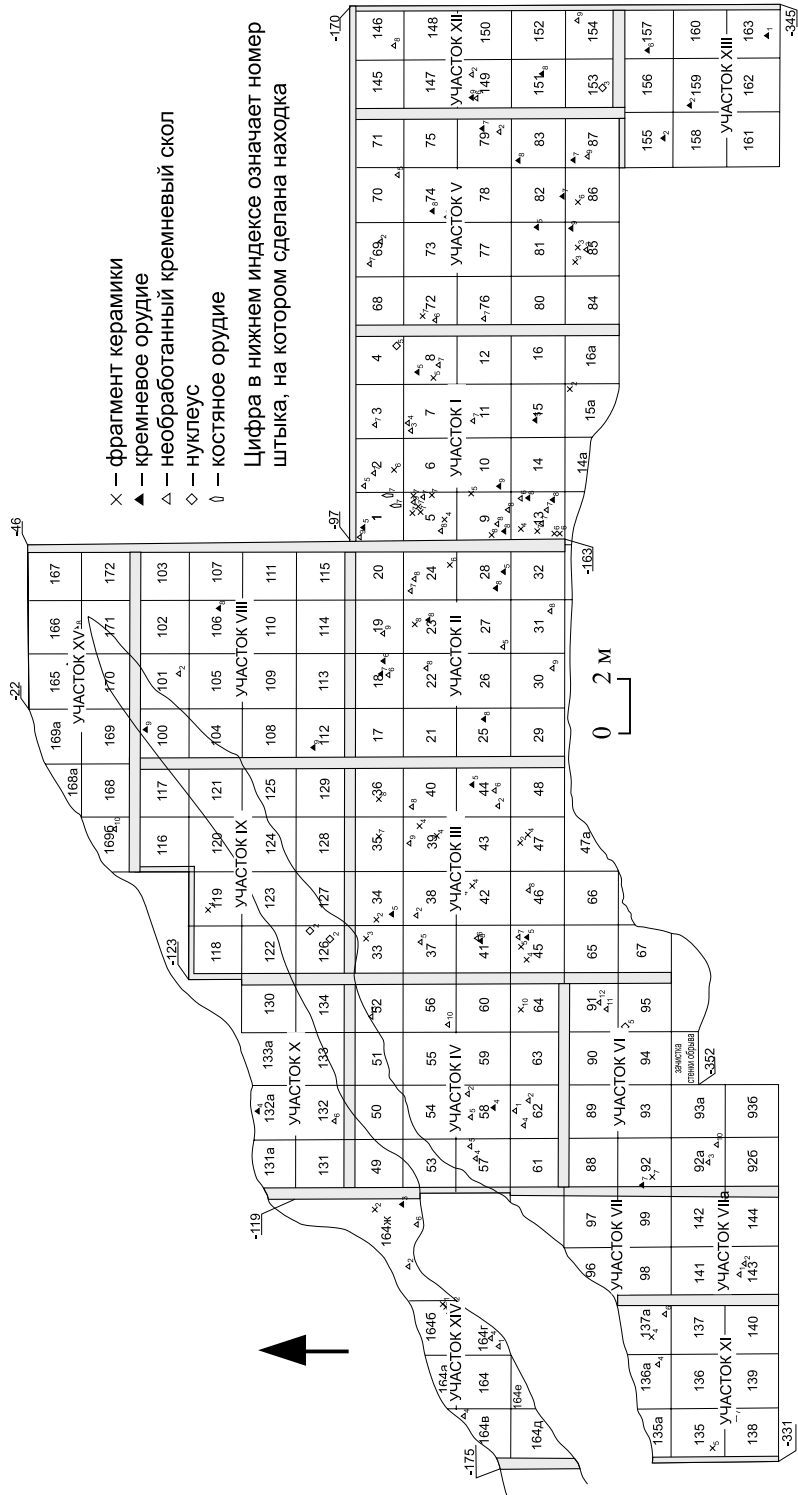

Рис. 33 – Поселение Малюулдашево I. Планиграфия находок эпох неолита и энеолита

Представленные материалы, судя прежде всего по керамике, относятся к финалу неолита – раннему энеолиту (Выборнов, 2008; Моргунова, 1995). Они имеют определенные черты сходства с материалами памятников бассейнов рек Самара и Сок и вполне вписываются в представления о культуре этого периода на данной территории.

2.2 Материалы позднего бронзового века

2.2.1 Керамика

Для определения культурно-хронологической принадлежности керамики эпохи поздней бронзы отбирались информативные части сосудов: венчики и профилированные стенки, позволяющие судить о морфологии посуды. В выборку вошли также орнаментированные стенки, так как орнамент сосуда, как и его форма, является важным фактором, позволяющим идентифицировать изделие в культурно-хронологическом плане. В общей сложности были отобраны фрагменты от 371 сосуда.

Планиграфический анализ показал неравномерное рассредоточение фрагментов керамики по площади памятника. Так, наибольшее количество сосудов отмечено на участках № 2, 3, 4, 8, 9, 15, где процентное их соотношение варьирует в пределах от 7,6% до 13,85%. На остальных участках встречаемость более низкая: от 5,4% до 0,7% (табл. 2).

Таблица 2 – Планиграфическое распределение керамики на поселении

№ участка	1	2	3	4	5	6	7	7а	8	9	10	11	12	13	14	15
Количество	22	56	56	50	11	16	3	5	44	31	14	18	12	13	15	40
Соотношение, %	5,4	13,8	13,8	12,3	2,8	3,9	0,7	1,2	10,8	8	3,4	4,4	2,9	3,3	3,8	10

В стратиграфическом плане керамика эпохи поздней бронзы была достаточно равномерно распределена в культурном слое поселения (табл. 3).

Таблица 3 – Стратиграфическое распределение керамики на поселении

№ штыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Количество	14	30	20	42	33	28	54	72	78
Соотношение, %	3,8	8,1	5,4	11,3	8,9	7,5	15	19,4	21

Со второго по седьмой штыки встречаемость керамики ПБВ составляла от 5,4% до 14,6%, на восьмом и девятом штыках выявлено 19,4% и 21% керамического материала соответственно.

Исходя из формы и орнаментации, определено, что всю посуду Малоюлдашевского поселения можно соотнести с двумя различными культурно-хронологическими горизонтами эпохи поздней бронзы.

К начальному этапу позднего бронзового века относится керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта. Второй этап

позднего бронзового века характеризует керамика срубного культурно-хронологического горизонта, которая, в свою очередь, представлена посудой типичного облика для культурной общности всех этапов ее существования (классическая срубная керамика); сосудами с так называемыми «покровскими» чертами; сосудами, сочетающими в морфологии и орнаментации признаки срубного и андроновского (алакульского и кожумбердынского) гончарства. Количество керамических фрагментов, соотносящихся с тем или иным хронологическим горизонтом, представлено в *таблице 4*.

Таблица 4 – Распределение керамики позднего бронзового века по культурно-хронологическим горизонтам

Керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта					
кол-во			%		
29			7,8		
Керамика срубного культурно-хронологического горизонта					
классическая срубная керамика		срубная керамика с «покровскими» чертами		срубно-андоновская керамика	
кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
226	61	53	14,3	63	16,9

Керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта

Всего было обнаружено 29 сосудов во фрагментах, что составляет 7,8% от общего числа керамической коллекции.

В связи с тем, что сосуды обнаружены во фрагментированном состоянии, достоверно их размеры и форму восстановить не удалось. Их культурная и хронологическая принадлежность были определены исходя, прежде всего, из особенностей орнаментации, присущей керамике синташтинской и южно-уральской абашевской культур. Фрагменты сосудов, отнесенных к описываемой совокупности, покрыты глубокими каннелюрами. В ряде случаев каннелюры дополняются геометрическими фигурами: равнобедренными заштрихованными треугольниками, горизонтальными линиями, зигзагами из коротких оттисков штампа. Техника орнаментации, как правило, резная или вдавления мелкого зубчатого штампа. Орнаментированы все сосуды (*рис. 34*).

Планиграфический анализ показал, что синташтинско-абашевская керамика была распространена по всей площади памятника, с некоторым преобладанием на девятом участке (*табл. 5*).

Таблица 5 – Планиграфическое распределение керамики синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта

№ участка	1	2	3	4	5	6	7	7а	8	9	10	11	12	13	14	15
Количество	2	3	0	0	2	0	0	1	4	10	2	0	4	0	1	0
Соотношение, %	6,9	10,3	0	0	6,9	0	0	3,4	13,8	34,5	6,9	0	13,8	0	3,4	0

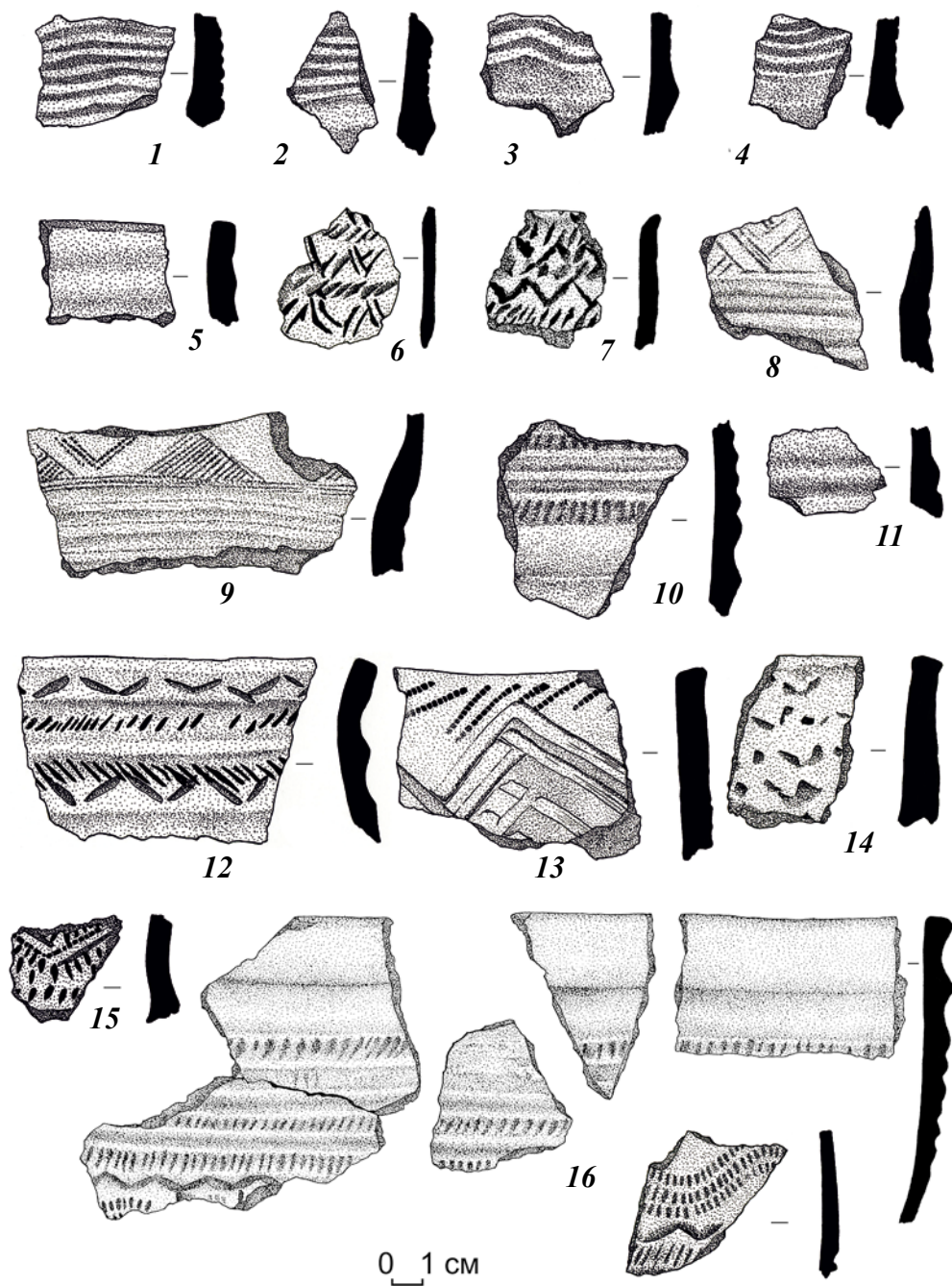

Рис. 34 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта

1-4 – I-16-4; 5 – I-16-2; 6 – II-21-7; 7 – III-45-5; 8 – IV-57-8; 9 – IV-57-9; 10 – VIII-107-7; 11 – XII-147-5; 12-13 – IX-122-2; 14 – IX-124-1; 15 – X-132-6; 16 – VIII-104-8

Стратиграфическое распределение керамики не показало ее сосредоточения на каком-либо горизонте компактно, материал по штыкам залегал равномерно (табл. 6).

Таблица 6 – Стратиграфическое распределение керамики синташтинско-абашевского культурно-хронологического облика

№ штыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Количество	3	8	0	4	5	3	2	4	0
Соотношение, %	10,3	27,6	0	13,8	17,2	10,3	7	13,8	0

Керамика срубного культурно-хронологического горизонта

Всего на поселении выделено 342 сосуда срубной культуры, что составляет 92,2% от общего количества керамики эпохи поздней бронзы. Сосуды представлены горшечными и баночными формами. Следует отметить, что при делении сосудов на типы мы ориентировались на методику, предложенную О.Д. Мочаловым (Мочалов, 2008, с. 176–183).

Горшечные сосуды представлены пятью различными типами. В керамической коллекции срубной керамики выделяется 85 экземпляров посуды данной категории (25 % от общего количества срубной керамики, 23% от общего количества керамики эпохи поздней бронзы).

Тип Г-1. Плавнопрофилированные горшки. Данный тип отличает слабо выделенная шея. Тулово профилировано равномерно, венчик незначительно отогнут или прямой. Всего выделено 60 сосудов типа Г-1 (17,5% от общего количества срубной керамики, 70% – от числа горшковидных сосудов). Большая часть плавнопрофилированных сосудов (38 предметов) характеризуется классическим срубным обликом: изделия имеют грубо обработанную поверхность, часто не орнаментированы. Украшенные горшки характеризуются примитивным декором: в верхней части, по венчику, как правило, крупным гребенчатым штампом, наносились заштрихованные треугольники, направленные вершинами вверх или вниз, фиксируются также насечки и горизонтальные параллельные линии. Орнаментация выполнена небрежно. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,6 до 1,7 см (рис. 38, 1; 39, 1; 40, 3, 11, 13, 16; 41, 3; 42, 5, 7, 12, 14, 17; 43, 1, 6, 10; 44, 2, 5, 6, 8).

На четырех сосудах типа Г-1 по всему тулову были нанесены упорядоченные расчесы, что обычно связывается с «покровским» приемом украшения посуды (Семенова, 2000, с. 163; Малов, 2007, с. 67; Лопатин, 2008, с. 130) (рис. 36, 1–3).

Для 18 сосудов рассматриваемого типа отмечено не характерное для срубной традиции нанесение орнамента: узор располагался зонально, был выполнен мелким гребенчатым штампом; поверхность сосудов залащивалась – указанные признаки, как правило, связываются с влиянием андроновских культур. В то же время в расположении элементов орнамента заметна асимметричность, «неаккуратность» нанесения – свидетельство того, что данная посуда изготавливалась в срубной культурной среде (рис. 45, 13, 16, 17, 23; 46, 2, 3, 18).

Тип Г-2. Сосуды с перегибом в верхней трети высоты или в середине профиля. Тулово сосудов данного типа профилировано более рельефно, по сравнению с типом Г-1. Выделяется четкий перегиб, в ряде случаев – ребро. Шейка выражена более отчетливо. Всего выделено 5 сосудов указанной формы (1,5% от общего количества срубной керамики, 6% от числа горшковидных сосудов). Все сосуды данного типа характеризуются стандартными признаками срубного гончарства: они грубо сформованы, толстостенны, часто неорнаментированы либо орнаментированы скудно, узоры во многом аналогичны тем, что были представлены на горшках типа Г-1 (*рис. 39, 5; 40, 14; 41, 7, 16; 42, 13, 18; 43, 7, 11*).

Тип Г-4. Сосуды с уступчатым плечом. Отличительной чертой типа является наличие здесь так называемого уступа: древними мастерами к заготовке тулова прикреплялась лента со скосом внутрь, и на месте спая образовывалось ребро-уступ (Кузьмина, 1994, с. 110). Всего выявлено 15 сосудов с уступом (4% от общего числа керамики срубного облика, 18 % от количества горшковидных сосудов). Посуда типа Г-4 в ряде случаев подвергалась лощению, также ее характеризует зональное нанесение орнамента. Таким образом, и морфология, и орнаментация части сосудов указанного типа находят отчетливые параллели в алакульской культурной среде. Однако следует отметить, что горшки изготовлены небрежно, на трех из сосудов с уступчатым плечом он отсутствует. Все это указывает на то, что данная посуда не являлась прямым алакульским импортом, а изготавливалась на месте, мастерами, унаследовавшими как срубные, так и алакульские навыки гончарства (*рис. 45, 11; 46, 8, 11, 15, 17*).

Тип Г-5. Плавнопрофилированные горшки с высокой шеей и округлыми боками (5 сосудов) (1,5% от общего количества керамики срубного культурно-хронологического облика, 6% от числа горшковидных сосудов). Все сосуды орнаментированы. Орнаментальные образы представляют собою заштрихованные ромбы, зигзаги, параллельные горизонтальные линии, нанесенные мелким гребенчатым штампом, фиксируются упорядоченные и бессистемные вдавления подтреугольного предмета. Сосуды указанного типа хорошо представлены в коллекциях кожумбердынских и западно-алакульских (солилецких) памятников (Ткачев, 2000, с. 29–44; Кузьмина, 2008, с. 250–268). Однако особенности их изготовления, как и в предыдущем случае, не позволяют считать данную посуду андроновским импортом, а указывают на ее местное происхождение (*рис. 46, 5, 14*).

Баночные сосуды представлены двумя типами. Всего выявлено 79 сосудов данной категории, что составляет 23% от общего числа коллекции керамики срубного культурно-хронологического горизонта и 21% от общего числа посуды эпохи поздней бронзы. Баночные сосуды являются своеобразной «визитной карточкой» срубной культуры, они появляются на этапе ее становления и не выходят из употребления на всем протяжении существования культуры. Всего выделено два типа баночных сосудов.

Тип Б-1 (открытые банки). К данному типу относятся бесшейные сосуды с прямыми либо слегка изогнутыми стенками, имеющие открытое устье, диаметр венчика превышает диаметр тулова или равен ему. Всего выделено 69 сосудов указанного типа (20% от общего числа срубной керамики, 87% от количества

баночных сосудов). Классическими срубными признаками характеризуются 60 изделий (изделия имеют грубо сформованное, неорнаментированное или слабо орнаментированное тулово) (рис. 41, 8–10, 12, 13; 42, 3, 4, 19; 43, 4, 5, 8, 9; 44, 4).

Поверхность семи сосудов данного типа покрыта расчесами, что свидетельствует о том, что, вероятно, данные сосуды были изготовлены на «покровском» этапе развития культуры (рис. 36, 4; 37, 3, 9, 12).

Два изделия данного типа украшены в соответствии с раннеалакульскими орнаментальными традициями: мелкозубчатым штампом по тулову нанесена вертикальная «елочка» (Виноградов, 2003, с. 247–248).

Тип Б-2 (закрытые банки). К данному типу относятся бесшейные сосуды с прямыми либо слегка изогнутыми стенками, имеющие стянутое устье, диаметр венчика меньше диаметра максимального расширения тулова. Всего выделено 10 закрытых банок (3% от общего числа срубной керамики, 13% от количества баночных сосудов), все они характеризуются классическим срубным обликом (рис. 41, 15; 42, 15; 43, 4; 47, 7).

Помимо горшковидных и баночных сосудов, на поселении был обнаружен один *биконический сосуд* (0,3% от общего числа срубной керамики). Он сохранился полностью. *H* сосуда – 34,5 см, *D* горла – 34 см; *D* дна – 15 см; *D* максимального расширения тулова – 37 см. Толщина стенок 10–17 мм. Поверхность сосуда светло-коричневого цвета, покрыта расчесами (рис. 35, 2). Распространение биконических сосудов, как правило, более характерно для раннего этапа срубной культуры (Мочалов, 2003, с. 60).

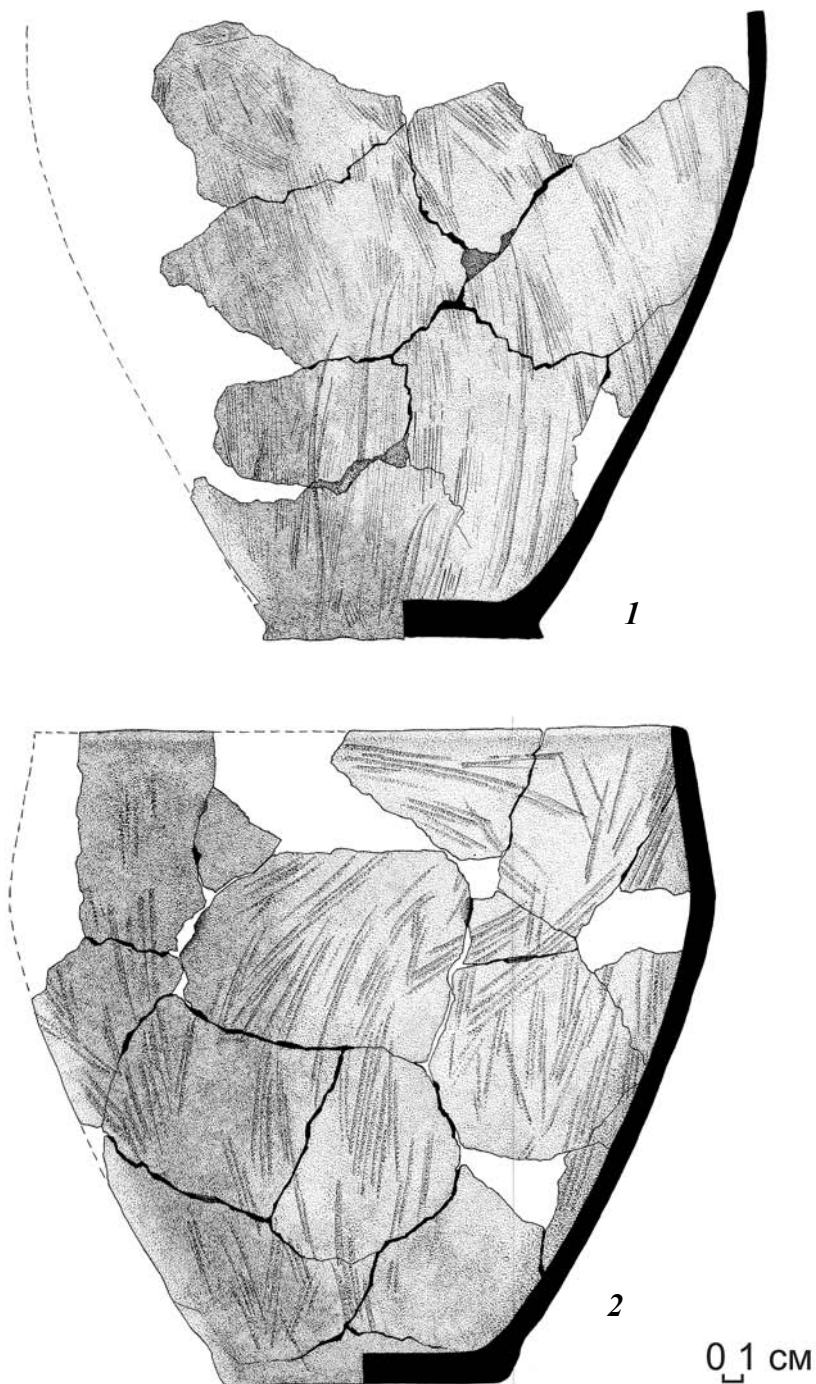
Форму оставшихся 177 сосудов срубного культурно-хронологического горизонта в связи с фрагментарной сохранностью достоверно определить не удалось (51,7 % от общего числа керамики срубного культурно-хронологического горизонта). Тем не менее, по таким критериям, как орнаментальные образы, техника нанесения орнаментации, обработка поверхности, толщина стенок, удалось определить, что 113 оставшихся сосудов принадлежат посуде классического срубного облика, 41 – характеризуются «покровскими» чертами, 28 имеют смешанные срубно-андроновские признаки.

Таким образом, в целом, керамика срубного культурно-хронологического горизонта неоднородна: 226 сосудов характеризуются «классическим» срубным обликом (рис. 38–44), 53 изделия имеют покровские черты (рис. 35–37), признаки срубно-андроновского гончарства отмечены для 63 сосудов (рис. 45–46).

Планиграфическое распределение керамики срубного культурно-хронологического горизонта представлено в *таблице 7*¹.

Из таблицы 7 видно, что керамика классического срубного облика и срубная керамика с «покровскими» чертами практически равномерно распределена по всей площади поселения, с некоторым преобладанием последней на участке № 8 (30,2 %). Срубно-андроновская керамика плотно сконцентрирована в центральной части поселения, наибольшее ее количество обнаружено на участках № 2, 3, 4.

¹Здесь и далее процентное соотношение приведено от общего количества керамики эпохи поздней бронзы.

*Рис. 35 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного хронологического горизонта.
Срубные сосуды с «покровскими» чертами
1 – сосуд 5 (II-21,25-4); 2 – сосуд 8 (II-22-8)*

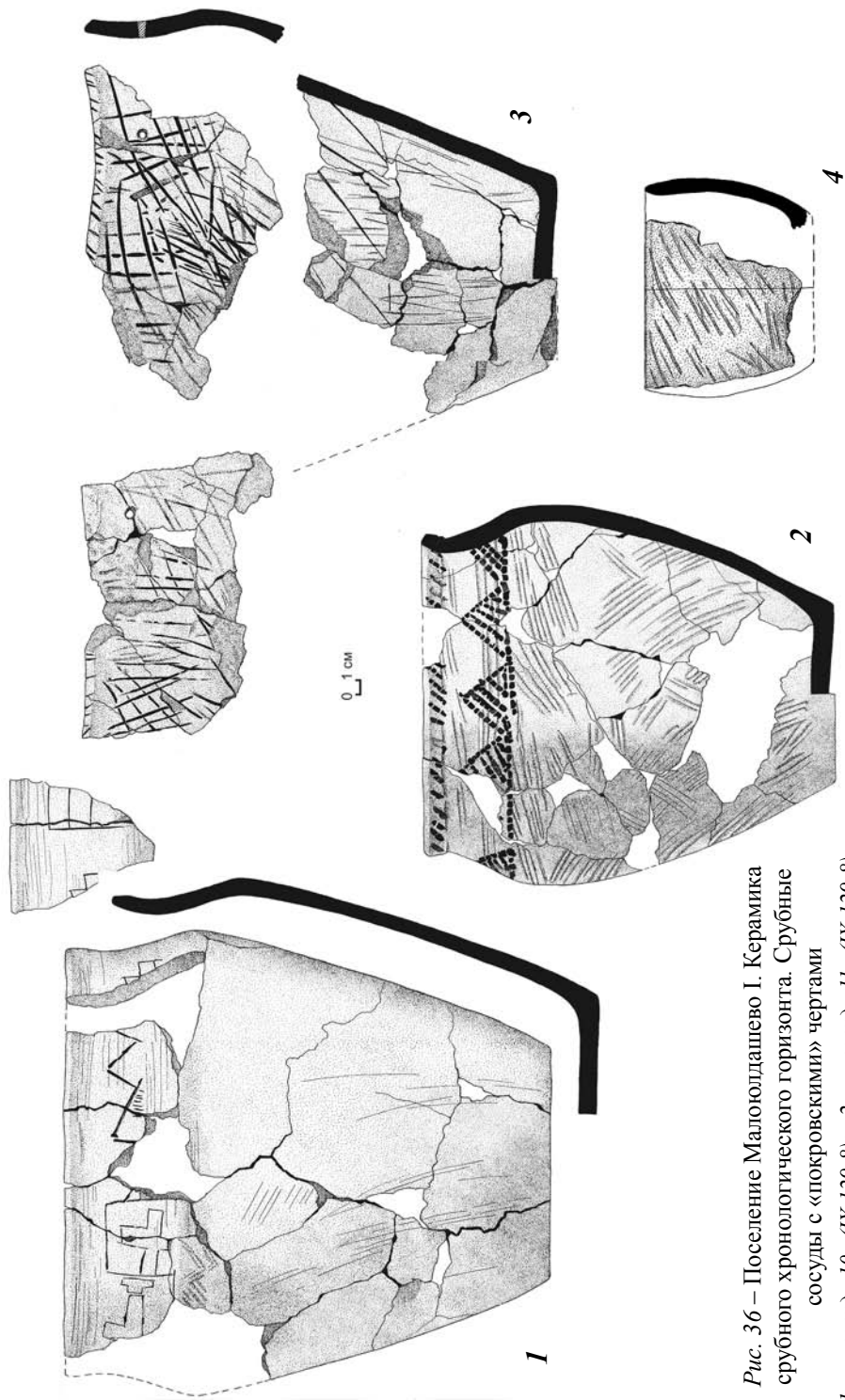

Рис. 36 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного хронологического горизонта. Срубные сосуды с «покровскими» чертами

1 – сосуд 10 (IX-129-8); 2 – сосуд 11 (IX-129-8);
 3 – сосуд 12 (VIII-112-10); 4 – фрагмент сосуда (III-43-3)

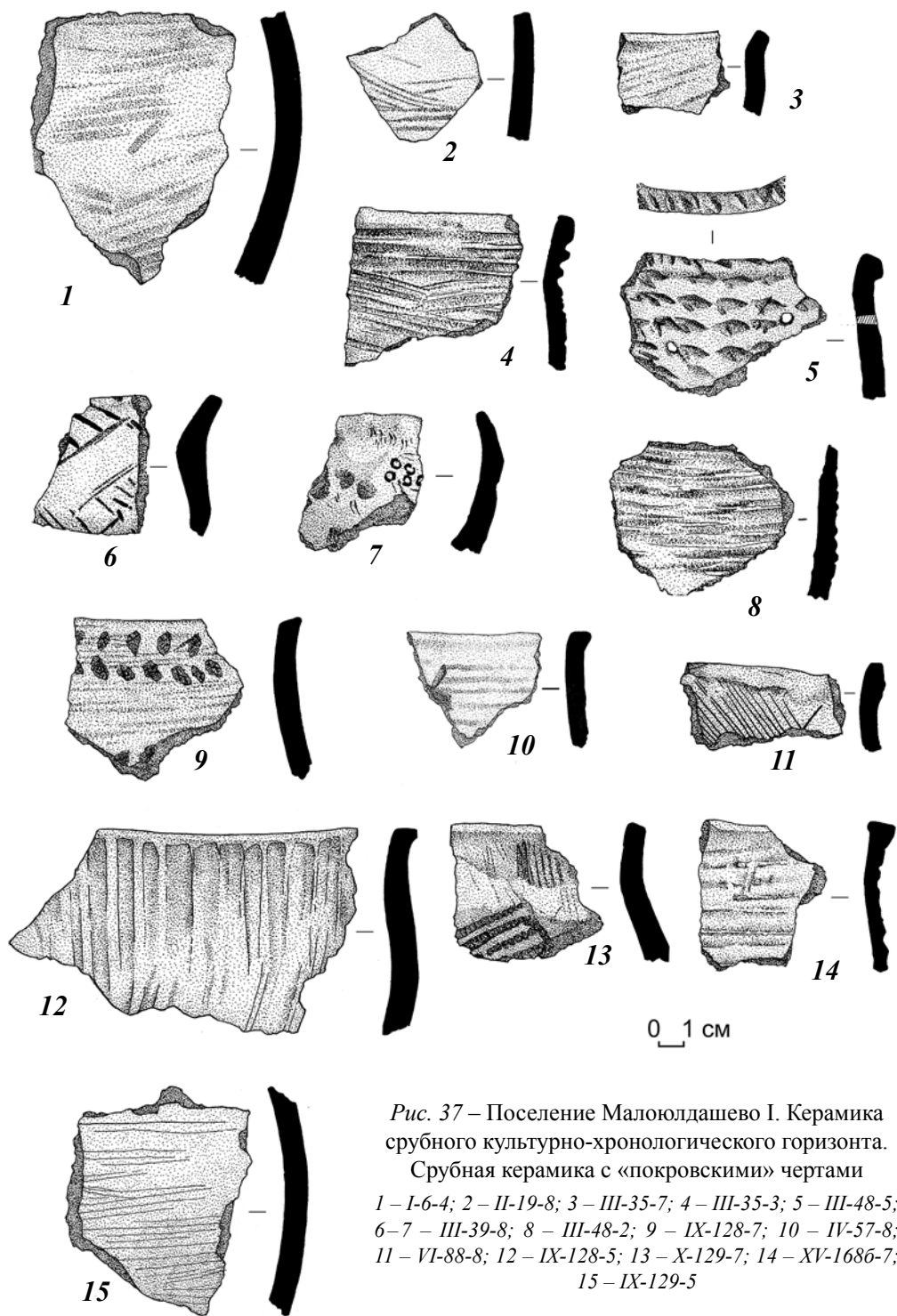

Рис. 37 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта.

Срубная керамика с «покровскими» чертами

- 1 – I-6-4; 2 – II-19-8; 3 – III-35-7; 4 – III-35-3; 5 – III-48-5;
 6–7 – III-39-8; 8 – III-48-2; 9 – IX-128-7; 10 – IV-57-8;
 11 – VI-88-8; 12 – IX-128-5; 13 – X-129-7; 14 – XV-1686-7;
 15 – IX-129-5*

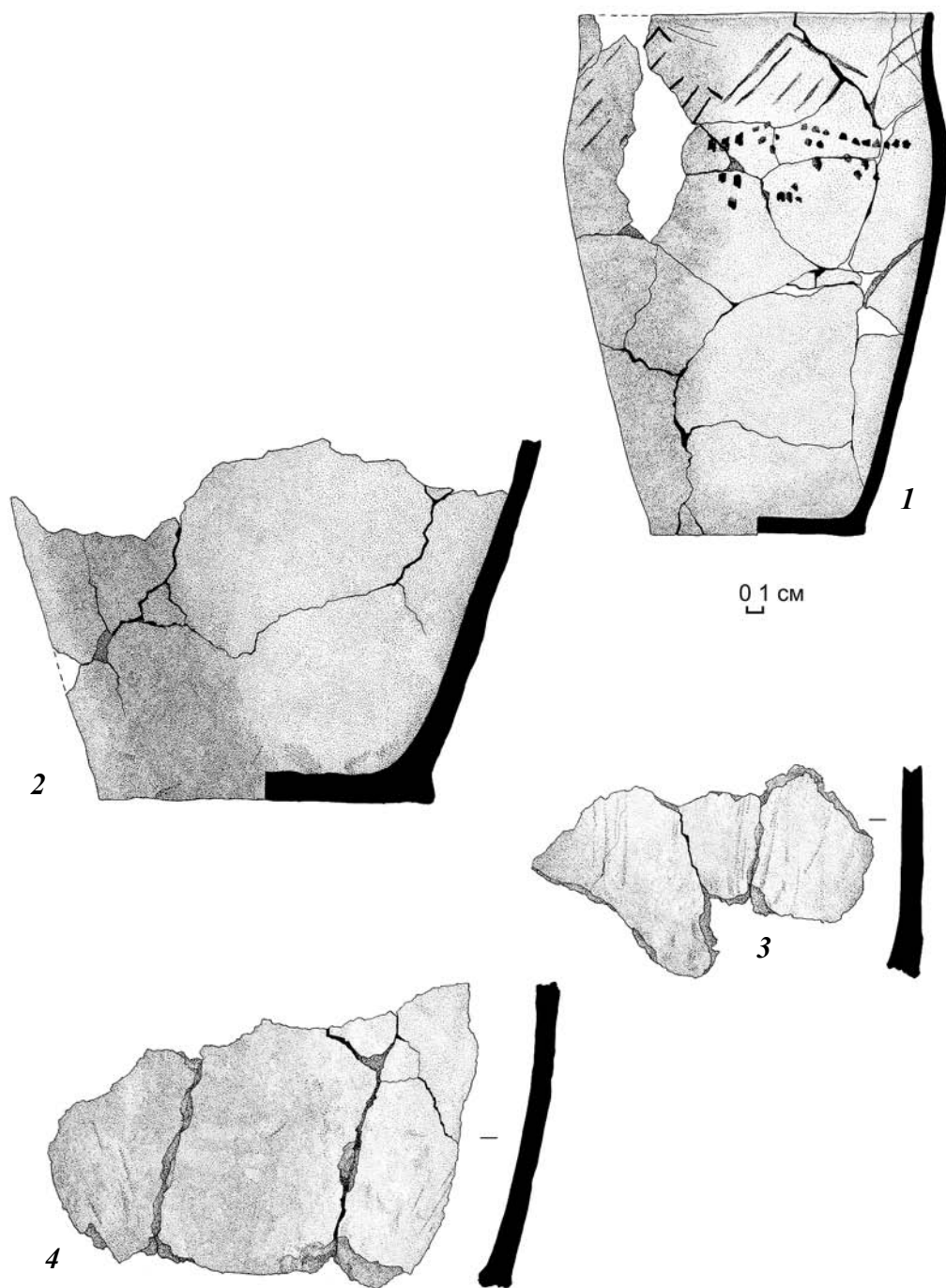

Рис. 38 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного хронологического горизонта.

Сосуды классического срубного облика

1 – сосуд 1 (IV-60-10); 2–4 – сосуды 2, 2а (IV-59-13): 2 – сосуд 2; 3–4 – сосуд 2а

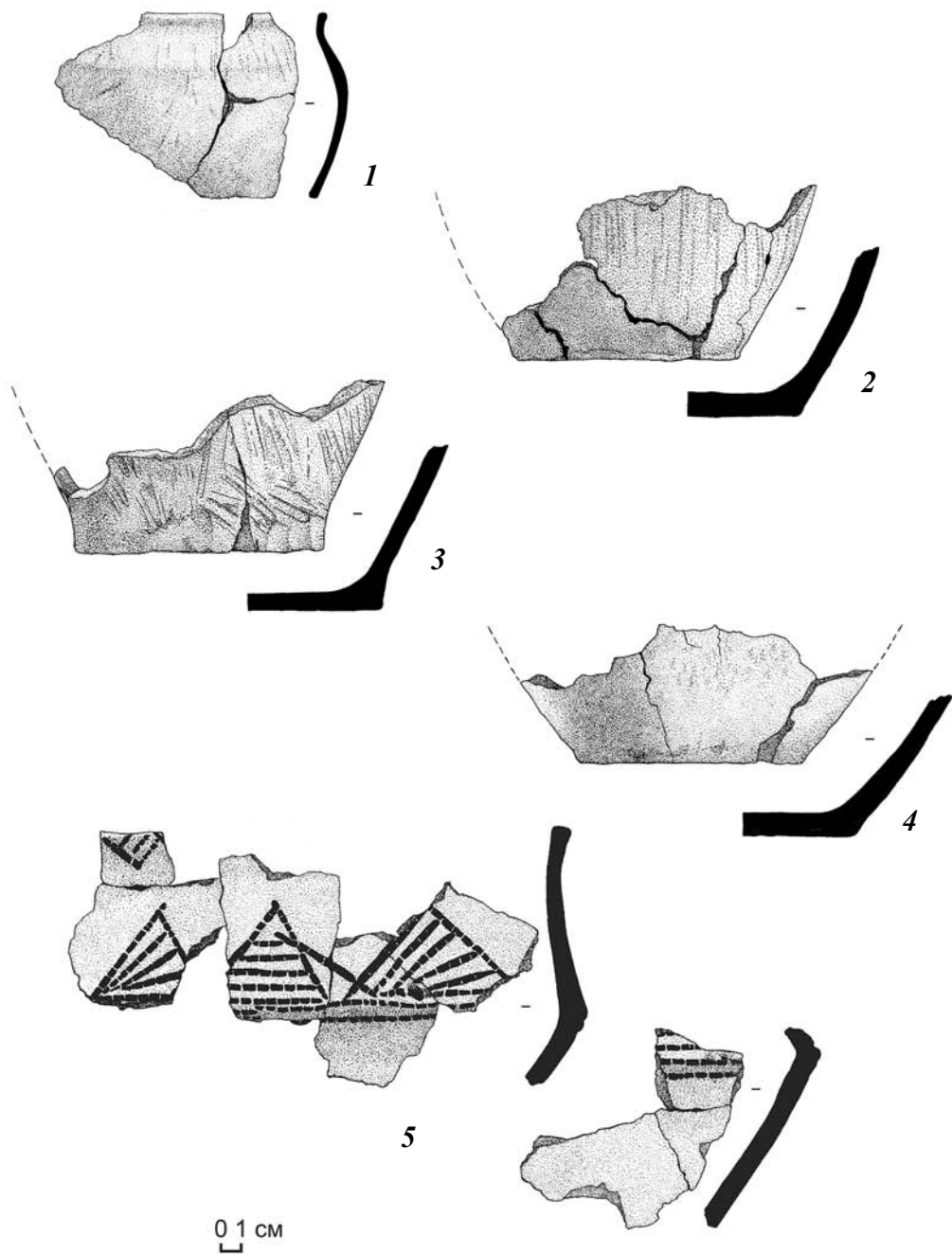

Рис. 39 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного хронологического горизонта.

Сосуды классического срубного облика

1 – сосуд 3 (II-21-7); 2 – сосуд 4 (II-21-7); 3 – сосуд 6 (II-21-7); 4 – сосуд 7 (II-22-8); 5 – сосуд 9 (II-18-7)

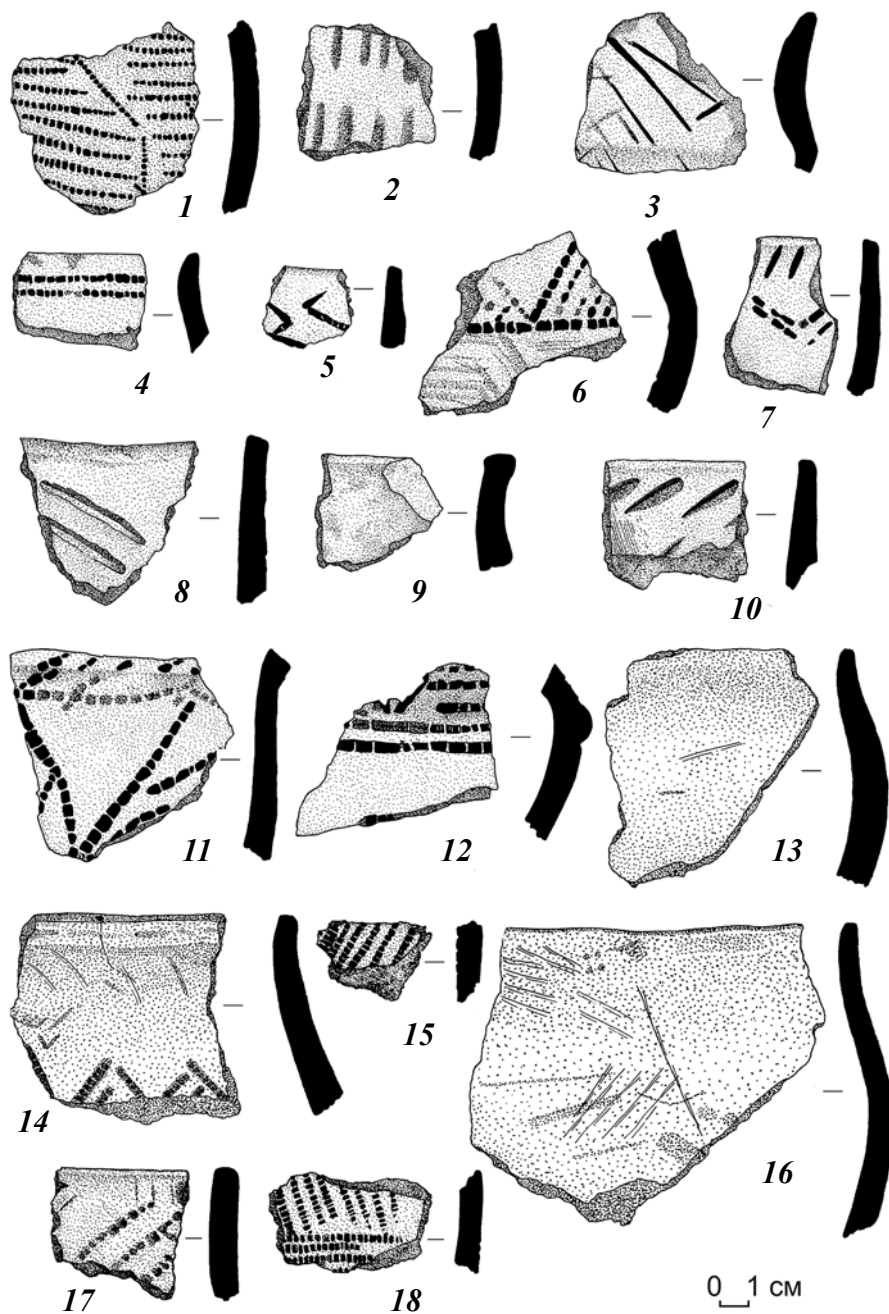

Рис. 40 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Керамика классического срубного облика

1 – I-8-5; 2 – II-19-9; 3 – II-21-8; 4 – II-20-8; 5 – II-21-7; 6 – II-22-7; 7 – II-23-7; 8-9 – II-22-8; 10 – II-29-8; 11 – II-23-7; 12 – II-23-9; 13 – II-22-7; 14 – II-27-7; 15 – III-35-7; 16 – III-44-6; 17 – III-35-4; 18 – III-39-4

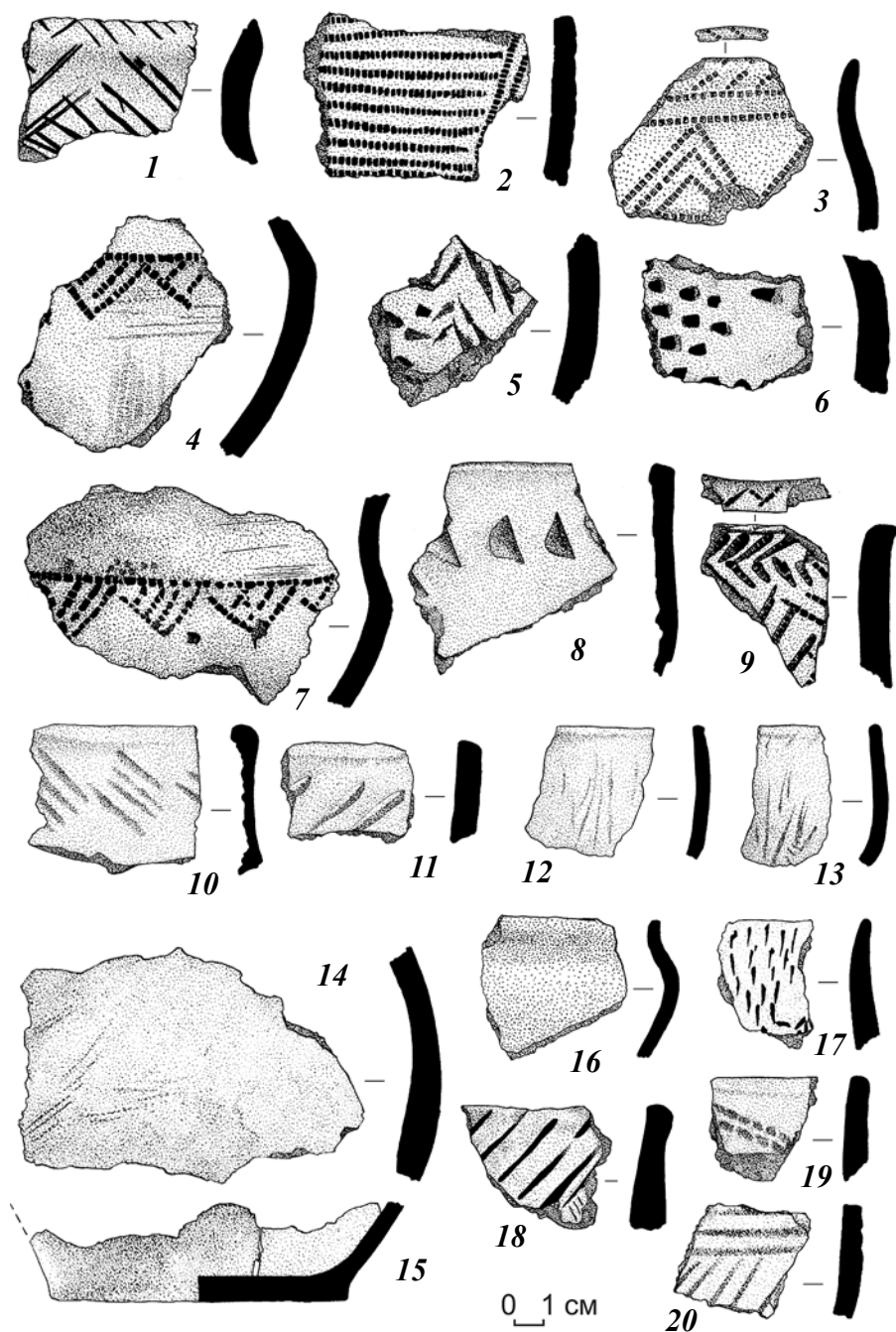

Рис. 41 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Керамика классического срубного облика

1–2 – III-36-8; 3 – III-42-7; 4 – III-40-7; 5 – III-41-4; 6 – III-48-4; 7 – III-41-7; 8 – III-43-3; 9 – IV-58-12; 10 – IV-58-11; 11–12 – IV-57-11; 13 – IV-57-11; 14–15 – IV-59-13; 16 – IV-61-9; 17 – IV-56-8; 18 – IV-51-9; 19 – IV-57-6; 20 – IV-57-7

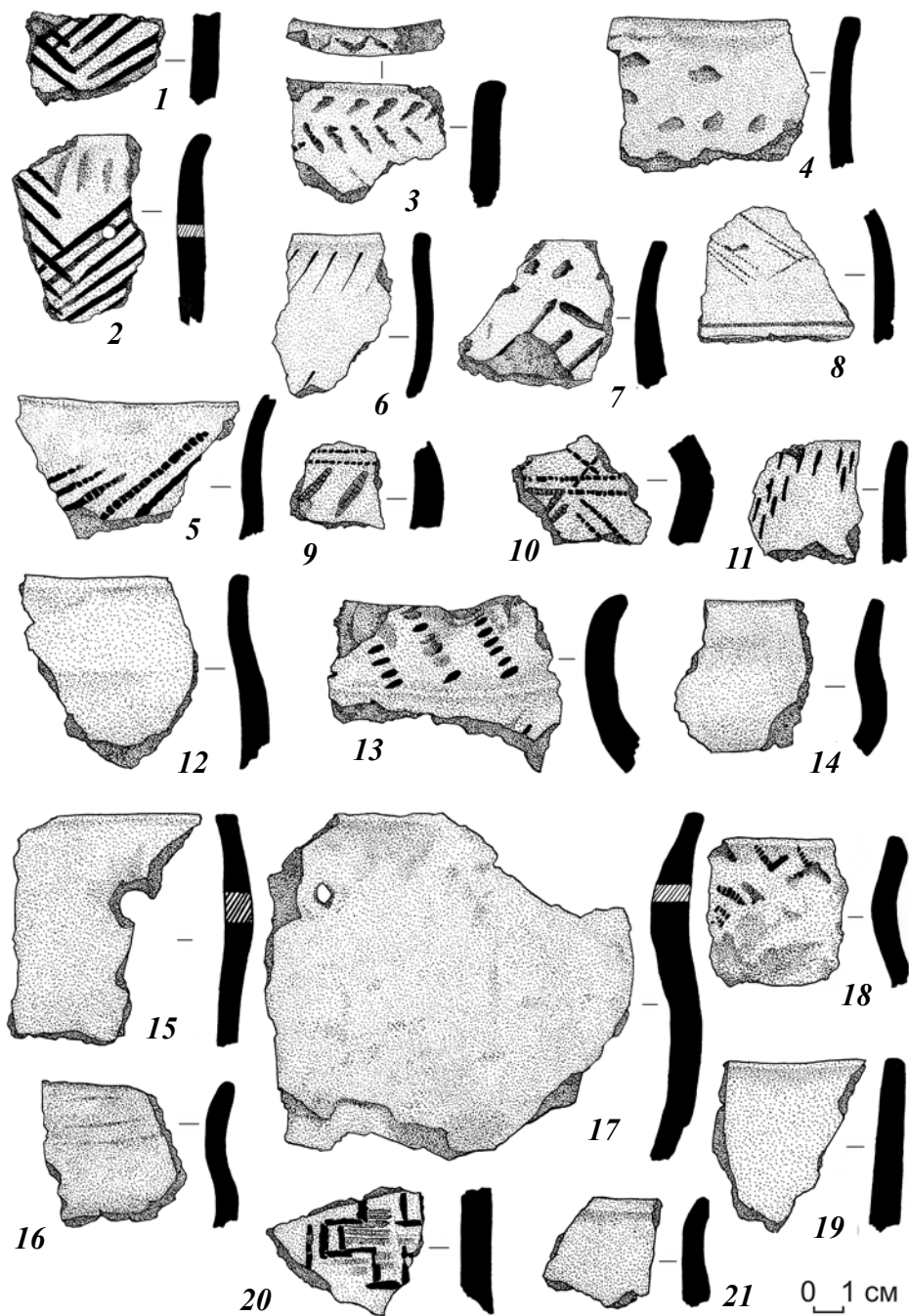

Рис. 42 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Керамика классического срубного облика

1–2 – IV-57-8; 3 – IV-58-9; 4 – IV-57-9; 5–6 – IV-57-10; 7 – IV-58-10; 8 – IV-62-3; 9 – VI-94-5; 10 – VI-93a-5; 11 – VI-91-4; 12 – V-73-4; 13 – VI-926-1; 14 – VIII-104-8; 15 – VI-92-1; 16 – VIII-108-8; 17 – VIII-112-9; 18–19 – IX-128-5; 20 – IX-129-1; 21 – IX-128-4

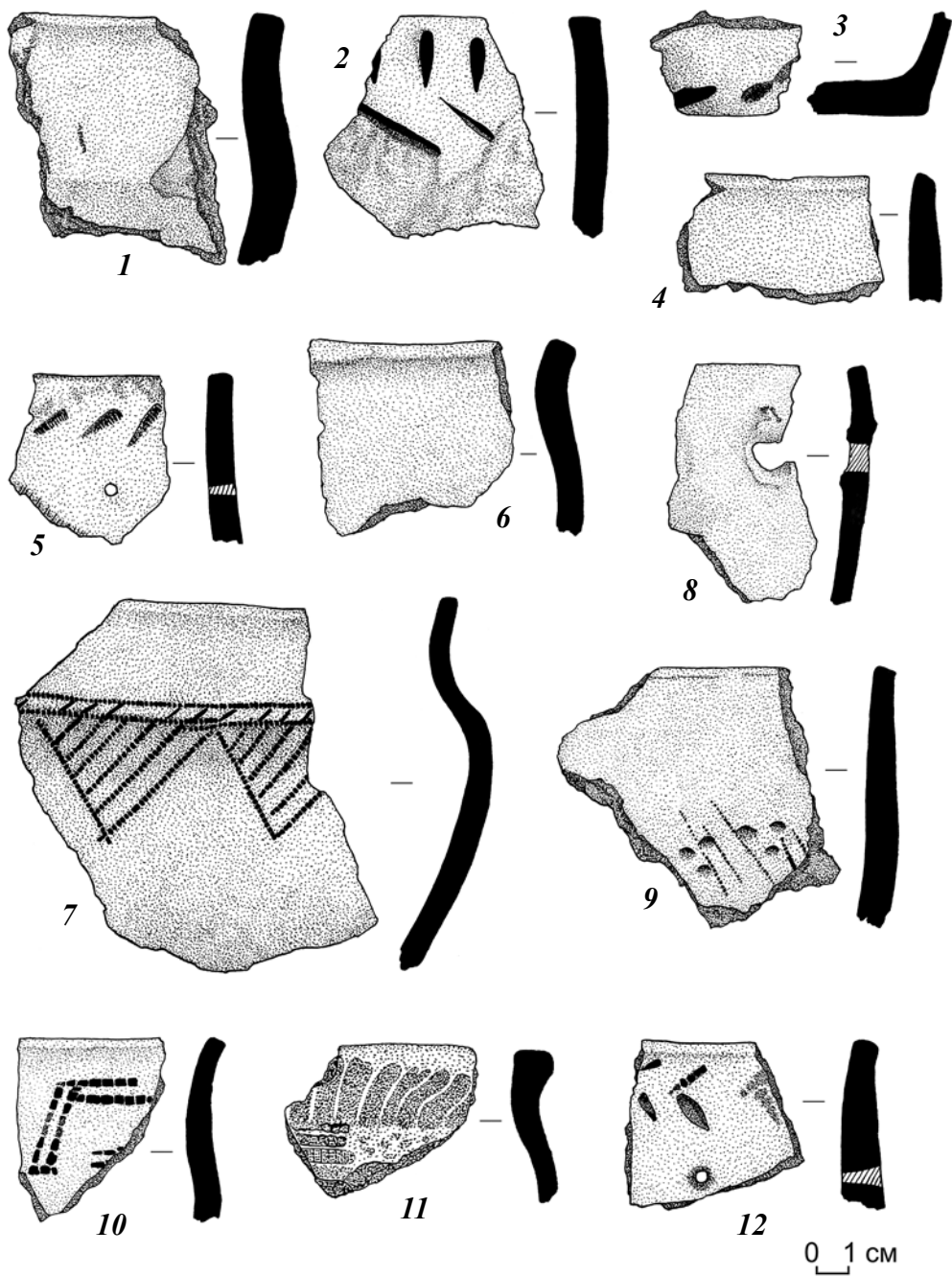

Рис. 43 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Керамика классического срубного облика

1–2 – IX-129-6; 3–4 – IX-129-7; 5 – IX-126-1; 6 – IX-129-6; 7 – IX-128-4; 8 – XI-140-2; 9 – XI-137a-2; 10 – XI-137-2; 11 – XII-148-4; 12 – XIV-164жс-2

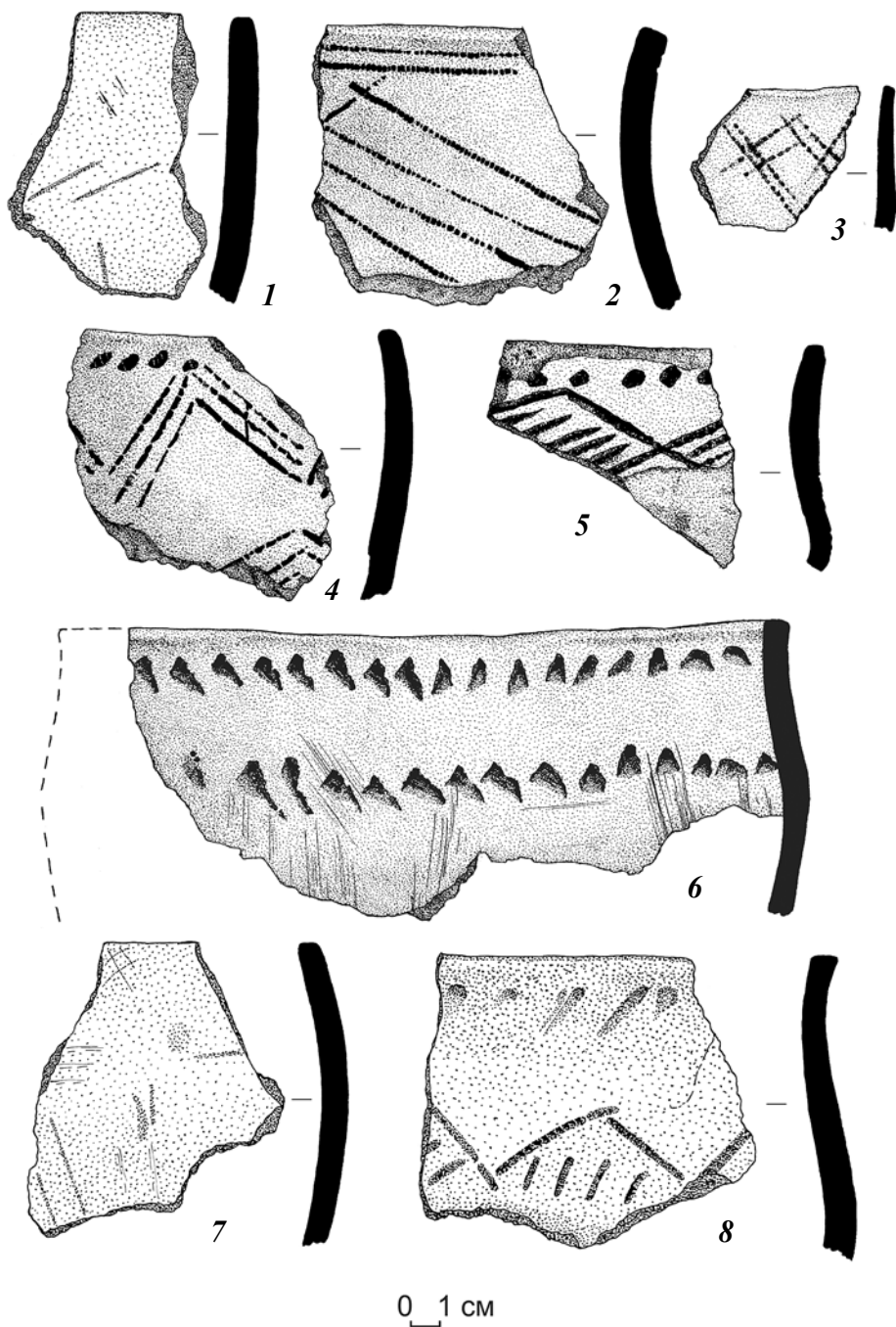

Рис. 44 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Керамика классического срубного облика

1 – XIV-164ж-7; 2 – XV-165-8; 3 – XV-168а-8; 4 – XV-171-8; 5 – XV-165-8; 6 – XV-170-8; 7 – XV-170-10; 8 – XV-171-8

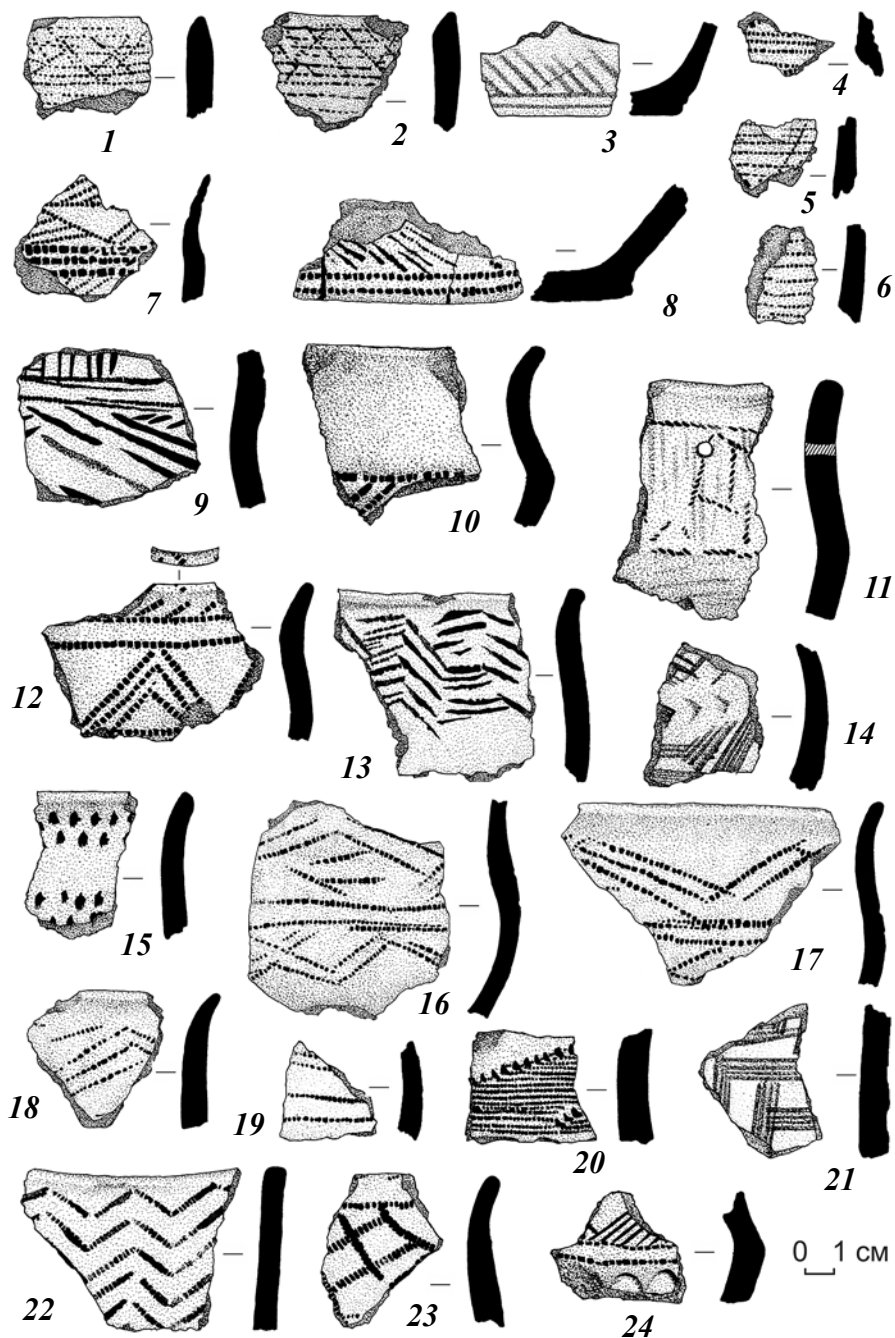

Рис. 45 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Срубно-андоновская керамика

1 – I-5-8; 2 – I-13-4; 3 – II-18-9; 4 – II-22-3; 5 – II-22-4; 6 – II-24-6; 7 – II-29-8; 8 – II-27-6;
 9 – II-26-6; 10 – III-36-8; 11 – III-45-5; 12 – III-42-7; 13 – 14 – IV-59-11; 15 – IV-63-14; 16 – 19 – IV-49-9;
 20 – IV-52-9; 21 – IV-52-10; 22 – IV-54-8; 23 – IV-55-10; 24 – IV-55-9

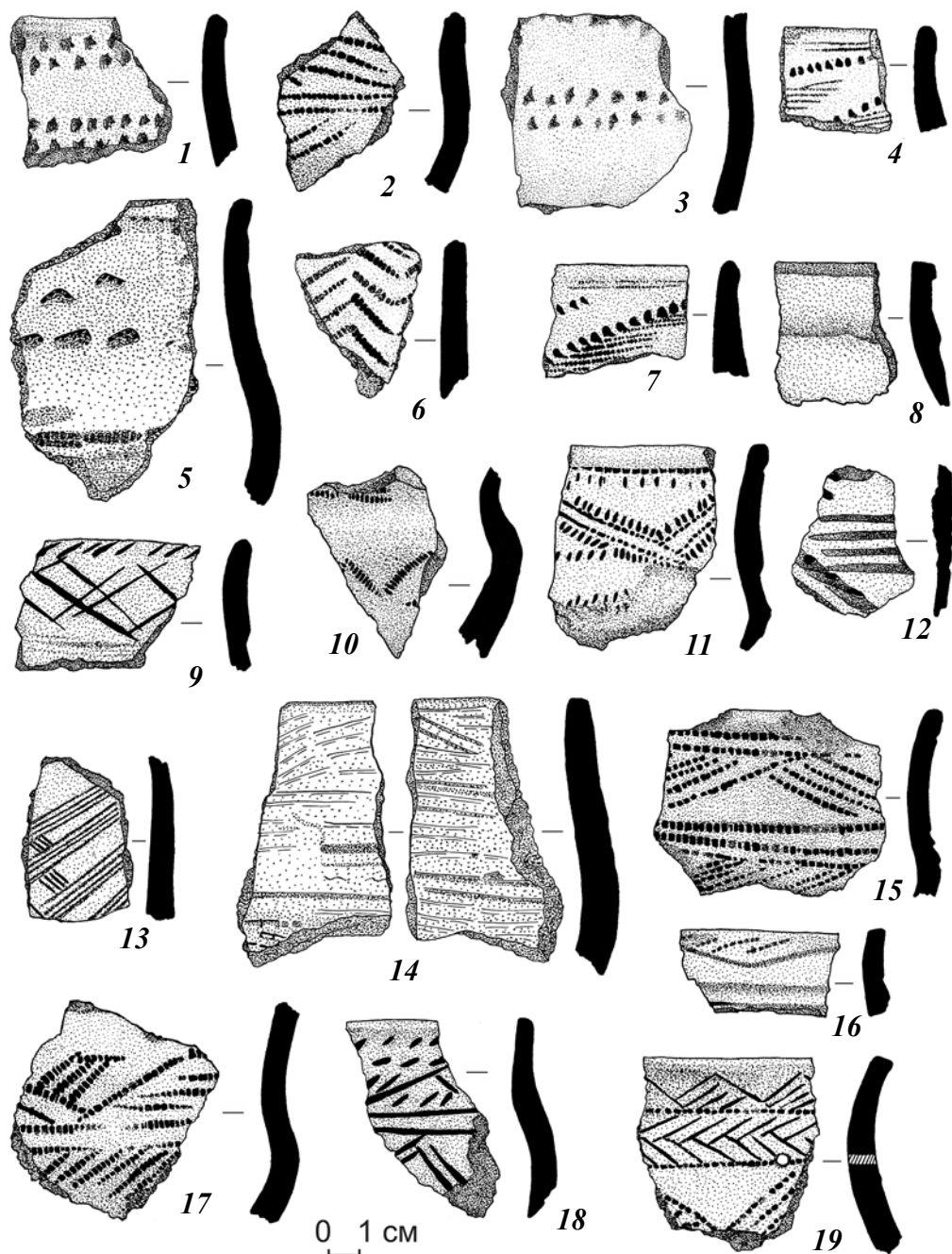

Рис. 46 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубного культурно-хронологического горизонта. Срубно-андроновская керамика

1 – IV-56-8; 2-4 – IV-57-9; 5 – IV-58-10; 6-7 – IV-57-10; 8 – V-83-5; 9 – VI-90-10; 10 – VIII-108-7; 11 – VIII-113-8; 12 – IX-122-8; 13 – IX-126-7; 14 – IX-128-7; 15 – XIV-164жс-5; 16 – XII-145-4; 17 – XIV-164жс-7; 18 – XV-171-6; 19 – XV-170-8

Таблица 7 – Планиграфическое распределение керамики срубного культурно-хронологического горизонта на поселении

Планиграфическое распределение керамики классического срубного облика																
№ уч.	1	2	3	4	5	6	7	7а	8	9	10	11	12	13	14	15
кол-во	6	35	22	31	7	10	3	4	19	15	11	12	1	3	8	42
%	3	15,5	9,7	14	3	4	1	1,8	8,4	7	5	5	0	1	4	18,6
Планиграфическое распределение срубной керамики с «покровскими» чертами																
кол-во	5	4	8	3	0	1	0	0	16	3	1	1	6	1	0	4
%	9,4	13,8	15,1	5,7	0	1,9	0	0	30,2	5,7	1,9	1,9	11,3	1,9	0	7,5
Планиграфическое распределение срубно-андроновской керамики																
Кол-во	2	13	16	11	0	0	0	0	6	3	0	4	1	0	5	2
%	3,2	20,7	25,4	17,5	0	0	0	0	9,5	4,8	0	6,3	1,6	0	8	3,3

Стратиграфическое распределение керамики срубного культурно-хронологического горизонта отражено в *таблице 8*.

Таблица 8 – Стратиграфическое распределение керамики срубного культурно-хронологического горизонта на поселении

Стратиграфическое распределение керамики классического срубного облика										
№ штыка	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
кол-во	7	14	10	26	16	20	32	49	52	
%	3,1	6,2	4,4	11,5	7,1	8,8	14,2	21,7	23	
Стратиграфическое распределение срубной керамики с «покровскими» чертами										
кол-во	2	5	4	4	6	2	8	10	12	
%	3,8	9,4	7,6	7,6	11,3	3,8	15,2	18,7	22,6	
Стратиграфическое распределение срубно-андроновской керамики										
кол-во	2	3	6	8	6	3	12	9	14	
%	3,2	4,8	9,5	12,7	9,5	4,8	19	14,3	22,2	

В таблице показано, что вся керамика срубного культурно-хронологического горизонта распределена по слоям с примерно одинаковой интенсивностью, с преобладанием ее на штыках № 8 и 9, что характерно и для керамики синташтинского времени. Таким образом, стратиграфическое деление керамики различных культурно-хронологических горизонтов на поселении отсутствует. Дестратификация культурных слоев на поселениях бронзового века характерна для многих памятников степной зоны Приуралья и Зауралья, что объясняется медленным процессом формирования гумусных слоев в степи, ведением древним населением различного рода хозяйственной деятельности, а также тем фактором, что каждый раз при заселении поселенческой площадки для строительных нужд населения был необходим выход на материковый грунт (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 46; Малютина, Зданович, 2012, с. 50–51; Купцова, Файзуллин, 2012, с. 91).

Распределение керамического материала в постройках Малоюлдашевского поселения представлено в *таблице 9*.

Таблица 9 – Распределение керамического комплекса в постройках

	Постройка 1		Постройка 2	
	кол-во	%	кол-во	%
Керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта	9	8	3	4,2
Керамика срубного культурно-хронологического горизонта	104	92	69	95,8
Керамика классического срубного облика	71	62,8	45	62,5
Срубная керамика с «покровскими» чертами	10	8,8	7	9,7
Срубно-андроновская керамика	23	20,4	17	23,6
Всего	113	100	72	100

Распределение материала в постройке принципиально не отличается от соотношения керамики различных культурно-хронологических горизонтов по всей площади поселения. Доминирующее положение здесь занимает керамика срубного культурно-хронологического горизонта, встречаемость которой составляет 92 и 95,8 % соответственно для первого и второго сооружений.

Помимо керамики эпохи поздней бронзы, на поселении (в рекогносцировочной зачистке, приуроченной к южному краю данного участка) были обнаружены фрагменты сосудов *финала бронзового века* (рис. 47). Сосуды сильно фрагментированы, поэтому их форма не восстанавливается. Основным видом орнамента на данных сосудах является вертикальная ёлочка и узор в виде ромбической сетки, нанесенный с помощью прочерчивания. На территории Оренбургского Предураля керамика финала эпохи бронзы фиксировалась на некоторых памятниках, однако доля ее всегда невелика (Моргунова, Халяпин, Халяпина, 2001, с. 108–109; Купцова, Файзуллин, 2012, с. 86, 89).

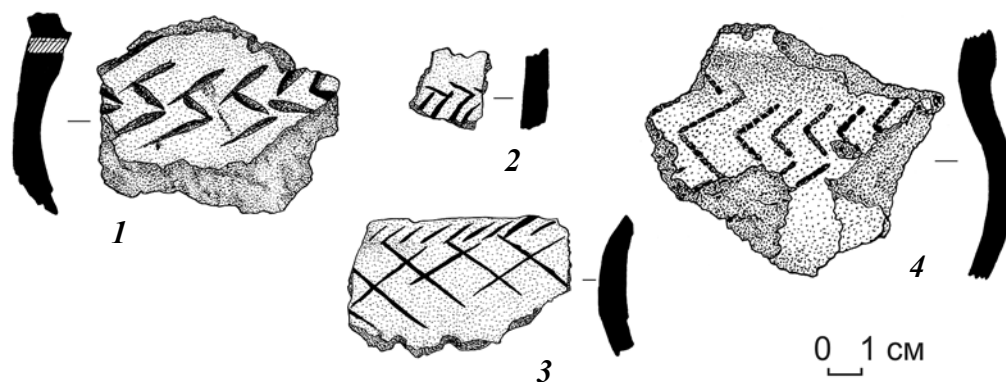

Рис. 47 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика финальной бронзы из рекогносцировочной зачистки

2.2.2 Изделия из металла, глины, камня, кости

Металлические изделия

Изделия из металла (бронзы) на поселении Малоюлдашево I представлены четырехгранным шилом, ножом листовидной формы с обломанным острием, деформированной иглой, пластинкой, согнутой вдвое, и несколькими предметами небольших размеров, которые являлись отходами металлообработки (рис. 48).

Нож (рис. 48, 1) листовидной формы с обломанным острием, намечающейся подромбической пяткой черешка, слабо отделенным черешком, без перекрестия. Изделие имеет длину 8,8 см, ширину в наиболее широкой части – 2,8 см. Близкие по форме изделия представлены в памятниках начального этапа позднего бронзового века – синташтинской и потаповской культур (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 256, рис. 146, 1; Зданович Д. и др., 2002, с. 73, рис. 44, 2; Васильев, Кузнецов, Семенова, 1994, с. 150, рис. 46, 6).

Шило (рис. 48, 2) – бронзовое изделие из прутка квадратного сечения (3,5×3,5 мм) длиной 8,2 см. Окончания шила заострены. Данный артефакт относится к типу обоюдоострых шильев без упора. Подобные изделия имеют

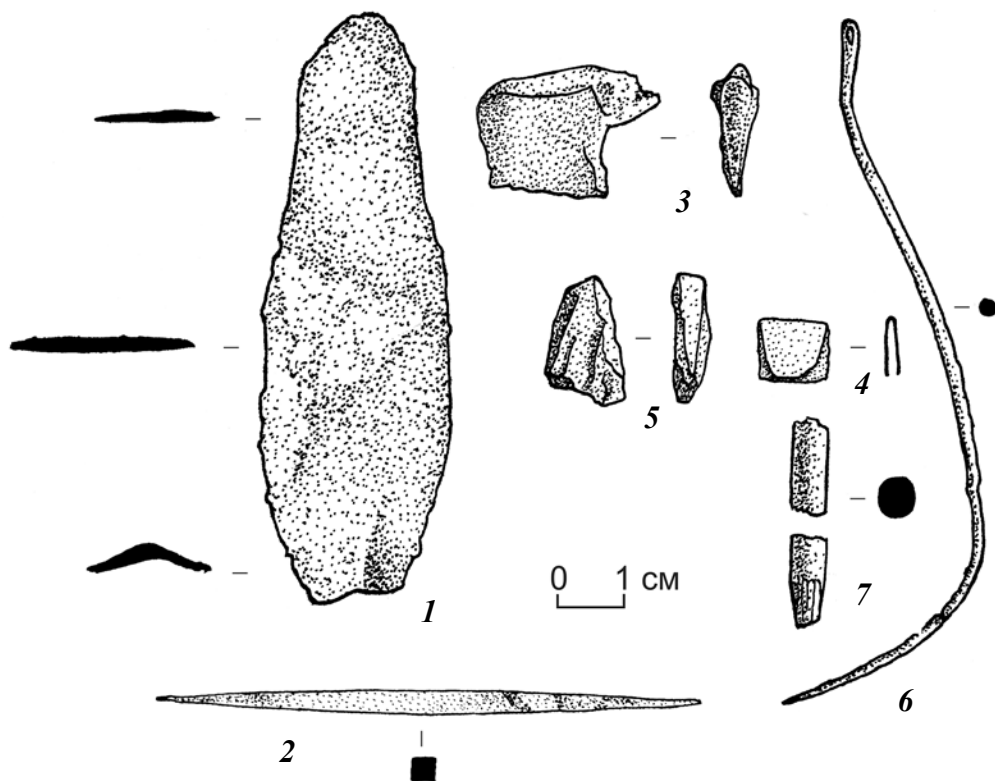

Рис. 48 – Поселение Малоюлдашево I. Индивидуальные находки

1 – бронзовый нож (IX-128-6); 2 – бронзовое шило (VIII-100-9); 3 – 5 – бронзовые изделия (3 – VIII-106-9, 4 – II-21-6, 5 – VIII-104-9); 6 – бронзовая игла (III-38-7); 7 – изделие из графита (VI-92a-6)

широкий круг аналогий в материалах культур позднего бронзового века Волго-Уралья и Южного Зауралья (Каргалы, 2004, с. 84; рис. 2.10, 11, 17; Рындина, Дегтярева, 1989, рис. 1, 9–11; Пряхин, 1996, рис. 26, 10–12; Древнее Устье, 2013, с. 225; рис. 6.2, 22, 25, 28; Обыденнов и др., 2001, рис. 12, 1; 23, 5).

Игла (рис. 48, б) – бронзовое изогнутое в средней части под углом 90° (деформировано в процессе археологизации) изделие длиной в выпрямленном состоянии около 11,5 см, в сечении округлое, с округлым ушком. Такая форма иглы довольно широко распространена во всех культурах позднего бронзового века степного и лесостепного Волго-Уралья (Каргалы, 2004, с. 84–85, рис. 2.10, 1–4; Памятники срубной культуры, 1993, табл. 42, 6; Пряхин, 1996, рис. 26, 14–15; Рындина, Дегтярева, 1989, рис. 1, 14).

Керамические изделия

Изделия из глины представлены четырьмя артефактами, традиционно в литературе называемыми пряслицами (рис. 49). Интересно, что каждое пряслице относится к своему, не повторяющемуся в других изделиях, типу. В целом можно выделить три изделия близкой к дисковидной формы и одно пряслице цилиндрической формы. Пряслице (рис. 49, 5) с участка X имеет ярко выраженную цилиндрическую форму и находит аналогии в срубных памятниках Восточной Европы (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 64, 24, табл. 37, 22; Пряхин, Килейников, 1986, рис. 3, 15; Березанская, 1990, табл. XXII, 5, 7). Фрагментированное (представленное половиной изделия) пряслице с участка VI (рис. 49, 4) относится к типу классических дисковидных пряслиц, являющихся наиболее типичными для памятников позднего бронзового века (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 42, 1, 2; Пряхин, 1996, рис. 62, 63; Обыденнов, 1991, рис. 55, 2, 3; Обыденнов и др., рис. 51, 8, 11; 33, 4; Пряхин, Килейников, 1986, рис. 3, 7–8; Березанская, 1990, табл. XXII, 5, 7). Еще одно изделие, найденное на участке III (рис. 49, 3), имеет форму, занимающую промежуточное положение между дисковидными и усеченно-коническими типами. А.Д. Пряхин называет подобные изделия грубоделанными уплощенными пряслицами, отмечая небрежность их исполнения и высказывая мысль о принадлежности их к категории детских игрушек (Пряхин, 1996, с. 100–101, рис. 64). Наконец, керамическое изделие с участка VIII (рис. 49, 2) имело интересную форму: по внешнему краю дисковидного в общих очертаниях пряслица проведен желоб, который визуально делит изделие на две части. Точные аналогии подобным изделиям нами пока не были встречены.

Керамические пряслица, по мнению многих исследователей, связаны с процессом прядения и традиционно считаются деталями веретена (Полидович, Полидович, 1999, с. 217). Наличие разных типов пряслиц свидетельствует о существовании имевших разную величину и вес веретен, при помощи которых можно было получать нити из сырья. Большинство исследователей полагает, что это были шерстяные нити. Ряд авторов полагает, что населению срубной культуры были известны станки вертикального типа (Синицин, Фисенко, 1972, с. 23–25; Морозов, 1981, с. 61).

Несправедливо было бы не отметить еще несколько вариантов применения дисковидных пряслиц. Интерпретаций данной категории находок огромное

количество: украшения, диски для волчка, детские игрушки, пуговицы, маховички для разжигания огня. Наиболее интересной из альтернативных версий использования видится нам последняя. Ю.Б. Сериковым была проведена серия экспериментов по добыче огня при помощи палочки с надетым на нее пряслицем. В результате выяснилось, что при умелых действиях зажигание происходит в течение 1 минуты (Сериков, 2005, с. 148).

Также на площади поселения, в развале сосуда № 6, было обнаружено керамическое изделие в виде усеченного конуса, верхняя часть изделия обломана (рис. 49, 1). Диаметр изделия 3 см, высота сохранившейся части 2 см. По всей поверхности изделия, особенно в нижней части, нанесены вдавления в виде небольших кружков. Близкое типологически изделие было обнаружено при

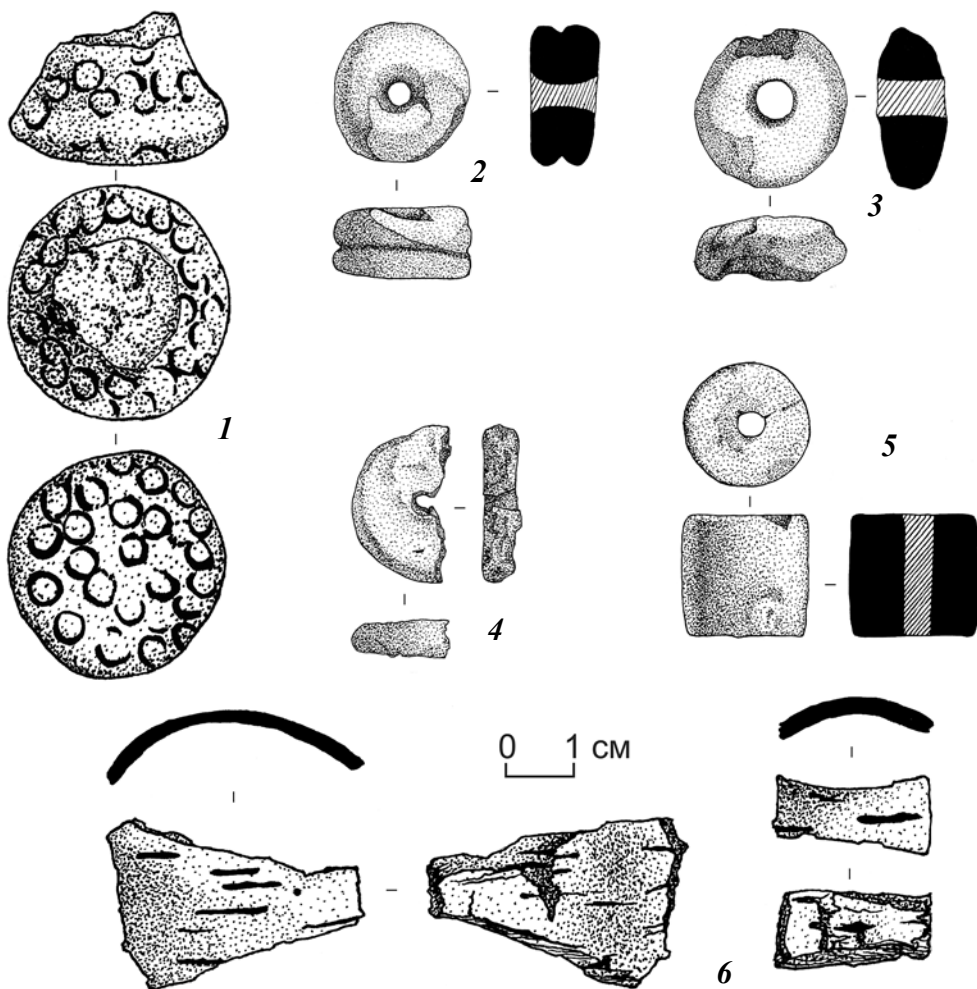

Рис. 49 – Поселение Малоюлдашево I. Индивидуальные находки

1 – керамическое изделие (II-25-7); 2–5 – пряслица; 2 – VIII-102-10; 3 – III-39-3; 4 – VI-91-1; 5 – X-133-7; 6 – фрагменты бересты (IV-62-13)

раскопках поселения Лесопитомник-4 (Гак, 2011, рис. 35, 7); Е.И. Гаком оно было интерпретировано как «глиняный штамп с обломанным держателем (или ручка от крышки сосуда?)» (Гак, 2011, с. 43). Учитывая обстоятельства нахождения малоюлдашевского керамического предмета – в развале сосуда № 6 – исключать возможность того, что этот предмет мог являться ручкой сосуда, явно не следует. Еще одна аналогия, более близкая и по форме изделия, и по месту нахождения, происходит с укрепленного поселения Устье в Южном Зауралье (Древнее Устье, 2013, с. 215, рис. 5.9, 10). Н.Б. Виноградов отмечает значительную редкость нахождения на памятниках бронзового века ручек сосудов, что придает несомненную значимость малоюлдашевскому артефакту.

Еще один, правда, менее вероятный, вариант интерпретации изделия связан с возможностью его изготовления не взрослым мастером, а ребенком, что обуславливает миниатюрные размеры изделия и его непрактичность. Исследователями «детской» проблематики отмечено, что приобщение детей к керамическому производству начиналось с самого раннего возраста: так, ногтевые и пальцевые отпечатки детей 6–8-летнего возраста встречаются на целой серии керамических сосудиков и поделок из памятников бронзового века Южного Зауралья (Берсенева, Куприянова, Берсенов, 2014, с. 91–96). Поэтому вариант интерпретации нанесения ребенком круговых вдавлений на небольшой поделке конической формы с последующим оставлением таковой во «взрослом» сосуде также, на наш взгляд, не исключен.

Каменные изделия

На поселении Малоюлдашево I было обнаружено несколько каменных изделий и орудий достаточно крупных размеров. В силу довольно широкого круга аналогий возможно их соотнесение не только с эпохой поздней бронзы, но и с более ранним периодом бытования поселения, датирующимся неолитом – энеолитом. Однако в силу особенностей планиграфического и стратиграфического расположения большинства находок – в основании центральной части постройки I, относящейся к позднему бронзовому веку, – наиболее вероятно всё же принадлежность этих изделий данному периоду.

Каменные плитки (рис. 50, 1, 2) – представлены двумя фрагментами от разных изделий: известняковая плитка сегментовидной формы размерами 10×10×1 см и сланцевая плитка размерами 5×12×2,5 см, хорошо отполированная, со следами обработки на конце. Первый предмет можно с известной степенью уверенности назвать фрагментом терочника или шлифовальной плиты, что подкрепляется рядом аналогий (Древнее Устье, 2013, с. 304, 311; рис. 10.1, 10.13; Обыденнов и др., 2001, рис. 64, 4). Функциональная принадлежность сланцевой плитки устанавливается сложнее, поскольку такое изделие вряд ли могло являться ударным предметом. Известны аналогии применения сланцевых плиток в качестве подставок или терочников (Древнее Устье, с. 312; рис. 10.8, 10.9)

Каменные песты (рис. 50, 3, 51, 1–3) – орудия, изготовленные из крупных продолговатых галек, округлых, овальных или подтреугольных в сечении, со следами ударной обработки на рабочих краях (всего насчитывается 4 экземпляра, размерами 6×10×3,5 см, 6×10×4 см, 6×15×5 см, 9×15×5 см).

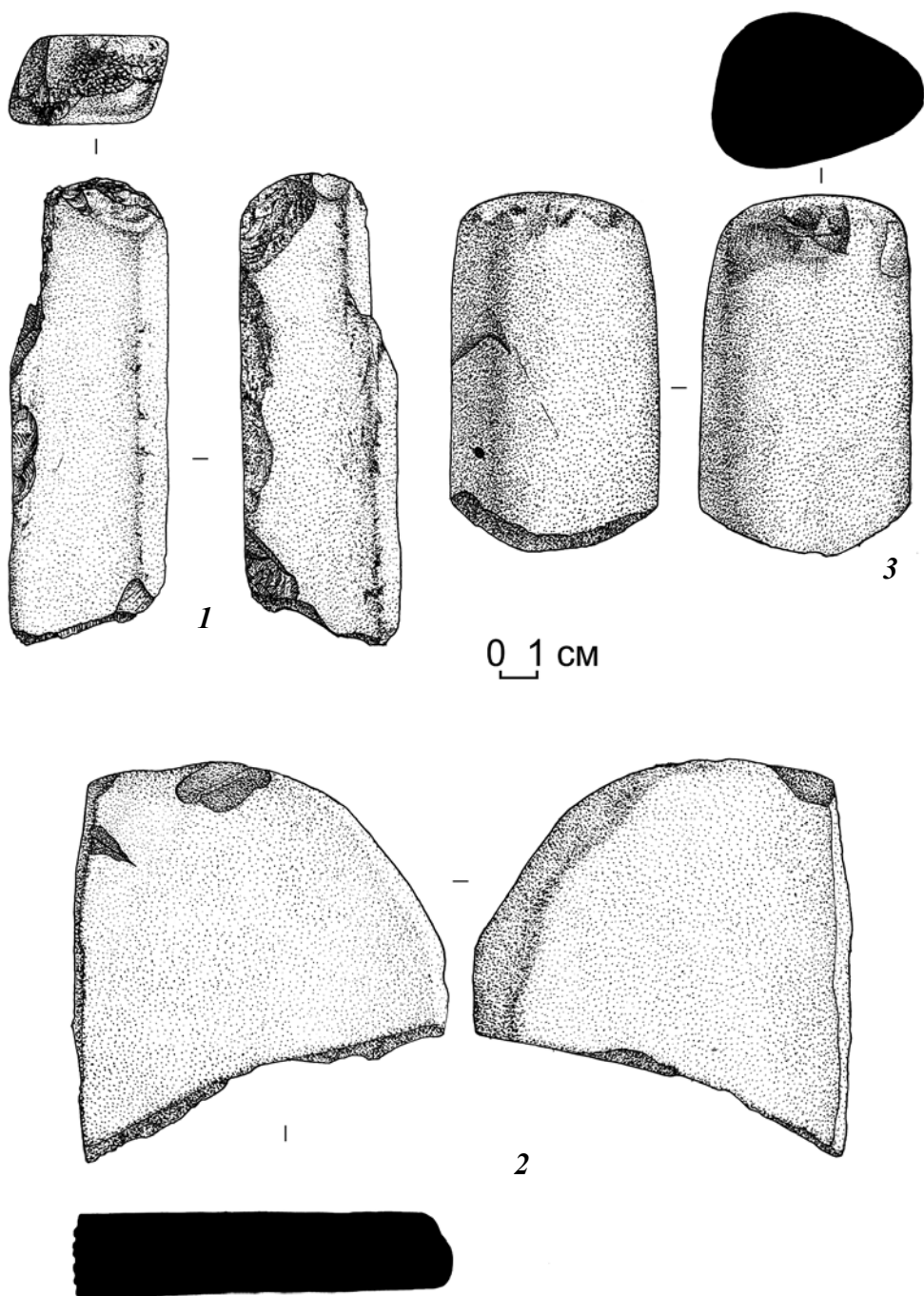

Рис. 50 – Поселение Малоюлдашево I. Каменные изделия

1 – сланцевая плитка с обработкой на конце (II-18-9); 2 – известняковая плитка (III-33-8); 3 – каменный пест (X-134-6)

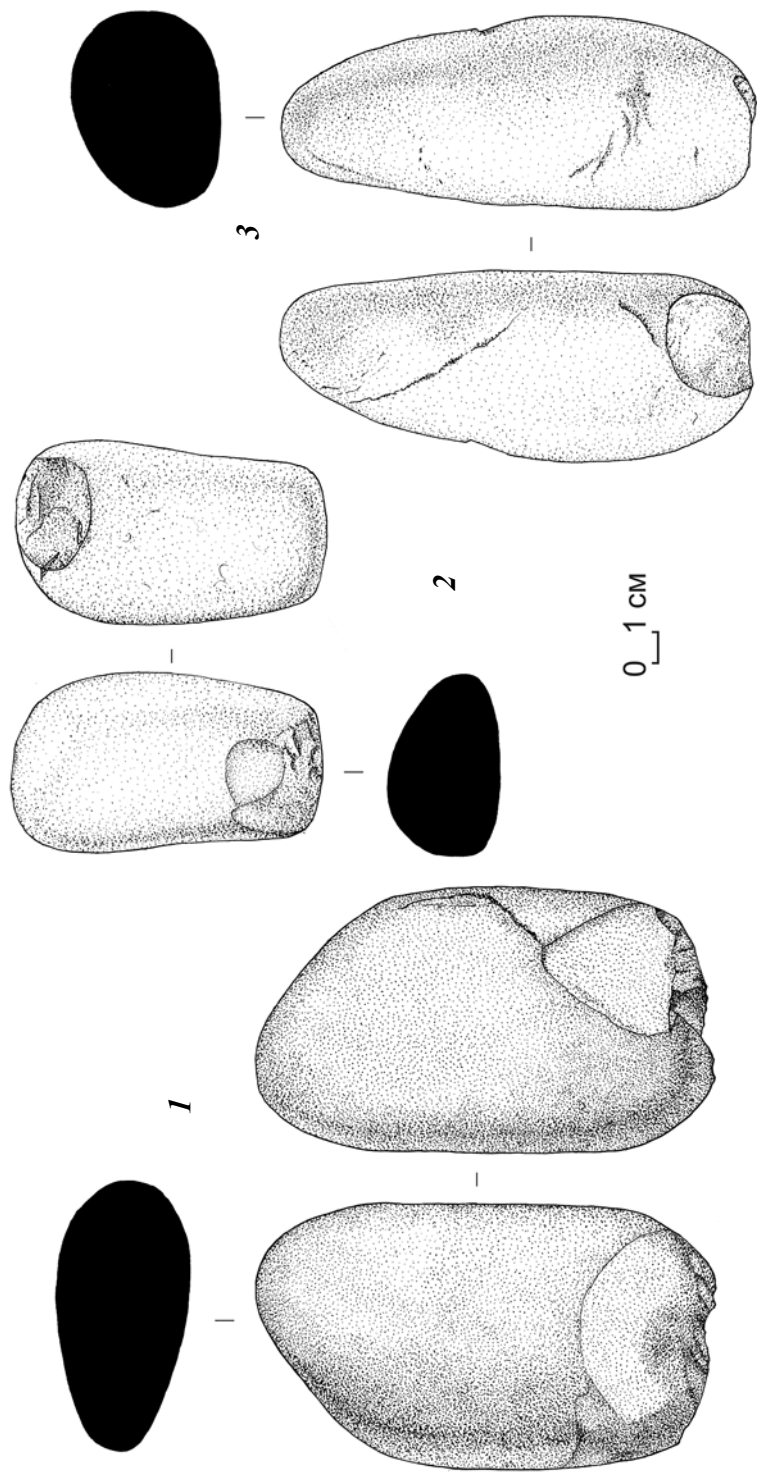

Рис. 51 – Поселение Малоюдашево I. Каменные орудия
 1 – IV-53-10; 2 – 3 – IV-51-9

Терминологический контекст вышеуказанных орудий достаточно условен. В равной степени изделия подобных очертаний и размеров можно назвать пестами или отбойниками, что является наиболее распространенным вариантом наименования аналогичных изделий в других памятниках (Древнее Устье, с. 304, 311; рис. 10.2, 1, 2; Гак, 2011, с. 35, рис. 25, 14, 15, рис. 49, 11; Обыденнов и др., 2001, рис. 64; Пряхин, 1996, рис. 50). Часто подобные орудия именуются молотками (Каргалы, 2004, с. 158–171, рис. 6.5, 2; 6.9, 6; 6.10 и др.; Пряхин, 1996, с. 81–82, рис. 49; Березанская, 1990, табл. XIX, 3–5); в то же время на малоюлдашевских экземплярах отсутствуют следы крепления к рукояти, что не дает в полной мере возможности называть их этим термином. Обращает на себя внимание тот факт, что 3 каменных песта планиграфически сконцентрированы в пределах постройки 1, на участке IV, и лишь один экземпляр (Х-134-6) был обнаружен на северо-восточной периферии постройки. В то же время именно для указанных квадратов раскопа отмечена повышенная концентрация шлаков, что позволяет выдвинуть гипотезу об использовании каменных изделий в металлообработке, свидетельства наличия которой на поселении Малоюлдашево I в целом достаточно фрагментарны.

Изделия из костей животных

На поселении достаточно широко представлены изделия из кости. В целом костяной инвентарь поселения представлен следующими категориями:

1) *отходы производства*, т.е. фрагменты костей со следами различных видов механического воздействия (рис. 59)¹;

2) *заготовки тупиков* из челюстей КРС (рис. 61), сосредоточенные, что характерно, в пределах одного участка XV;

3) *тупики* и фрагменты таковых, изготовленные из челюстей КРС либо заготовки изделий (рис. 63);

4) *струги* и другие орудия из ребер лошади (рис. 64, 66);

5) *изделия из лопаток КРС* (рис. 68);

6) *изделия из таранных костей МРС и КРС* (так называемые «астргалы»), а также единичные изделия из фаланг и позвонков животных (рис. 70);

7) единичная находка «*пряслица*» из бедренной кости лошади (рис. 70, б);

8) фрагмент *псалия*, относящегося к эпохе финальной бронзы (рис. 71);

9) к костяным изделиям также можно причислить *клыки* диких животных (рис. 72).

Среди уникальных находок из кости на поселении – костяной гарпун и изделие из рога оленя. *Гарпун* найден в квадрате № 1 на штыке № 7 (–188 см от 0). Он изготовлен из фрагмента трубчатой кости животного, длиной 22 см, в сечении (максимально) 1,5 см, с шипом на конце (еще один шип был обломан) и крестообразной рукоятью (рис. 73). Изделие из рога оленя (предположительно, *муфта*) (рис. 75) имеет Г-образную форму, частично обломано, сохранилось плохо. Длина орудия – 15 см, ширина рабочей части – 4,2 см, ширина обуха – 8 см, толщина

¹ Рисунки изделий из кости размещены в главе 3, содержащей подробный анализ этой составляющей археологической коллекции поселения Малоюлдашево I.

изделия – 3,5 см. В срединной части изделия прорезано почти прямоугольное отверстие для рукояти шириной 2,5 см.

Поскольку костяной инвентарь по своей численности и информативности является наиболее значимой категорией инвентаря после керамической коллекции, в разделах 3.1 и 3.2 настоящей монографии сделан подробный анализ костяной индустрии Малоюлдашево I, с точки зрения палеозоологии и трасологии, благодаря чему выстроена цельная картина использования кости обитателями поселения.

Глава 3 РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИАЛОВ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛОЮЛДАШЕВО I

3.1 Археозоологические материалы

В процессе раскопок поселения Малоюлдашево I было собрано 6,5 тысячи фрагментов костей животных. На поселении раскопана площадь около 760 кв.м. Средняя насыщенность слоя поселения костями – 8,5 кости на 1 кв.м. Мощность культурного слоя варьировала от 55 до 70 см. Он разбирался по условным пластам (штыкам) толщиной в 0,1 м. Кости получены при разборе культурного слоя, трех ям, заполнения трех сосудов и погребения, расположенного на территории поселения. Внутри изучаемой коллекции кости объединены в выборки в соответствии с глубиной их залегания. Кости из ям, сосудов и погребения рассмотрены отдельно.

На территории поселения выявлено сооружение 1, которое представляет собой каменную кладку подпрямоугольной формы, сложенную из обработанных камней разной формы и размеров. По мнению археологов, сооружение относится к эпохе поздней бронзы. Внутри сооружения встречались кости животных, но в силу разных причин они не были выделены археологами в отдельную выборку и рассматриваются нами в рамках всего памятника. Внутри сооружения отмечено сосредоточение нескольких каменных конструкций, в одной из которых находилась яма 1 диаметром около 7,0 м, переходящая в колодец или глубокий очаг. Остальные две ямы находились вне сооружения 1. Яма 2 имела размеры 5,0×6,0 м. Помимо фрагментов керамики и костей животных, в ней находились развалы 7 сосудов. В яме присутствуют следы горения в виде кальцинированных костей и углей. Яма 3 достигала размеров 9,0×7,5 м. В ней также встречены кости животных, фрагменты керамики, неолитические кремневые орудия, угли и шлаки. В южной части поселения выявлено погребение, сопровождающееся жертвенным комплексом с костями животных. Время сооружения погребения археологи относят к началу позднего бронзового века (XX – XVIII вв. до н. э).

Поселение Малоюлдашево I является многослойным памятником. Керамический материал отнесен археологами к эпохам неолита – финальной бронзы. Наиболее многочисленной является керамика срубной культуры, сосуды которой составляют 55,7% от общего количества сосудов. Сосуды эпохи неолита представлены 7,4%, среднего бронзового века – 7,1%, раннего этапа срубной культуры – 13,0%, срубно-алакульские – 15,5%; керамика финальной бронзы – 1,3%. Точное культурное и хронологическое разделение остеологических материалов невозможно, поэтому результаты их изучения будут иметь общий характер и

отражать лишь основные черты экономики поселения, главным образом, в эпоху поздней бронзы.

Обработка археозоологического материала была проведена по методической схеме, принятой в лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН (Антипина, 2003; 2004), обязательными этапами которой являются:

- оценка естественной сохранности костей (по пятибалльной шкале) и степени их искусственной раздробленности (по индексу фрагментарности – число остатков в стандартном объеме 1 куб. дм);

- фиксация следов искусственного воздействия на костях – надрубов, порезов, следов зубов грызунов, хищников, следов огня, обработки и т.п.;

- идентификация таксономической принадлежности костей до видового уровня;

- определение половозрастных, размерных и индивидуальных, в том числе и патологических, особенностей животных.

Основные характеристики остеологических материалов

Естественная сохранность большинства костей животных, собранных на поселении, хорошая и удовлетворительная, реже – неудовлетворительная, она оценивается соответственно в 3–4 или 2 балла (по пятибалльной шкале). Среднее значение индекса искусственной раздробленности – 17,5 фрагментов на 1 куб. дм (*табл. 10*). Оно не выходит за рамки обычного кухонного расчленения костей от крупных животных, которое варьирует от 10 до 30 фрагментов на 1 куб. дм (Антипина, 2004, с. 183).

На 30,6% всех фрагментов обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы разделки туши в виде разрубов, порезов острым лезвием и так называемого кухонного дробления (62,5%). Довольно многочисленны следы воздействия открытого огня (17,6%) и следы от зубов животных (18,5%) (*табл. 11*). Наиболее часто встречаются погрызы собак. На нескольких костях зафиксированы погрызы коров или быков (*прил. Ж, рис. Ж1*). Это случается, когда копытные испытывают недостаток минеральных веществ. Следы искусственного воздействия зафиксированы на костях практически всех видов животных, присутствующих в коллекции.

Приведенные характеристики остеологической коллекции позволяют сделать вывод о том, что основная ее часть является кухонными остатками. Кроме них, в коллекции присутствуют остатки «ритуальных» комплексов, кости со следами обработки, костяные изделия, костяные орудия и их заготовки. Все эти категории комплексов будут рассмотрены отдельно.

Таксономическая структура

До видового уровня определено 53,1% всех костей. Остеологическая коллекция из поселения Малоюлдашево I состоит из остатков млекопитающих, птиц и рыб. Помимо костей этих животных на поселении встречена 1 раковина моллюска. Кости млекопитающих составляют 99,9% всех костных материалов. Из них 98,7% принадлежит домашним видам и 1,3% – диким. Домашние виды

представлены костями крупного рогатого скота (далее – КРС) (*Bos taurus*), лошади (*Equus caballus*), мелкого рогатого скота (далее – МРС) (*Ovis/Capra*), свиньи (*Sus scrofa domestica*) и собаки (*Canis familiaris*). В коллекции из поселения Малоюлдашево I определены кости овцы и козы. Однако до видового уровня удалось идентифицировать только 87 костных фрагментов, что составляет малую часть (8,3%) от всех костей этих видов. Поэтому остатки овец и коз рассматриваются далее как одна таксономическая группа и обозначены как мелкий рогатый скот.

Несколько костей крупных полорогих по своим размерам могут быть отнесены как к домашним крупным быкам, так и к самкам тура. Существует также проблема отнесения костных остатков свиньи к домашней или дикой форме, которые морфологически отличаются только по черепу. Число таких костей незначительно, и при отнесении их к диким животным они не меняют соотношения домашних и диких видов в остеологическом спектре.

Все остатки лошадей из рассматриваемой коллекции отнесены к домашней форме. Такой вывод сделан на основании следующих фактов. Большая часть остеологической коллекции представлена домашними видами. Среди костей лошади имеется зуб от особи старше 25 лет, это возраст, до которого дикие особи в природе, как правило, не доживают. На фалангах лошади зафиксировано патологическое окостенение боковых связок (*прил. Ж, рис. Ж1*), которое находит аналогию с патологическими изменениями на костях дистальных частей конечностей у тяглового скота, характерное для рабочих животных (Bartosiewicz, Neer, Lentacker, 1997, с. 35–55). В археозоологических исследованиях множественные остеофиты в местах прикрепления боковых связок на фалангах лошадей считаются маркером их рабочего и, следовательно, домашнего статуса (Антипина, 2013, с. 147). На одной из пястных костей лошади имеются следы «накостника», патологического образования в виде костной мозоли и прирастания грифельных костей, которое является результатом травм, полученных при задевании задним копытом передней конечности. Наличие «накостника» также можно связать с перевозкой лошадьми тяжестей (Антипина, 2008а, с. 255–256) (*прил. Ж, рис. Ж3*).

В остеологическом спектре домашних копытных на поселении Малоюлдашево I доминируют кости КРС – 52,4%, около трети составляют кости МРС – 30,7%, кости лошади не превышают 12,6%, а кости свиньи – 4,3%. Разрозненные кости собак, как и на многих поселениях эпохи поздней бронзы, представлены долями процента (*табл. 13*).

К диким животным отнесены виды охотничьих млекопитающих, а также все немногочисленные кости птиц и рыб (*табл. 12, 14*). Среди охотничьих видов в коллекции присутствуют: лось (*Alces alces*), косуля (*Capreolus sp.*), сайга (*Saiga tatarica*), кабан (*Sus scrofa ferus*), медведь (*Ursus arctos*), волк (*Canis lupus*), лисица (*Vulpes vulpes*), бобр (*Castor fiber*) и сурок (*Marmota sp.*). Поскольку количество костных остатков этих видов невелико, то их соотношение (osteологический спектр) не является достоверным и, соответственно, не рассчитывается в таблицах. Однако стоит подчеркнуть, что хотя кости сурка включены в группу охотничьих видов, его положение в ней весьма условно. Кости сурка как

активного норного животного могут попадать в культурный слой естественным путем уже после археологизации поселений, соответственно не имея отношения к хозяйственной деятельности человека.

Кости из ям и сосудов

Яма 1. КРС: коренной зуб – 1, ребра – 1 фрагмент¹, пястная – 1, астрагал – 2 целых. МРС: нижняя челюсть – 1, ребро – 3, берцовая – 1, лучевая – 1, локтевая – 1, бедренная – 2, плюсневая – 2. Лошадь: вторая фаланга – 1 целая. Свинья: череп – 1. Крупные млекопитающие – 5. Средние млекопитающие – 4. Неопределимые – 20.

Яма 2. КРС: череп – 2, подъязычная – 1, нижняя челюсть – 1, позвонок – 1, ребро – 1, лучевая – 1, берцовая – 1, тазовая – 1, астрагал – 1 целый, пяточная – 1 целая. МРС: череп – 8 (от 1 особи), нижняя челюсть – 2, зубы – 3 целых, первый и второй шейные позвонки – 2 целых, шейный позвонок – 1, ребра – 2, лучевая – 1 фрагмент и 1 целая, плечевая – 2, первая фаланга – 1, вторая фаланга – 1 целая. Лошадь: череп – 1, подъязычная – 1, бедренная – 1, пястная – 1 целая, мелкие кости запястья и заплюсны – 2. Свинья: плечевая – 1, вторая фаланга – 1 целая. Крупные млекопитающие – 10. Средние млекопитающие – 3. Неопределимые – 16.

Яма 3. КРС: череп – 5, зуб – 2, нижняя челюсть – 1, ребро – 3, шейный позвонок – 1 целый и 1 фрагмент, плечевая – 1, локтевая – 1, бедренная – 1, берцовая – 1, плюсневая – 1, пяточная – 2, третья фаланга – 1. МРС: череп – 1, верхняя челюсть – 2 целые, нижняя челюсть – 1, шейный позвонок – 1 целый, ребро – 1, лучевая – 1, локтевая – 1. Лошадь: зуб – 1 целый, ребро – 2, грифельная – 1. Свинья: метаподия – 1. Крупные млекопитающие – 23. Средние млекопитающие – 13.

Большая часть костей из ям представляют собой кухонные остатки, которые происходят от всех видов домашних копытных. В их состав входят зубы, фрагменты черепа, нижних челюстей, позвонков и ребер, проксимальных и дистальных частей конечностей, несущих на себе следы дробления и порезы острым лезвием. В заполнении ям находилось несколько целых костей. Помимо зубов, фаланг и подиальных костей, которые довольно часто остаются целыми при разделке туш, в яме 2 находились первый и второй шейные позвонки МРС от одной молодой особи, лучевая кость МРС, пястная кость лошади, в яме 3 – первый шейный позвонок КРС. Эти элементы скелетов в виде целых костей встречены и в культурном слое поселения вне ям. Единичность таких костей затрудняет их интерпретацию. Вероятнее всего, они также относятся к категории «кухонные остатки».

Немногочисленные фрагменты костей зафиксированы в заполнении сосудов, находившихся в ямах. В сосуде № 3 (яма 2) находились фрагменты 2 берцовых костей, 2 фрагмента от 1 ребра и подъязычная кость МРС, а также 2 неопределимых фрагмента трубчатых костей копытных крупного и среднего размерного класса. В заполнении сосуда № 5 обнаружены фрагмент плюсневой кости и

¹ Далее состояние целостности кости будет указываться только для целых костей, все остальные кости представлены во фрагментах.

ребра КРС. В сосуде № 6 найден зуб КРС. Кости из ям и сосудов включены в остеологический спектр домашних копытных, полученный для всей коллекции.

Таким образом, в изучаемой остеологической коллекции преобладают остатки домашних видов, среди которых доминируют кости КРС и МРС, что типично для поселений эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы (Цалкин, 1972в; Косинцев, 2003; Косинцев, Рослякова, 2002; Антипина, 2005). Далее будет представлен анализ полученной археозоологической информации только по видам домашних копытных, которые имели наибольшее хозяйственное значение.

Анатомический состав костей домашних копытных

В анатомической структуре остатков домашних копытных обнаружены все элементы скелета, среди которых главным образом преобладают зубы, ребра, череп и дистальные части конечностей (пястные и плюсневые кости, пяточные, астрагалы и фаланги) (*табл. 15*). Однако их вклад различен по видам. Среди костей свиньи многочисленны фрагменты нижней и верхней челюсти, плечевых и берцовых костей, что обусловлено их высокой прочностью. У МРС высока доля длинных трубчатых костей передних и задних конечностей. Наличие всех элементов скелета для всех домашних копытных в коллекции свидетельствует о том, что разделка туш производилась на поселении.

Среди элементов скелета КРС и МРС имеются фрагменты костяных стержней рогов. Для КРС это целый рог крупного размера и фрагмент черепа с основанием рога. Овце принадлежат 8 костяных стержней, козе – 13.

Возрастные показатели и индивидуальные особенности забитых на поселении домашних копытных

Возраст забитых на поселении Малоюлдашево I домашних животных определялся по состоянию зубной системы и степени стирания жевательной поверхности нижнечелюстных зубов по общепринятой методике (Grant, 1982). У трубчатых костей оценивалось состояние эпифизов (степень их прирастания к диафизу).

Возрастная структура КРС получена в результате изучения 63 зубов и 16 нижних челюстей, что является хотя и небольшой, но уже представительной выборкой. Телята от 1 до 8 месяцев жизни забивались редко, их доля среди забитых животных составляет всего 5%. Около 16% животных были забиты в возрасте от 8 мес. до 2,5 лет. Изъятие основной массы скота происходило в возрасте от 2,5 до 6 лет, когда они достигали и максимальных весовых показателей, и продуктивной эффективности. В этом возрасте было забито 66,5% всех животных с максимальной долей в интервале 3–4 года (*рис. 52*). Остатки животных старше 6 лет представлены всего 13 % (*рис. 52*). Подчеркнем, что в ситуации придомного содержания при этой схеме забоя должна была «съедаться» основная часть поголовья, способного приносить потомство, что, несомненно, губительно для устойчивого воспроизводства всего стада. По археозоологическим коллекциям придомная система содержания КРС на конкретном поселении может

обсуждаться, когда вклад особей старше 6 лет в схеме забоя составляет не менее 20% (Антипина, 2008б). Наши данные о соотношении возрастных групп малоюлдашевского скота, забитого на мясо, полностью соответствуют схемам забоя на других поселениях срубной культуры в регионе Южного Предуралья, что позволяет предполагать аналогичную отгонную систему разведения КРС (Антипина, 2004, 2005).

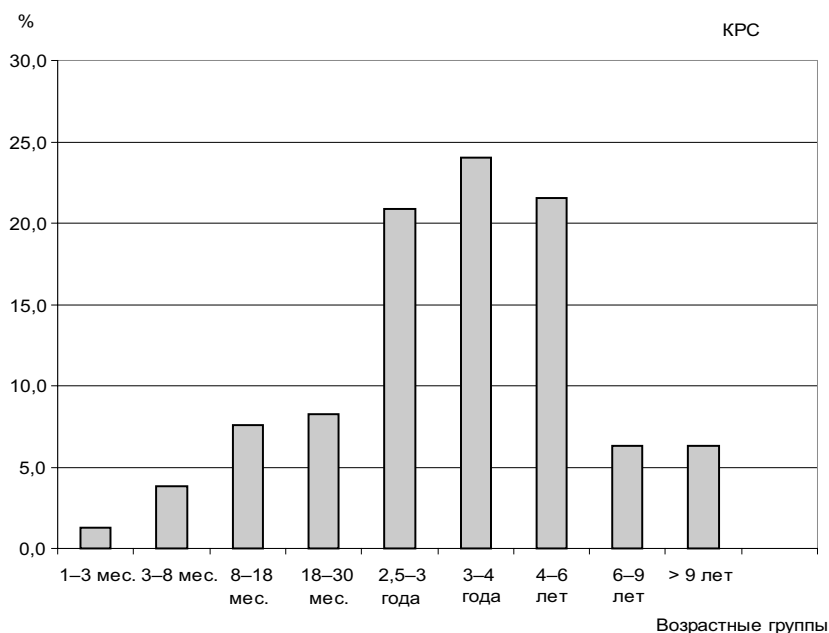

Рис. 52 – Возрастная структура коров и быков, забитых на поселении Малоюлдашево I

Несколько иную картину дает изучение 13 зубов и 50 челюстей МРС. Размеры выборки позволяют использовать ее для оценки возрастной структуры забитых особей. Большую часть МРС (58,7%) съедали еще до достижения животными их максимального веса. Забой такого большого количества молодых животных привел бы к уничтожению маточного стада при его придомном содержании. Особи продуктивного возраста (от 2 до 6 лет) представлены в кухонных остатках долей в 36,7 %, а старые животные составили всего лишь 5,0% (рис. 53). Такое соотношение возрастных групп съеденных на поселении овец и коз свидетельствует об использовании МРС прежде всего в качестве мясного ресурса и, возможно, для получения прижизненных продуктов (молока, шерсти). По всей видимости, для МРС также практиковалась отгонная система разведения.

Зубы лошади, обнаруженные на поселении, принадлежат одной особи моложе 9 месяцев, пяти особям в возрасте около 5 лет, трем особям – около 5–8 лет, одной особи – около 8 лет и одной старой особи старше 25 лет. По состоянию эпифизов трубчатых костей установлено, что 70% животных были забиты после 5 лет. Такая возрастная структура указывает на то, что на мясо забивались, по-видимому, выбракованные рабочие лошади.

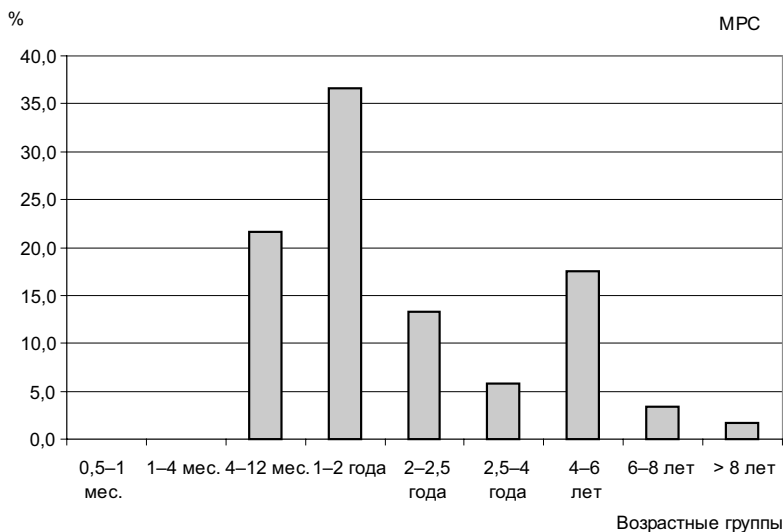

Рис. 53 – Возрастная структура овец и коз, забитых на поселении Малоюлдашево I

Для изучения возрастной структуры забитых домашних свиней на поселении мы располагаем 4 зубами и 14 нижними челюстями. Такую выборку нельзя считать репрезентативной. Однако стоит подчеркнуть, что в коллекции не встречено зубов свиней от особей старше 3–4 лет (рис. 54). Среди остальных костей примерно четверть принадлежала молодым особям, остальные полувзрослым и взрослым животным (36% и 39% соответственно).

Таким образом, на поселении Малоюлдашево I, вероятно, могла содержаться для мясного потребления лишь некоторая часть поголовья КРС и МРС, а также свиньи. Не исключено, что поселение было сезонным.

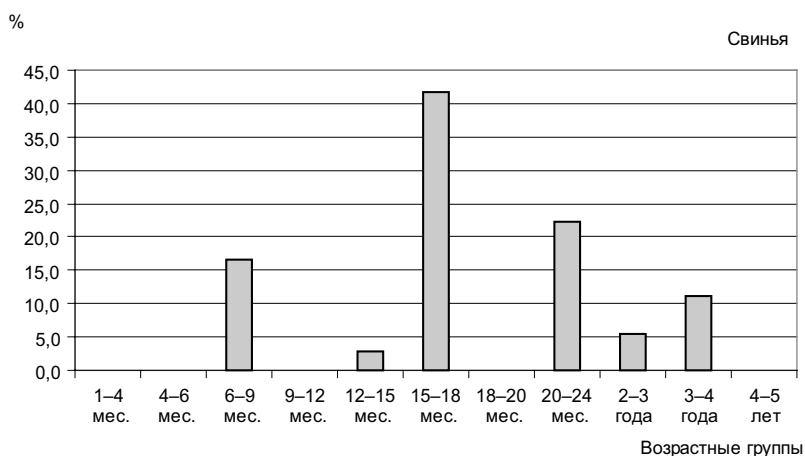

Рис. 54 – Условная возрастная структура свиньи, забитой на поселении Малоюлдашево I

Размеры взрослых домашних животных реконструировались на основе промеров наиболее многочисленных костей (фаланг, таранных костей). Размеры остальных костей приведены в таблице 10, а единичных костей – в тексте. При отсутствии пригодных для измерения костей размеры животных определялись на качественном уровне (мелкое, среднее, крупное).

Промеры на костях КРС и МРС выполнены по методике А. Дриш (Driesch, 1976). Кости лошади измерялись по методике В. Эйзенманн с соавторами (Eisenmann, etc., 1988). На первых фалангах КРС, овцы и козы максимальная длина по латеральной стороне (GLpe) измерялась одинаково на передних и задних фалангах (Driesch, 1976. P.96, fig.45d). Кроме этого, на всех фалангах измерялась сагиттальная длина (LA) по методике В. Эйзенманн с соавторами (Eisenmann etc., 1988, fig. 27).

Размеры взрослых особей КРС на поселении Малоюлдашево I оценивались по размерам первых фаланг (рис. 55). Сравнение длины фаланг с поселения Малоюлдашево I с аналогичными данными из других поселений позднего бронзового века Южного Средневожья (неопубликованные промеры Н.В. Росляковой и В.В. Гасилина) и Восточной Европы (Цалкин, 1972а; 1972б) показало, что они идентичны этим костям как у скота в рамках Южного Средневожья (рис. 55), так и у популяций КРС Восточной Европы (табл. 16). Наблюдаемый меньший размах изменчивости длины фаланг у малоюлдашевского скота связан с небольшим числом этих костей, пригодных для измерения.

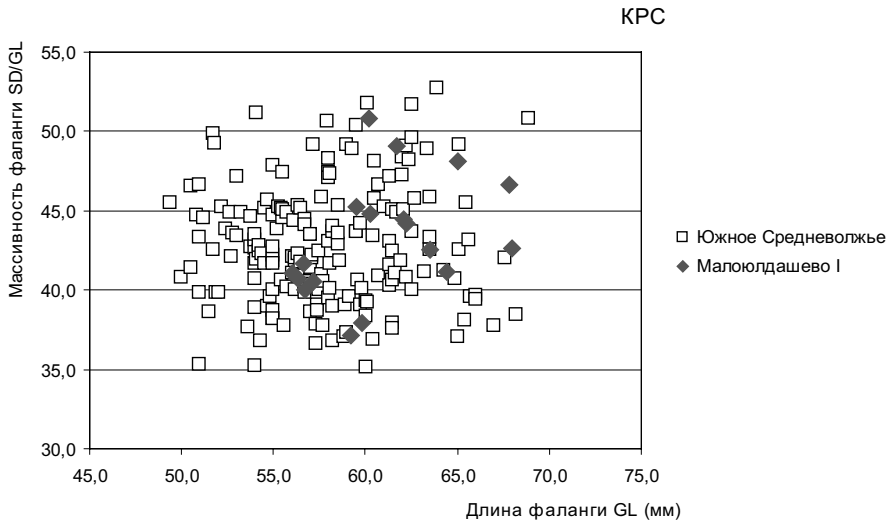

Рис. 55 – Размеры и пропорции первой фаланги КРС из поселения Малоюлдашево I и памятников позднего бронзового века Южного Средневожья

Некоторые кости КРС по своим размерам достигают нижней границы изменчивости, известной для тура (*Bos primigenius*), однако отличаются от последнего меньшей массивностью. Все эти кости принадлежат крупным быкам. Высота одного из таких быков, вычисленная по длине пястной кости, составляла около

142 см. Размеры пястной кости (мм): длина – 228,0; ширина/поперечник верхнего конца – 72,7/46,5; шир./поп. диафиза – 41,5/30,2; шир./поп. нижнего конца – 77,1/38,8; индекс массивности кости – 18,2%. Для вычисления роста животного длина кости умножалась на индекс 6,24, предложенный В.И. Цалкиным (Цалкин, 1960, с. 119).

Лошади на поселении Малоюлдашево I, судя по пропорциям первых фаланг I (рис. 56), также полностью соответствовали размерным показателям этих животных из поселений позднего бронзового века Южного Средневолжья и Восточной Европы (табл. 17). Для трех животных была вычислена высота в холке по длине их пястных костей по таблице, взятой из работы В.О. Витта (Витт, 1952, с. 172–173), она составляла 136–144 см, что соответствует средним по росту лошадям.

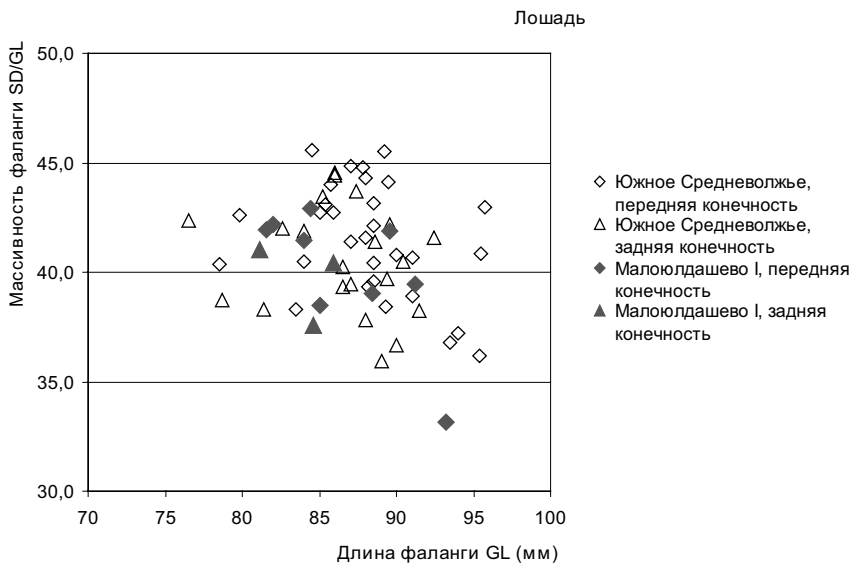

Рис. 56 – Размеры и пропорции первой фаланги лошади из поселения Малоюлдашево I и памятников позднего бронзового века Южного Средневолжья

Размеры костей МРС на изучаемом поселении также показывают сходство с размерами аналогичных костей скота из других памятников позднего бронзового века Южного Средневолжья (рис. 57, табл. 18). При этом, как и на других поселениях эпохи поздней бронзы, размеры коз были мельче, чем овец. Размеры костей козы (мм): ширина проксимального конца пястной кости: 23,0 и 23,8; ширина проксимального конца плюсневой кости – 22,1; 22,5; 23,1; ширина дистального конца берцовой кости – 27,8; ширина дистального конца плечевой кости – 30,5 и 32,1; поперечник дистального конца плечевой кости – 27,0 и 27,3; ширина проксимального конца лучевой кости: 27,8; 31,4. Размеры костей овцы (мм): длина лучевой кости – 176,2 и 177,6; ширина проксимального конца лучевой кости – 34,7; 36,1; 37,9; ширина дистального конца лучевой кости – 32,5; 34,4.

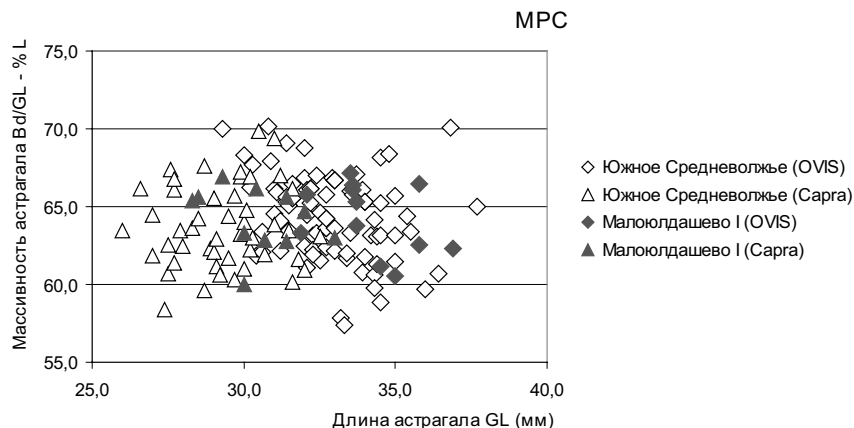

Рис. 57 – Размеры и пропорции таранной кости овец и коз из поселения Малоюлдашево I и памятников позднего бронзового века Южного Средневожья

Рост животных в холке, высчитанный путем умножения длины пястной кости на коэффициент 4,89 (Teichert, 1969), составлял у козы 50,4, а у овец 63,4 и 70,9 см.

Число пригодных для промеров костей свиньи на памятнике оказалось незначительным. Поэтому размеры свиньи удалось оценить лишь на качественном уровне. Большинство фрагментов костей свиньи можно охарактеризовать как средние, а треть всех остатков происходит от крупных животных (табл. 19). Промеры костей не включены в таблицу ввиду их немногочисленности, их размеры приведем в тексте. Астргалы: длина – 47,4 и 48,6; ширина нижнего конца – 26,5 и 28,2. Плечевая: ширина нижнего конца – 49,6; поперечник нижнего конца – 50,0. Зуб М3/ верхний: длина – 31,9; ширина – 20,2. Зуб М3 нижний: длина – 24,0; 38,6; ширина – 15,5; 16,5 соответственно. Нижняя челюсть: длина ряда премоляров – 37,6; 44,0. Промеры астрагалов оказались идентичными этим костям из поселений эпохи поздней бронзы Южного Средневожья (рис. 58). Среди костей свиньи есть челюсти самок (2 экз.) и самцов (3 экз.). Для остальных имеющихся костей этот параметр неопределим.

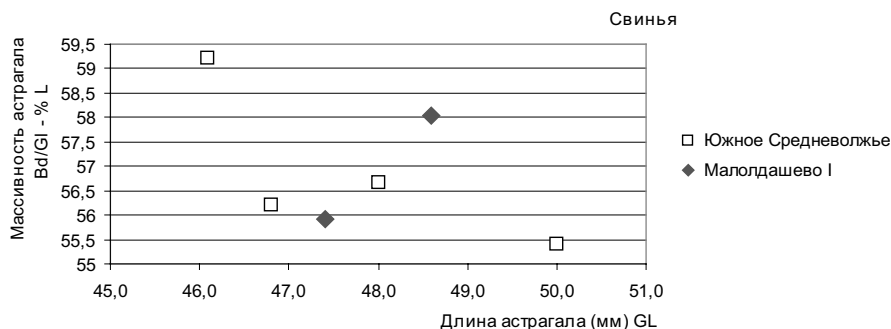

Рис. 58 – Размеры и пропорции таранной кости свиньи из поселения Малоюлдашево I и памятников позднего бронзового века Южного Средневожья

На 7 костях малоюлдашевского скота зафиксированы патологические изменения. На первой и второй бычьих фалангах имеется патологическое разрастание костной ткани (*прил. Ж, рис. Ж4*). На пястной кости лошади, как уже указывалось выше, имеется «накостник», на верхнем конце плюсневой кости и фалангах – патологические изменения костной ткани (*прил. Ж, рис. Ж3*). Одной из причин появления таких изменений на костях является использование животных в качестве рабочей, чаще всего тягловой, силы. На челюсти МРС имеются следы воспалительного процесса и неправильного стачивания жевательной поверхности зубов (*прил. Ж, рис. Ж5*), которые могут быть связаны с кормлением животного грубым (веточным) кормом.

Остеологический спектр сельскохозяйственных животных и относительные объемы потребления их мяса

Полученные данные о размерах забитых животных позволяют оценить их средний вес. Вес туши коровы или быка в среднем мог составлять 300–350 кг, взрослая лошадь весила, по-видимому, около 300 кг, средний вес овец и коз можно оценить в 50–60 кг, а свиньи – около 60–70 кг. Исходя из этих цифр, можно рассчитать относительные объемы потребления мяса разных видов жителями поселения Малоюлдашево I (*табл. 20*). В мясном рационе жителей поселения преобладала говядина (76,4%), значительно меньше употребляли конину (15,5%), мясо овец и коз употребляли в два раза реже (6,9%), чем конину, а доля свинины была минимальной (1,2%). Речь в данном случае идет именно о доле, а не о килограммах мяса того или иного вида животного в мясном рационе жителей поселения.

Преобладание в остеологической коллекции из поселения Малоюлдашево I остатков домашних видов и доминирование среди них костей КРС указывает на ее сходство с другими коллекциями из поселений эпохи поздней бронзы на территории степи и лесостепи Восточной Европы. Среди остатков домашних копытных кости МРС преобладают над костями лошади, что характерно для памятников, расположенных в восточной части степной зоны Приуралья (Антипина, Моралес, 2005, с. 37). Возраст забитых на поселении Малоюлдашево I домашних животных и реконструируемые для них размеры тела также близки к характеристикам домашних животных на других памятниках. Как и для других поселений позднего бронзового века Восточной Европы, на изучаемом памятнике реконструируется отгонная форма содержания скота. Для разных видов животных установлены разные направления их эксплуатации. Крупный рогатый скот был для жителей поселения основным источником мяса. Забой значительного количества взрослых особей, преимущественно в возрасте 3–6 лет, когда молочная продуктивность коров максимальна, исключает наличие развитого молочного направления в эксплуатации этого вида. Наличие костей взрослых быков в коллекции и патологические изменения на бычьих фалангах позволяют говорить о том, что быков использовали как тягловых животных. Конина являлась значительным вкладом в мясной рацион населения поселка. Получение мяса преимущественно от взрослых особей свидетельствует о существовании важной

прижизненной формы эксплуатации лошади – использовании её мускульной силы. Минимальные объемы потребления мяса мелкого рогатого скота, причем, как правило, от молодых и старых животных, указывают на вероятность использования прижизненной продукции этих животных (шерсти, молока). Свинью содержали только для получения мяса.

«Ритуальные комплексы» и другие некухонные остатки

1. Квадрат 94, штык 9. Полный скелет новорожденного теленка. Скелет находился в одном квадрате с южной частью ямы 1. К сожалению, кости теленка не были зафиксированы в полевой документации и их местоположение остается неясным.

2. Квадрат 69, штык 2. Полный скелет новорожденного теленка. Сохранность костей скелета отличается от сохранности других костей в раскопе, что может быть обусловлено молодым возрастом животного или его погребением в более позднее время.

Остатки целых туш животных и/или их крупных частей, найденные на поселениях, обычно рассматривают в качестве жертвенников. Такие комплексы известны на поселениях эпохи поздней бронзы (Горбов, Мимоход, 1999; Косинцев, 2000, с. 28).

Костяные орудия, костяные изделия и обработанные кости

На поселении Малоюлдашево I обнаружены костяные орудия и изделия, кости со следами обработки (*рис. 59–76*), данные по которым отражены в *таблице 21*.

Большинство орудий изготовлено из нижних челюстей КРС и ребер лошади. Эта группа орудий представлена так называемыми «тупиками» и «стругами». Выделена группа костей, являющихся заготовками для таких орудий. На поселении найдены «игральные кости»: астрагалы овцы, козы и КРС со следами стертости и лощения. Такие находки часто встречаются в погребениях и на поселениях срубной культуры. Еще одно костяное изделие представляет собой «пряслице», изготовленное из головки бедренной кости лошади.

Жертвенный комплекс из погребения, расположенного на территории поселения Малоюлдашево I

В погребении между костяками людей находился жертвенный комплекс, состоящий из костей овец, КРС и свиньи. Кости овец представлены остатками пяти черепов с нижними челюстями, первым и вторым шейными позвонками, 4 пястными костями (2 правые, 2 левые), 7 плюсневых костями (3 правые, 4 левые), 13 первыми фалангами, 6 вторыми фалангами, 3 третьими фалангами, 3 костями заплюсны. Один череп комолый, три – рогатые. Маленькие размеры рогов на черепах и их отсутствие на одном из них позволяют говорить о том, что все черепа принадлежат самкам. На пястных и плюсневых костях одной особи имеются патологические изменения. На плюсневой кости другой особи фиксируются следы остеопороза. Размеры пястных костей представлены в *таблице 22*. КРС принадлежит левая пяточная кость (бугор кости не прирос), свинье – левый астрагал.

Реконструкция

Были положены головы и дистальные части четырёх передних и семи задних конечностей пяти овец. Причем общее количество конечностей меньше, чем должно было быть, если бы в комплекс положили передние и задние конечности от всех пяти особей. Не хватает, как минимум, костей шести передних и трех задних конечностей. По степени стертости жевательной поверхности зубов установлен возраст забитых особей: две овцы были принесены в жертву в возрасте 4–6 лет; одна – в 2,5–4 года; одна – в 2–2,5 года и одна – в 1–2 года. Размеры пястных костей представлены в *таблице 22*. Голова одной из овец была отрублена по второму шейному позвонку.

В погребение были также положены пяточная кость КРС от особи в возрасте около года и астрагал свиньи.

Подобные комплексы широко известны на территории лесостепного Поволжья в эпоху поздней бронзы (Рослякова, 2012).

Таблица 10 – Общая структура и стратиграфическое распределение археозоологических материалов на поселении Малоюлдашево I

Объекты раскопок	Общее число костей	Объем костей (куб. дм)	Индекс* фрагментарности костей	Оценка естественной сохранности (шкала 1–5)	Определимые до вида кости – доля (%)
Штык 1	341	25,1	13,6	3–4	55,7
Штык 2	488	23,3	20,9	2–3	44,5
Штык 3	625	33,2	18,8	2–4	48,2
Штык 4	739	36,0	20,5	2–3	49,0
Штык 5	682	43,0	15,9	2–3	54,1
Штык 6	570	32,4	17,6	2–3	54,4
Штык 7	691	39,7	17,4	3–4	48,2
Штык 8	712	33,2	21,4	2–4	56,7
Штык 9	753	45,6	16,5	3–4	59,4
Штык 10	533	37,2	14,3	3–4	61,2
Штык 11	127	10,8	11,8	3–4	56,7
Штык 12	51	5,6	9,1	3–4	62,7
Штык 13	67	1,0	67,0	3–4	38,8
Всего по культурному слою	6379	366,1	17,4	2–4	53,1
Яма 1	47	2	23,5	3–4	38,3
Яма 2	72	2,9	24,8	3–4	59,7
Яма 3	70	3,4	20,6	3–4	48,6
Сосуд № 3	6	0,2	30,0	3–4	66,7
Сосуд № 5	2	0,5	4,0	3–4	100,0
Сосуд № 6	1	0,02	50,0	3–4	100,0
По всем объектам	6577	375,1	17,5	3–4	53,1

* Индекс фрагментарности костей показывает число фрагментов в стандартной единице объема – куб. дм (общее число костей разделить на объем, который они занимают)

Таблица 11 – Распределение следов искусственного воздействия на костях животных в археозоологической коллекции поселения Малоюлдашево I

Характер искусственного воздействия	КРС	Лошадь	МРС	Свинья дом.	Собака	Собака или волк	Лось	Медведь	Сайга	Бобр	Неопределимые кости	Всего	
												костей со следами	%
Погрызы грызунами	17	1	3	1	-	-	-	-	-	-	2	24	1,2
Погрызы собаками	138	33	51	8	2	1	-	1	-	-	107	341	17,1
Погрызы коровой	3	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	5	0,3
Следы огня	61	26	23	10	1	-	-	-	-	2	228	351	17,6
Порезы металлическим лезвием	32	8	24	1	-	-	-	-	-	1	9	75	3,8
Разрубы	101	29	30	1	-	-	-	-	-	1	38	200	10,0
Разбивание	295	57	185	14	1	-	1	2	1	4	414	974	48,7
Следы обработки	6	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	8	0,4
Изделия из костей	7	8	6	-	-	-	-	-	-	-	1	22	1,1
Всего костей со следами	660	162	322	36	4	1	1	3	2	8	801	2000	100,0
Общее количество костей каждого вида в коллекции	1789	431	1048	147	13	1	3	5	3	14	3086	6540	
Частота встречаемости костей со следами (%)	36,9	37,6	30,7	24,5	30,8	100,0	33,3	60,0	66,7	57,1	26,0	30,6	

Таблица 12 – Таксономическая структура археозоологических материалов на поселении Малоюлдашево I

Объекты раскопок	Домашние виды	Домашние или дикие крупные полорогие	Домашняя свинья или кабан	Собака или волк	Охотничьи виды	Птицы	Рыбы	Неопределенные кости	Всего число костей
Штык 1	185	1	-	-	4	-	-	151	339
Штык 2	213	-	2	-	2	-	-	271	488
Штык 3	291	-	-	-	10	-	-	324	625
Штык 4	350	-	3	1	8	-	-	377	738
Штык 5	364	-	-	-	5	-	-	313	682
Штык 6	304	1	-	-	5	-	-	260	570
Штык 7	326	-	2	-	2	3	-	358	691
Штык 8	399	-	-	-	3	-	2	308	712
Штык 9	443	-	-	-	4	-	-	306	753
Штык 10	325	-	-	-	1	-	-	207	533
Штык 11	71	-	-	-	1	-	-	55	127
Штык 12	30	2	-	-	-	-	-	19	51
Штык 13	25	-	-	-	1	-	-	41	67
Всего по культурному слою	3326	4	7	1	46	3	2	2990	6379
Яма 1	18	-	-	-	-	-	-	29	47
Яма 2	43	-	-	-	-	-	-	29	72
Яма 3	34	-	-	-	-	-	-	36	70
Сосуд № 3	4	-	-	-	-	-	-	2	6
Сосуд № 5	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Сосуд № 6	1	-	-	-	-	-	-	-	1
По всем объектам число костей	3428	4	7	1	46	3	2	3086	6577
%	52,1	0,1	0,1	0,0	0,7	0,05	0,03	46,9	100

Таблица 13 – Видовой состав домашних животных и распределение их костей по стратиграфическим объектам на поселении Малоюлдашево I

Объекты раскопок	КРС	Лошадь	МРС	Свинья	Собака	Всего
Штык 1	106	23	51	5	-	185
Штык 2	137	31	40	4	1	213
Штык 3	151	42	76	19	3	291
Штык 4	187	43	99	20	1	350
Штык 5	171	47	122	24	-	364
Штык 6	170	37	83	11	3	304
Штык 7	154	47	113	12	-	326
Штык 8	200	43	147	8	1	399
Штык 9	214	46	164	15	4	443
Штык 10	193	36	77	19	-	325
Штык 11	33	12	21	5	-	71
Штык 12	17	9	3	1	-	30
Штык 13	16	4	5	-	-	25
Всего по культурному слою	1749	420	1001	143	13	3326
%	52,6	12,6	30,1	4,3	0,4	100,0
Яма 1	5	1	11	1	-	18
Яма 2	11	6	24	2	-	43
Яма 3	21	4	8	1	-	34
Сосуд № 3	-	-	4	-	-	4
Сосуд № 5	2	-	-	-	-	2
Сосуд № 6	1	-	-	-	-	1
По всем объектам	1789	431	1048	147	13	3428
%	52,2	12,6	30,6	4,3	0,4	100,0

Таблица 14 – Видовой состав охотничьих животных и распределение их костей по объектам на поселении Малоюлдашево I

Объекты раскопок	Кабан	Лось	Косуля	Сайга	Медведь	Волк	Лисица	Бобр	Сурок	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Штык 1	-	1	-	-	1	-	-	-	2	4
Штык 2	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2
Штык 3	1	2	1	2	-	-	-	4	-	10
Штык 4	-	-	-	-	1	1	-	3	3	8
Штык 5	-	-	-	-	1	2	1	1	-	5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Штык 6	1	-	-	-	1	-	1	2	-	5
Штык 7	-	-	-	-	-	-	-	2	-	2
Штык 8	-	-	-	-	-	-	-	1	2	3
Штык 9	-	-	-	1	-	2	1	-	-	4
Штык 10	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Штык 11	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Штык 12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0
Штык 13	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1
Всего по культур- ному слою	2	3	2	3	5	5	3	14	9	46

Таблица 15 – Анатомическая структура остатков домашних копытных (в %) на поселении Малоюлдашево I

Элементы скелета		КРС	Лошадь	МРС	Свинья дом.
Рог	COR	0,1		2,0	
Череп	CRA	9,1	6,7	3,0	6,8
Верхняя челюсть	MAX	2,1	0,2	2,8	14,3
Нижняя челюсть	MAN	5,1	6,5	9,2	24,5
Зубы	DEN	15,1	13,2	5,6	4,8
Позвонки	VER	3,4	1,9	3,1	2,7
Ребра	COS	15,0	10,0	9,8	0,0
Лопаточная кость	SCA	4,8	1,4	4,6	5,4
Плечевая	HUM	3,2	2,3	8,4	8,8
Лучевая	RAD	4,7	4,9	9,4	1,4
Локтевая	ULN	2,0	0,5	1,7	1,4
Тазовая	PEL	2,5	5,1	1,2	6,1
Бедренная	FEM	3,0	5,1	8,7	2,0
Кости голени	TIB+FIB	4,0	7,2	8,6	9,5
Пястные и плюсневые	MTP	10,5	13,7	14,0	3,4
Астрагал	AST	3,6	1,9	3,1	2,7
Пяточная	CAL	1,8	2,3	1,8	1,4
Мелкие кости конечностей	POD	2,4	6,5	0,7	0,0
Фаланги	Ph.I–III	7,6	10,7	2,3	4,8
Всего, %		100%	100%	100%	100%
Всего костей = 3415, среди них		1789	431	1048	147

Таблица 16 – Размеры (мм) первых фаланг КРС из поселения Малоюлдашево I, поселений позднего бронзового века Южного Средневожья и Восточной Европы

Длина фаланг	Характеристика ряда			
	n	Lim	M±m	σ
Малоюлдашево I	20	56,0–68,0	60,8±0,79	3,57
Южное Средневожье	185	49,4–68,9	57,8±0,30	4,1
Восточная Европа	811	52,0–74,0	63,24±0,16	4,70

Таблица 17 – Размеры (мм) первых фаланг лошади из поселения Малоюлдашево I, поселений позднего бронзового века Южного Средневожья и Восточной Европы

Памятники	Характеристика ряда			
	n	Lim	M±m	σ
	Передняя конечность			
Малоюлдашево I	9	81,6–93,2	86,6±1,20	4,14
Южное Средневожье	30	78,5–95,7	88,2±0,75	4,14
Восточная Европа	116	81–104	89,2±0,38	4,04
	Задняя конечность			
Малоюлдашево I	3	81,1–85,9	83,9±1,43	2,48
Южное Средневожье	21	76,5–92,4	86,5±0,88	4,06
Восточная Европа	77	78–99	85,9±0,45	3,96

Таблица 18 – Размеры (мм) таранных костей овец и коз из поселения Малоюлдашево I, поселений позднего бронзового века Южного Средневожья

	Характеристика ряда			
	n	Lim	M±m	σ
	Овца			
Малоюлдашево I	12	31,9–36,9	34,2±0,43	1,49
Южное Средневожье	85	29,3–37,7	32,9±0,17	1,6
	Коза			
Малоюлдашево I	11	28,3–33,0	30,5±0,43	1,44
Южное Средневожье	49	23,8–32,5	29,2±0,32	2,3

Таблица 19 – Размеры (мм) КРС, овцы и лошади из поселения Малоюлдашево I

Название промера	n	Lim	M±m	σ
КРС				
Длина М/З	8	34,3–38,3	36,6±0,52	1,5
Длина таранной кости наибольшая	35	61,6–75,0	67,3±0,56	3,3
Сагиттальная длина первой фаланги	29	47,7–63,8	53,8±0,84	4,5
Ширина дистального конца таранной кости	34	38,8–49,9	43,6±0,53	3,09
Длина второй фаланги	34	33,0–45,4	39,6±0,55	3,23
Ширина дистального конца плечевой кости	6	70,1–98,0	82,4	-
Ширина дистального конца берцовой кости	7	65,5–73,4	69,0	-
Ширина проксимального конца плюсневой кости	6	46,2–56,2	50,0	-
Ширина проксимального конца лучевой кости	5	89,1–92,2	90,2	-
Овца				
Длина первой фаланги	6	42,5–45,1	43,4	-
Сагиттальная длина первой фаланги	6	39,0–41,0	39,6	-
Ширина проксимального конца пястной кости	5	25,8–28,0	26,5	-
Ширина проксимального конца плюсневой кости	4	23,7–25,2	24,4	-
Ширина дистального конца берцовой кости	6	29,6–33,7	31,8	-
Ширина дистального конца плечевой кости	11	33,4–39,7	37,5±0,47	1,6
Поперечник дистального конца плечевой кости	11	29,3–33,8	32,3±0,43	1,4
Коза				
Длина первой фаланги	5	37,8–39,8	38,7	-
Сагиттальная длина первой фаланги	5	33,0–36,0	34,5	-
Ширина проксимального конца пястной кости	4	23,0–28,0	25,8	-
Лошадь				
Сагиттальная длина первой фаланги (передняя конечность)	8	74,4–83,2	78,3±1,13	3,2
Сагиттальная длина первой фаланги (задняя конечность)	3	73,5–74,7	75,1	-
Длина второй фаланги (передняя конечность)	8	45,3–52,8	49,6±0,94	2,7
Сагиттальная длина второй фаланги (передняя конечность)	6	33,0–41,2	38,7	-
Длина второй фаланги (задняя конечность)	4	50,3–52,7	51,8	-
Длина пястной кости	4	216,3–232,0	223,2	-
Ширина проксимального конца пястной кости	5	49,4–52,0	50,9	-
Ширина диафиза пястной кости	4	32,5–35,4	33,7	-
Ширина дистального конца пястной кости	6	47,2–52,3	49,8	-

Таблица 20 – Расчет относительного потребления мяса сельскохозяйственных животных на поселении Малоюлдашево I

КРС	Лошадь	МРС	Свинья
Остеологические спектры			
52,4	12,6	30,7	4,3
Кратность веса туш с/х животных по отношению к одной туши МРС			
6,5	5,5	1	1,2
Соотношение объемов мясных продуктов в условных единицах потребления			
340,6	69,3	30,7	5,16
Соотношение объемов мясных продуктов, %			
76,4	15,5	6,9	1,2

Таблица 21 – Костяные орудия, заготовки, изделия и кости со следами обработки из раскопок поселения Малоюлдашево I

Местонахождение	Наименование предмета	Вид животного	Элемент скелета	Следы
1	2	3	4	5
Орудия				
Уч. XI, кв.137а, шт. 5	Фрагмент струга	Лошадь	Фрагмент верхнего конца левого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен
Уч. VIII, кв. 104, шт. 8	Фрагмент струга	Лошадь	Фрагмент верхнего конца левого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен
Уч. VIII, кв. 106, шт. 8	Фрагмент струга	Лошадь	Фрагмент средней части левого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен
Уч. VIII, кв. 110, шт. 7	Фрагмент тупика	КРС	Фрагмент правой нижней челюсти	Заглаженность и лощение
Уч. XV, кв. 171, шт. 4	Струг	Лошадь	Средняя часть правого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен
Уч. III, кв. 37, шт. 5	Тупик	КРС	Фрагмент левой нижней челюсти	Заглаженность и лощение
Уч. III, кв. 39, шт. 3	Струг	Лошадь	Фрагмент правого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен
Уч. III, кв. 42, шт. 7	Костяное орудие	КРС	Правое ребро	Нижний край ребра сточен
Уч. III, кв. 39, шт. 7	Струг	Лошадь	Средняя часть правого ребра	Внутренний край кости сточен и залощен

Продолжение табл. 21

1	2	3	4	5
Уч. IV, кв. 52, шт. 1	Фрагмент струга	Крупное млекопитающее	Нижний конец левого ребра	Внутренняя поверхность кости залощена
Уч. IV, кв. 54, шт. 8	Фрагмент тупика	КРС	Фрагмент левой нижней челюсти	Внутренняя и нижняя поверхности кости залощены
Уч. IV, кв. 63, шт. 13	Костяное орудие	КРС	Нижний конец правого ребра	Нижний край ребра скруглен и сточен
Уч. I, кв. 15, шт. 3	Костяное орудие	КРС	Правая лопатка	Латеральный край лопатки сточен, гребень лопатки отбит, нижний край закруглен, сточен и заглажен
Заготовки орудий				
Уч. XV, кв. 168 б, шт. 6	Заготовка тупика	КРС	Фрагмент правой нижней челюсти	Полость челюсти вскрыта с внутренней стороны, вычищена, зубы частично удалены
Уч. XV, кв. 166, шт. 9	Заготовка тупика	КРС	Фрагмент правой нижней челюсти	Полость челюсти вскрыта с внутренней стороны и вычищена
Уч. XV, кв. 169, шт. 10	Заготовка тупика	КРС	Правая нижняя челюсть	Полость челюсти вскрыта с внутренней стороны
Уч. XV, кв. 168, шт. 8	Заготовка тупика	КРС	Левая нижняя челюсть	Полость челюсти вскрыта с внутренней стороны и вычищена
Уч. VIII, кв. 100, шт. 10	Заготовка для изготовления орудия	КРС	Левая лопатка	Гребень лопатки отбит
Костяные изделия				
Уч. VIII, кв. 110, шт. 5	Игральная кость	Овца	Правый астрагал	На передней и верхней поверхностях грани стерты и залощены
Уч. II, кв. 32, шт. 5	Игральная кость	Овца	Левый астрагал	На передней поверхности грани стерты и залощены, на задней поверхности вертикальный пропилен по центру кости

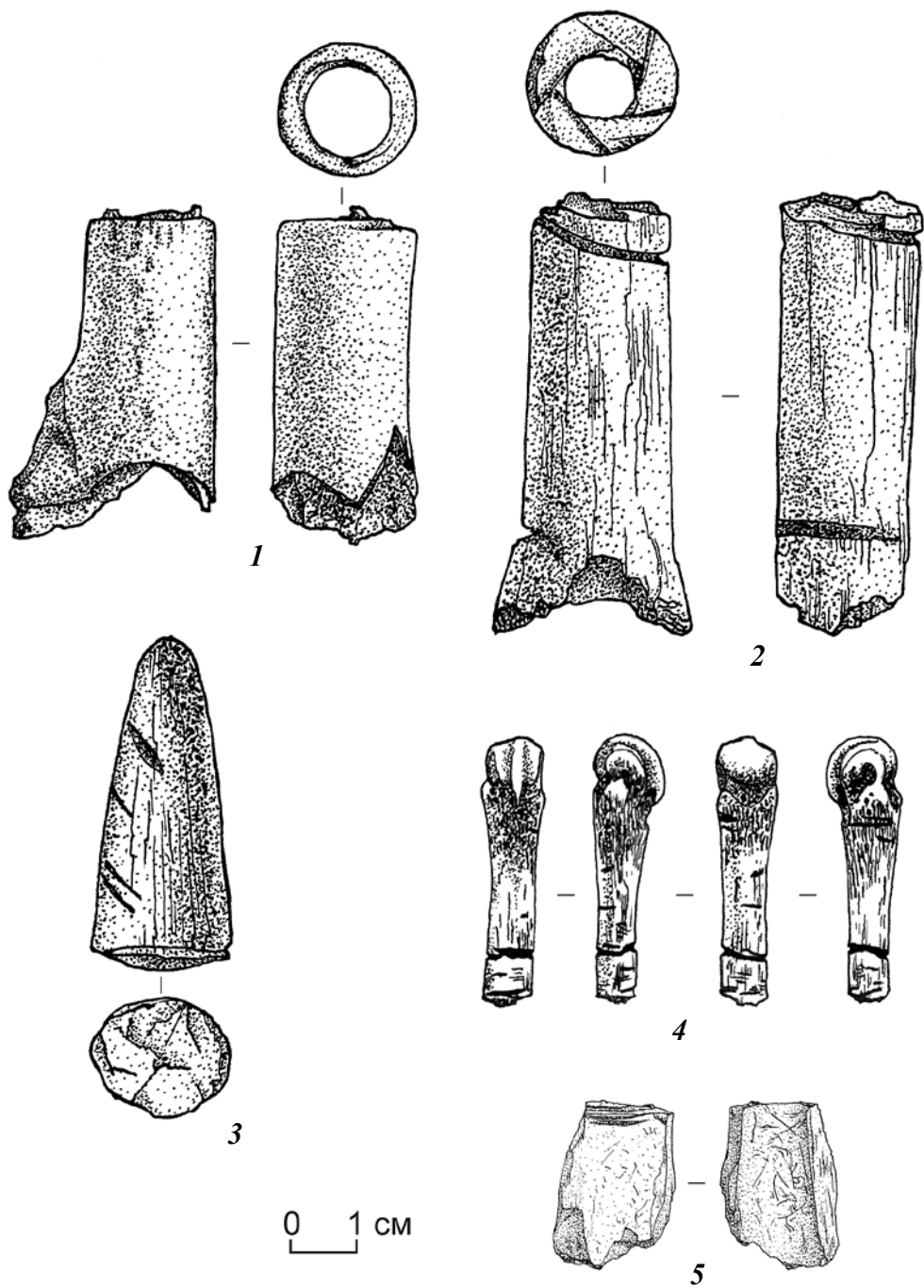
Продолжение табл. 21

1	2	3	4	5
Уч. X, кв. 133а, шт. 7	Игральная кость	Овца	Правый астрагал	На передней по- верхности грани стерты и залощены
Уч. VIII, кв. 112, шт. 9	Игральная кость	КРС	Левый астрагал	Боковые стороны астрала стерты
Уч. IX, кв. 129, шт. 9	Игральная кость	Овца	Правый астрагал	На задней поверх- ности кости след надруба, стертость и лощение
Уч. II, кв. 22, шт. 9	Игральная кость	Овца	Левый астрагал	На передней и верх- ней поверхностях грани стерты и за- лощены
Уч. VIII, кв. 101, шт. 5	Игральная кость	Коза	Правый астрагал	Задняя сторона ла- теральной поверх- ности кости сточена
Уч. IV, кв. 59, шт. 13	Пряслице	Лошадь	Головка левой бе- дренной кости	Спилы, сверление сквозного отверстия
Кость со следами обработки				
Уч. I, кв. 7, шт. 4	Кость (обработка)	КРС	Первая фаланга	В диафизе кости пробито сквозное отверстие
Уч. I, кв. 10, шт. 4	Кость (обработка)	Свинья	Фрагмент первого шейного позвонка	В крыле позвонка просверлено сквоз- ное отверстие
Уч. XII, кв. 151, шт. 4	Кость (обработка)	Лошадь	Нижний конец плюсневой кости	Пропил по окруж- ности диафиза
Уч. III, кв. 39, шт. 7	Кость (обработка)	Крупное мле- копитающее	Фрагмент длинной трубчатой кости	Надруб, пропилил, слом

Таблица 22 – Размеры пястных костей овцы из погребения на территории поселения Малоюлдашево I

Длина ма- ксимальная	Ширина верхнего конца	Попереч- ник верх- него конца	Ширина диафиза	Попереч- ник диа- физа	Ширина нижнего конца	Попереч- ник ниж- него конца	Рост в холке* (см)
148,9	27,2	19,3	14,0	12,2	29,1	19,4	73
160,6	27,9	20	15,5	12,0	29,0	19,8	79
150,2	25,2	18,4	14,7	11,4	28,4	16,7	73

* Рост в холке вычисляется умножением длины пясти на коэффициент – 4,89 (Teichert, 1969)

*Рис. 59 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные отходы производства
 1 – I-8-4; 2 – I-6-7; 3 – IV-57-9; 4 – VIII-105-8; 5 – III-39-7*

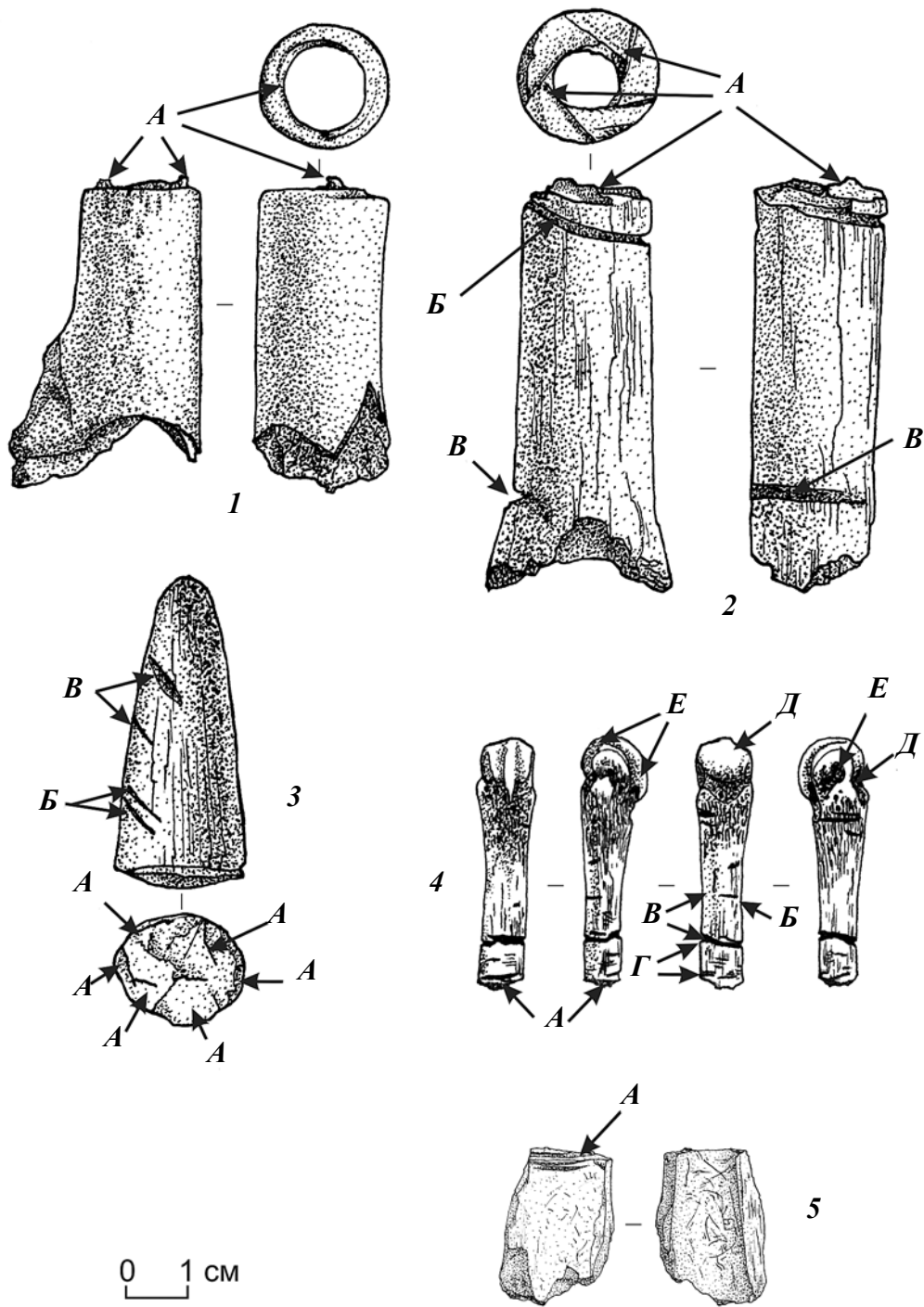
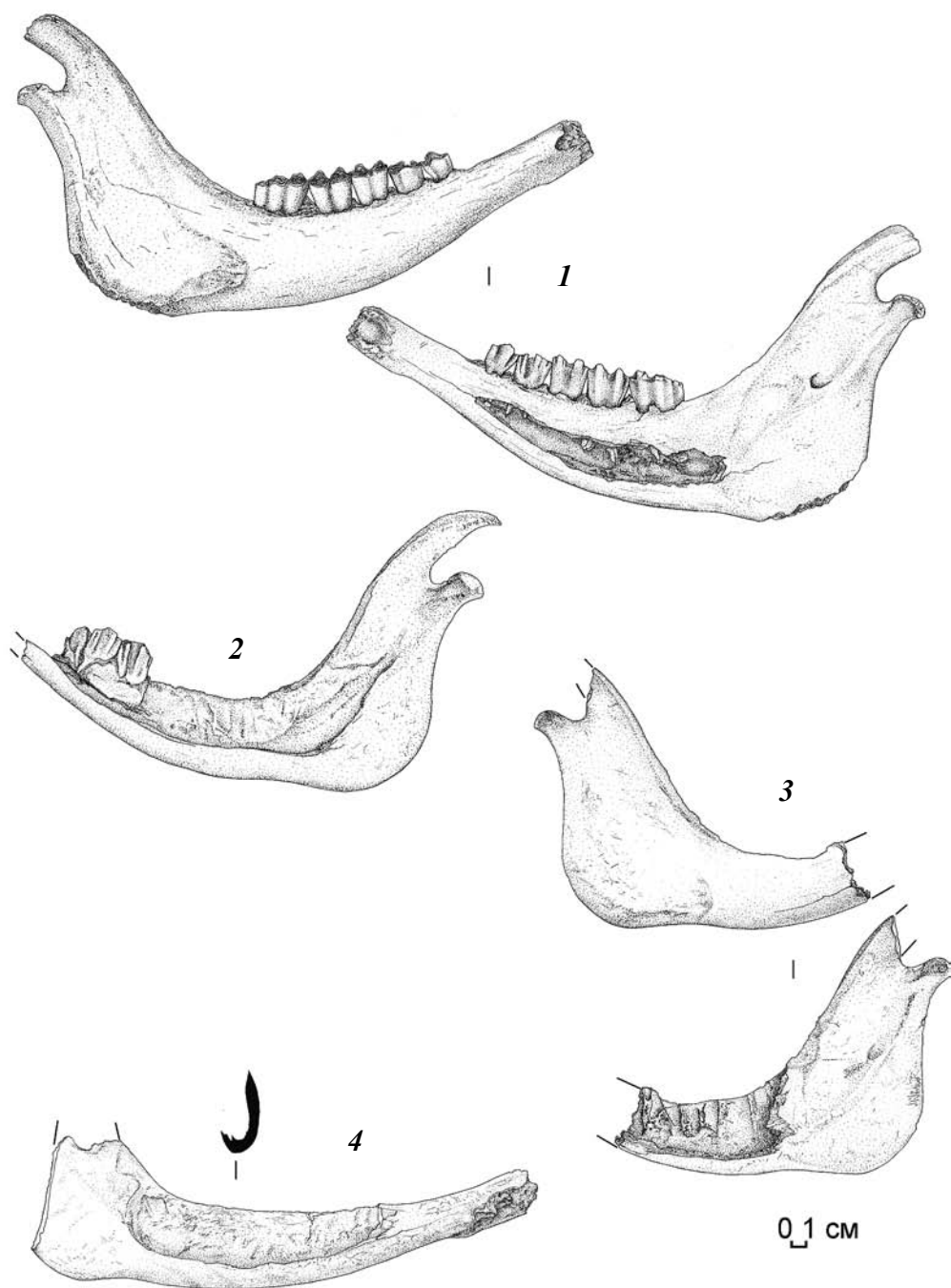

Рис. 60 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные отходы производства
 1 – I-8-4; 2 – I-6-7; 3 – IV-57-9; 4 – VIII-105-8; 5 – III-39-7

*Рис. 61 – Поселение Малоюлдашево I. Заготовки для костяных тупиков
 1 – XV-166-9; 2 – XV-1686-6; 3 – XV-169-10; 4 – XV-168-8*

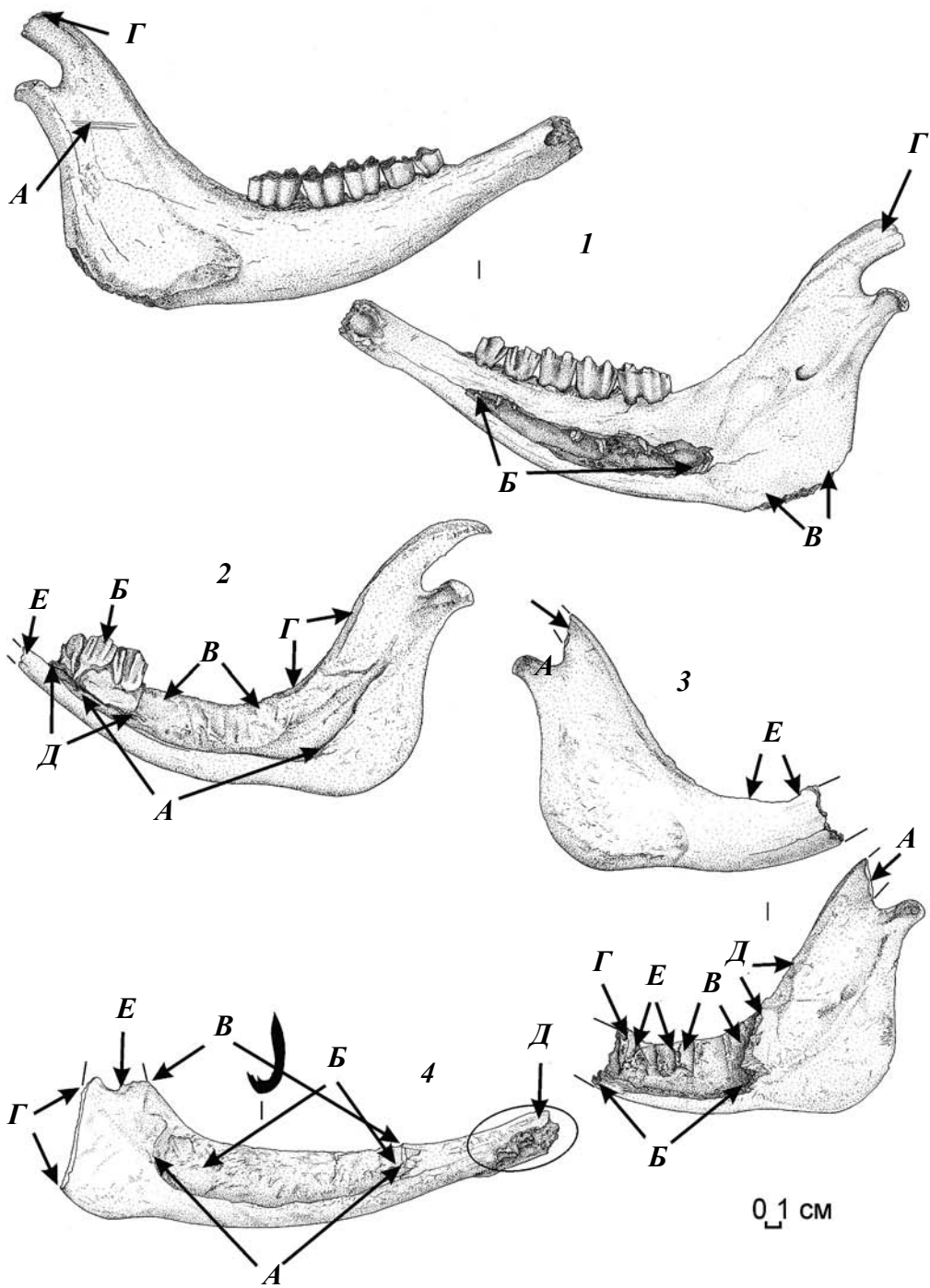

Рис. 62 – Поселение Малоюлдашево I. Заготовки для костяных тушиков
 1 – XV-166-9; 2 – XV-1685-6; 3 – XV-169-10; 4 – XV-168-8

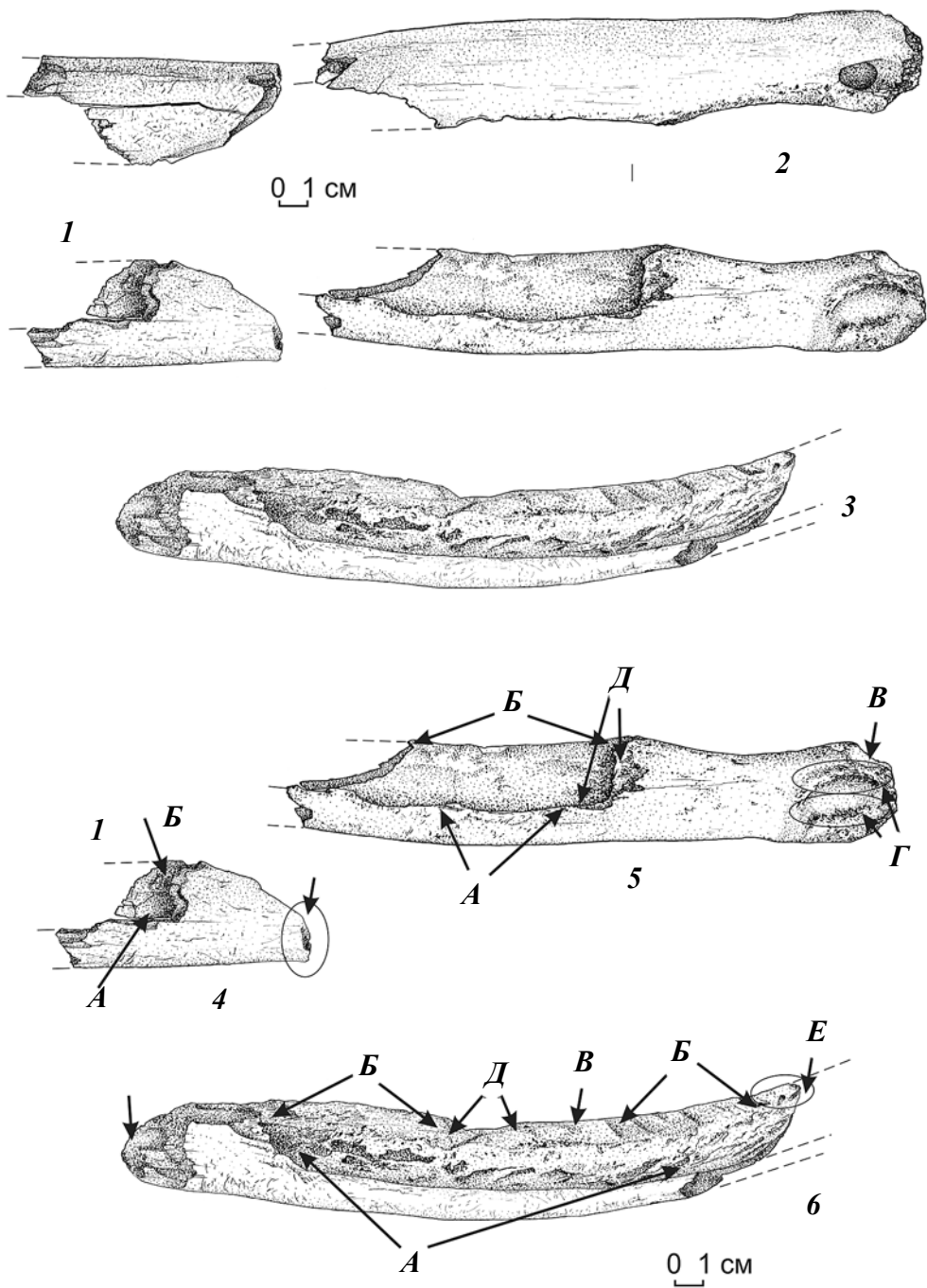

Рис. 63 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные тупики и их фрагменты
 1, 4 – IV-54-8; 2, 5 – III-37-5; 3, 6 – VIII-110-7

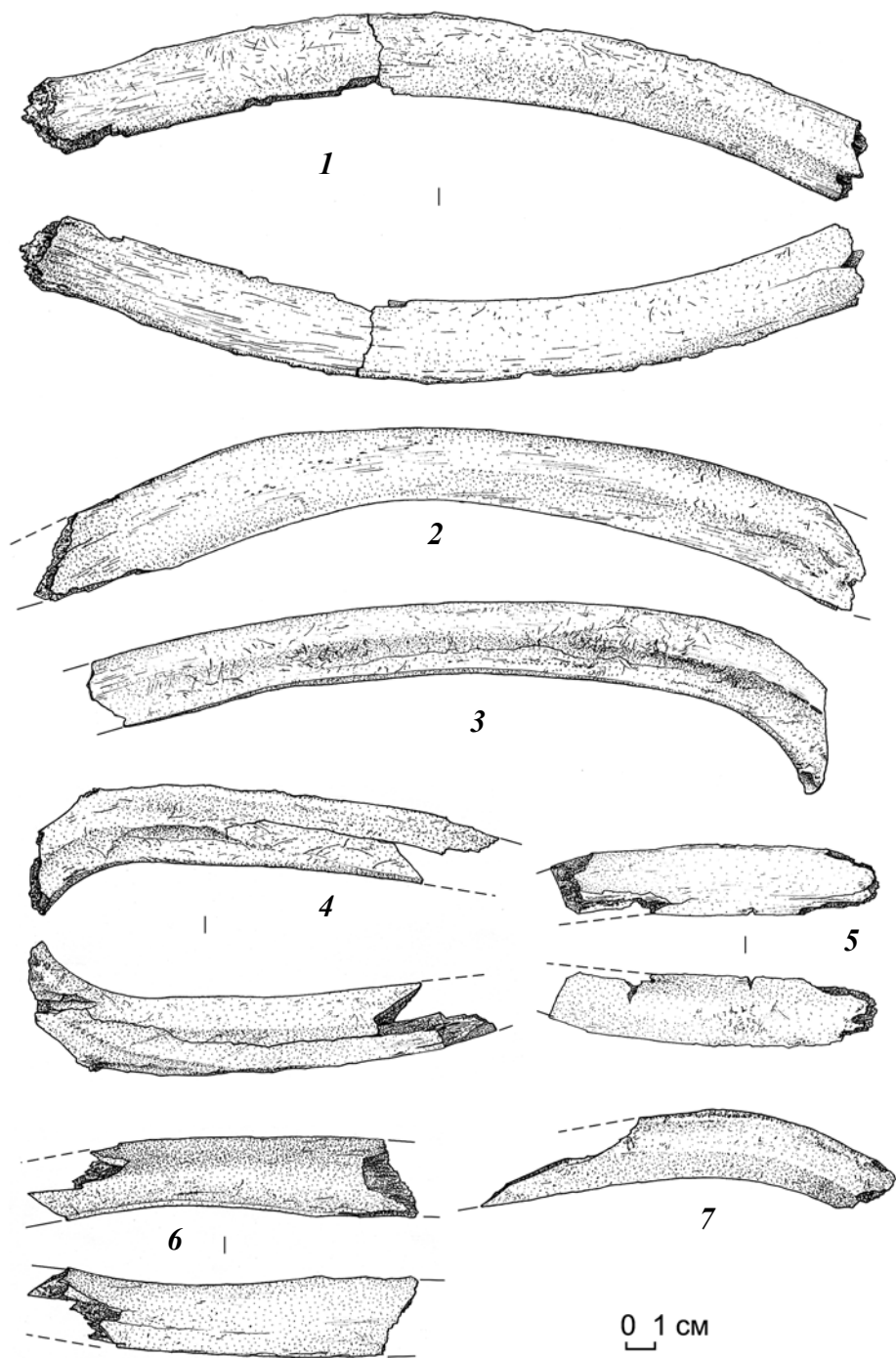

Рис. 64 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные стружки
 1 – III-39-7; 2 – III-39-3; 3 – XV-171-4; 4 – VIII-104-8; 5 – IV-52-1; 6 – VIII-106-8; 7 – XI-137a-5

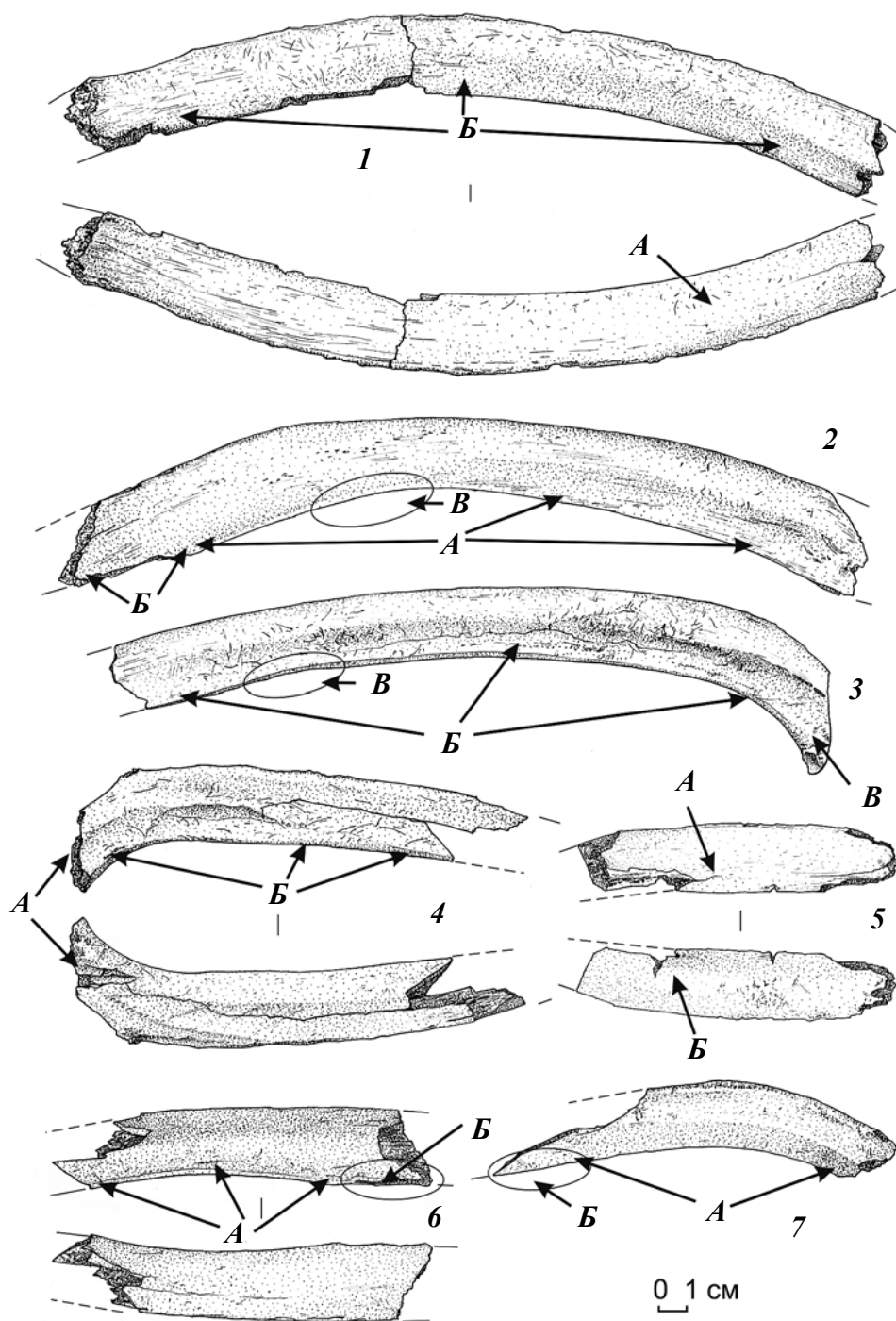

Рис. 65 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные струги

1 – III-39-7; 2 – III-39-3; 3 – XV-171-4; 4 – VIII-104-8; 5 – IV-52-1; 6 – VIII-106-8; 7 – XI-137a-5

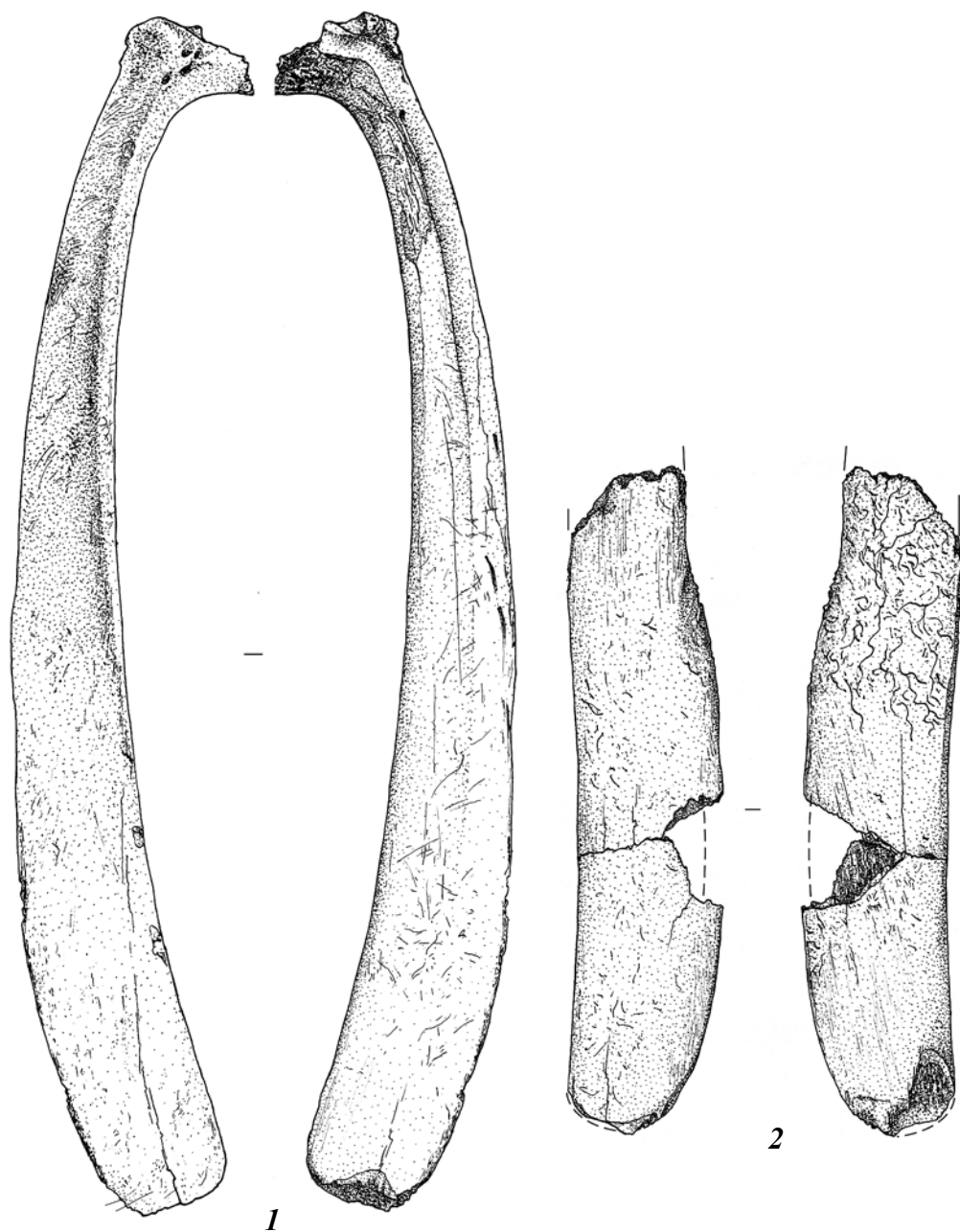

Рис. 66 – Поселение Малоюлдашево I. Орудия из ребер лошади
1 – III-42-7; 2 – IV-63-13

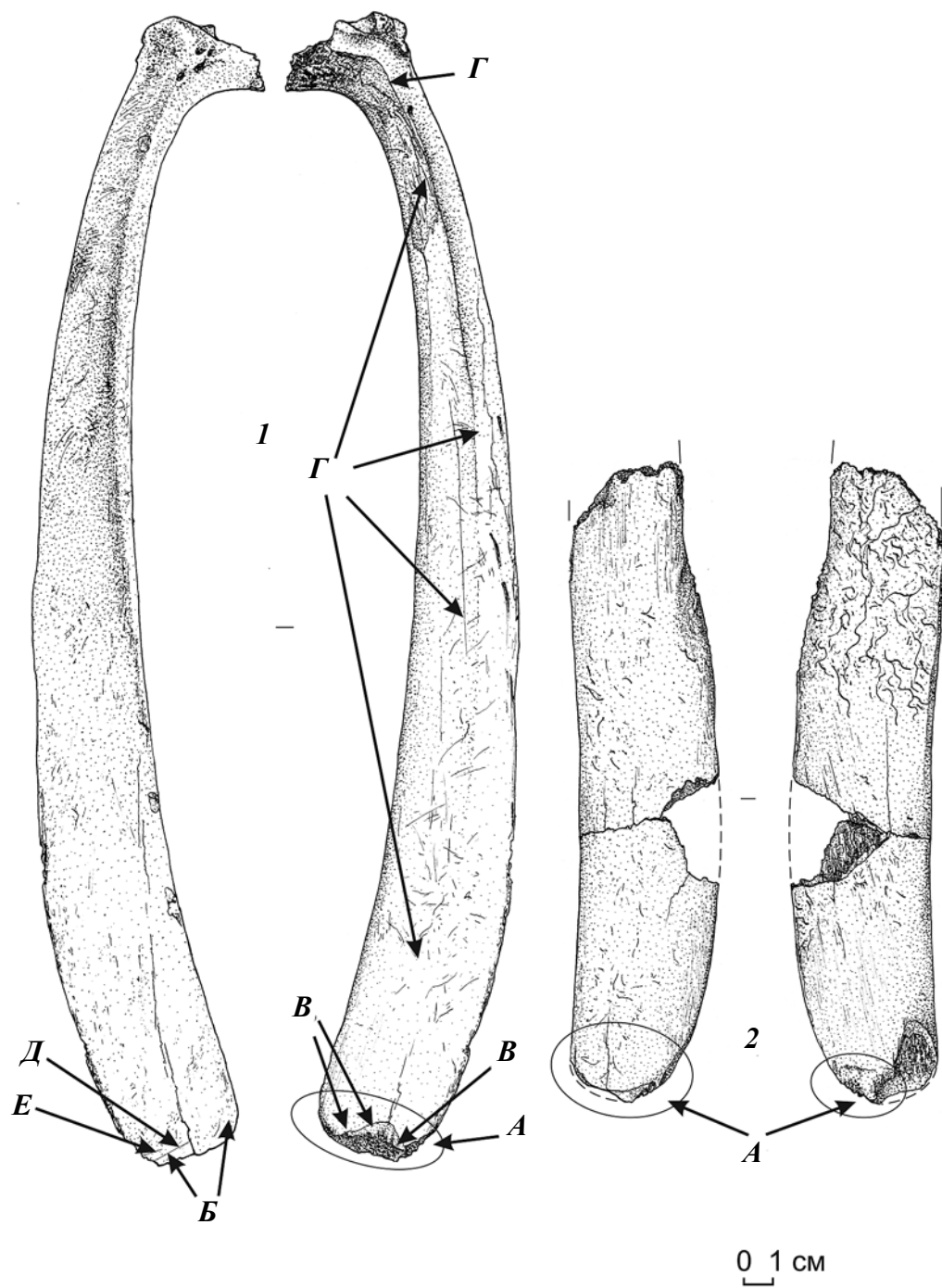

Рис. 67 – Поселение Малоюлдашево I. Орудия из ребер лошади
 1 – III-42-7; 2 – IV-63-13

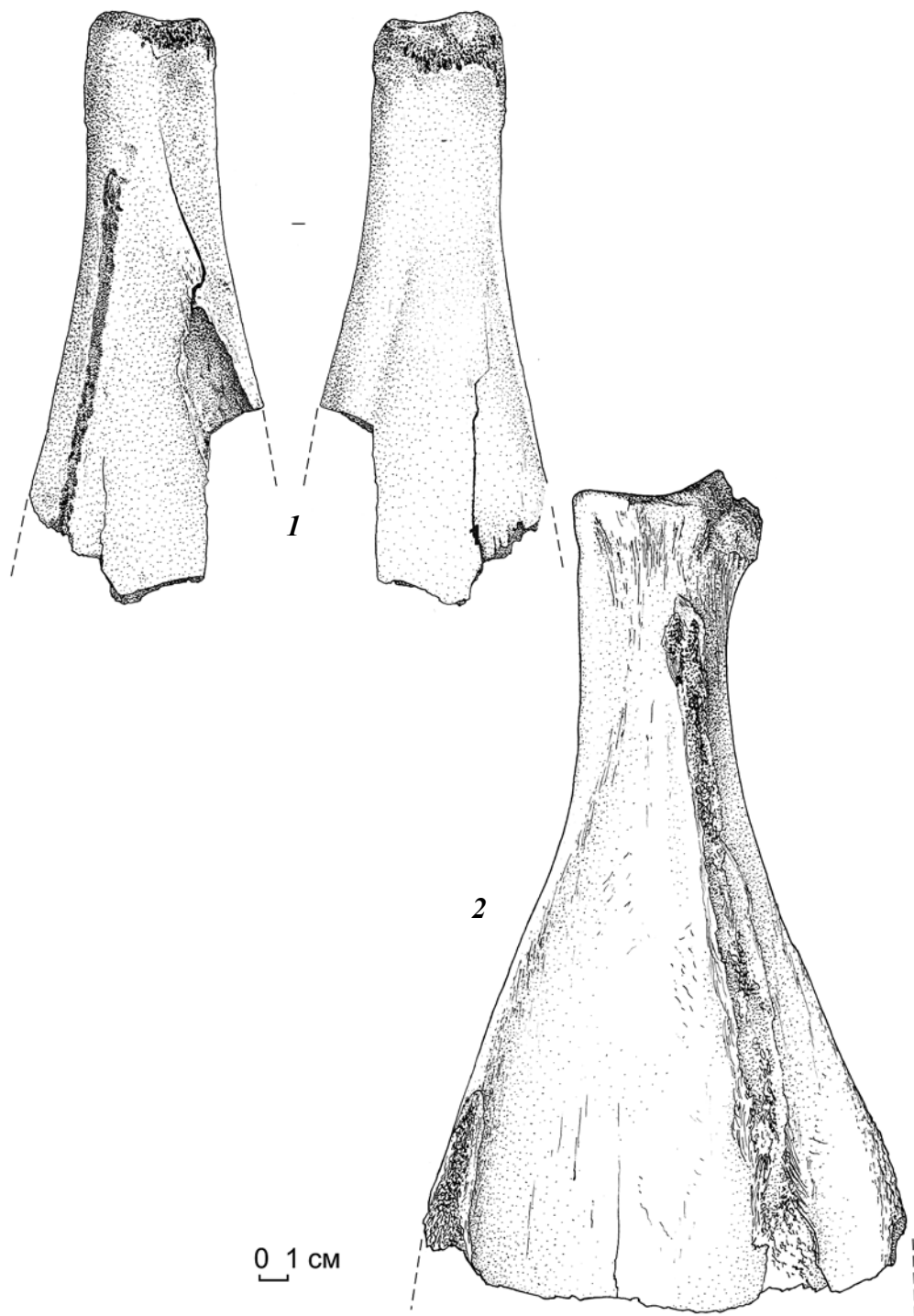

Рис. 68 – Поселение Малоюлдашево I. Изделия из лопаток КРС
1 – VIII-100-10; 2 – I-15-3

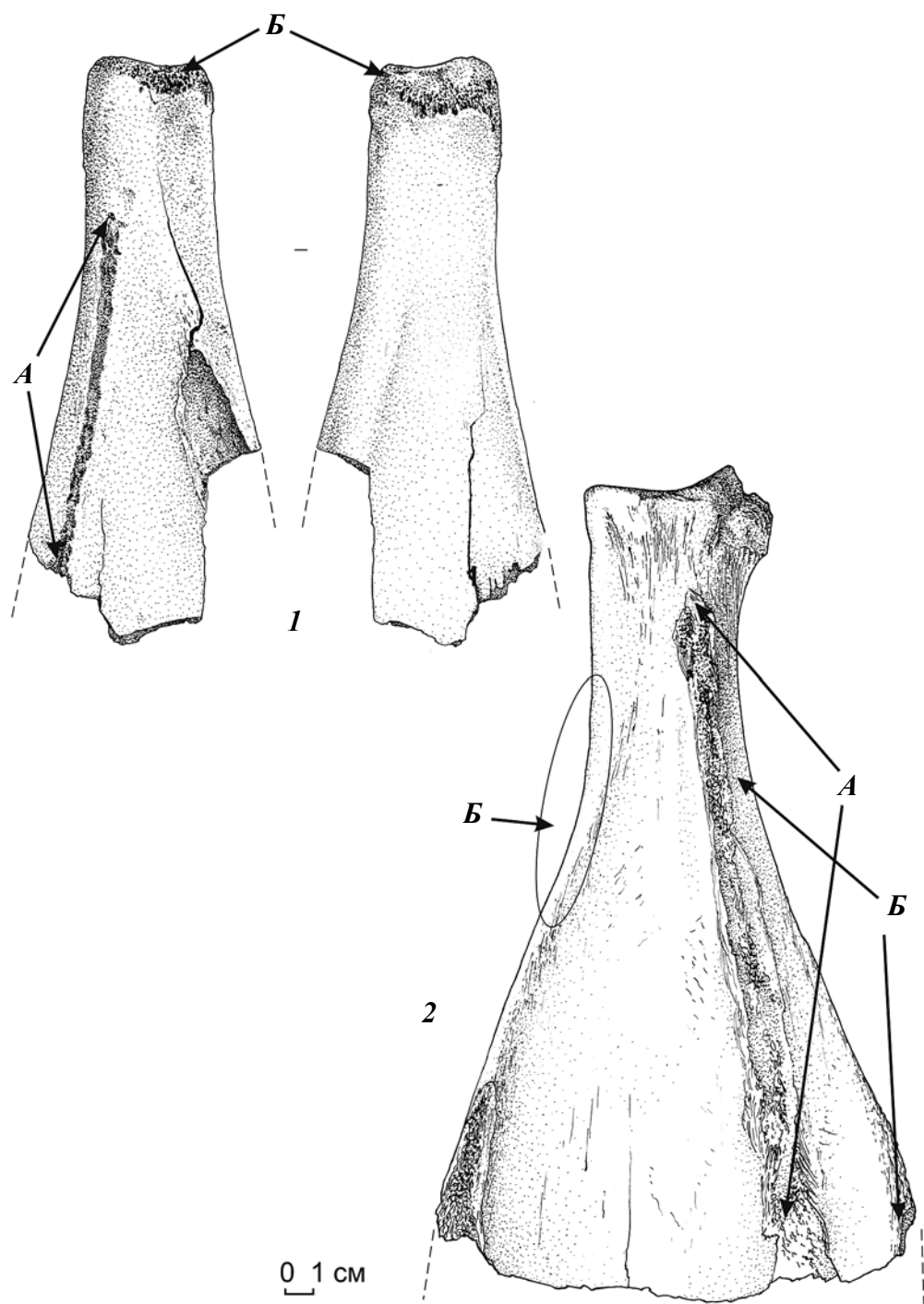

Рис. 69 – Поселение Малоюлдашево I. Изделия из лопаток КРС
 1 – VIII-100-10; 2 – I-15-3

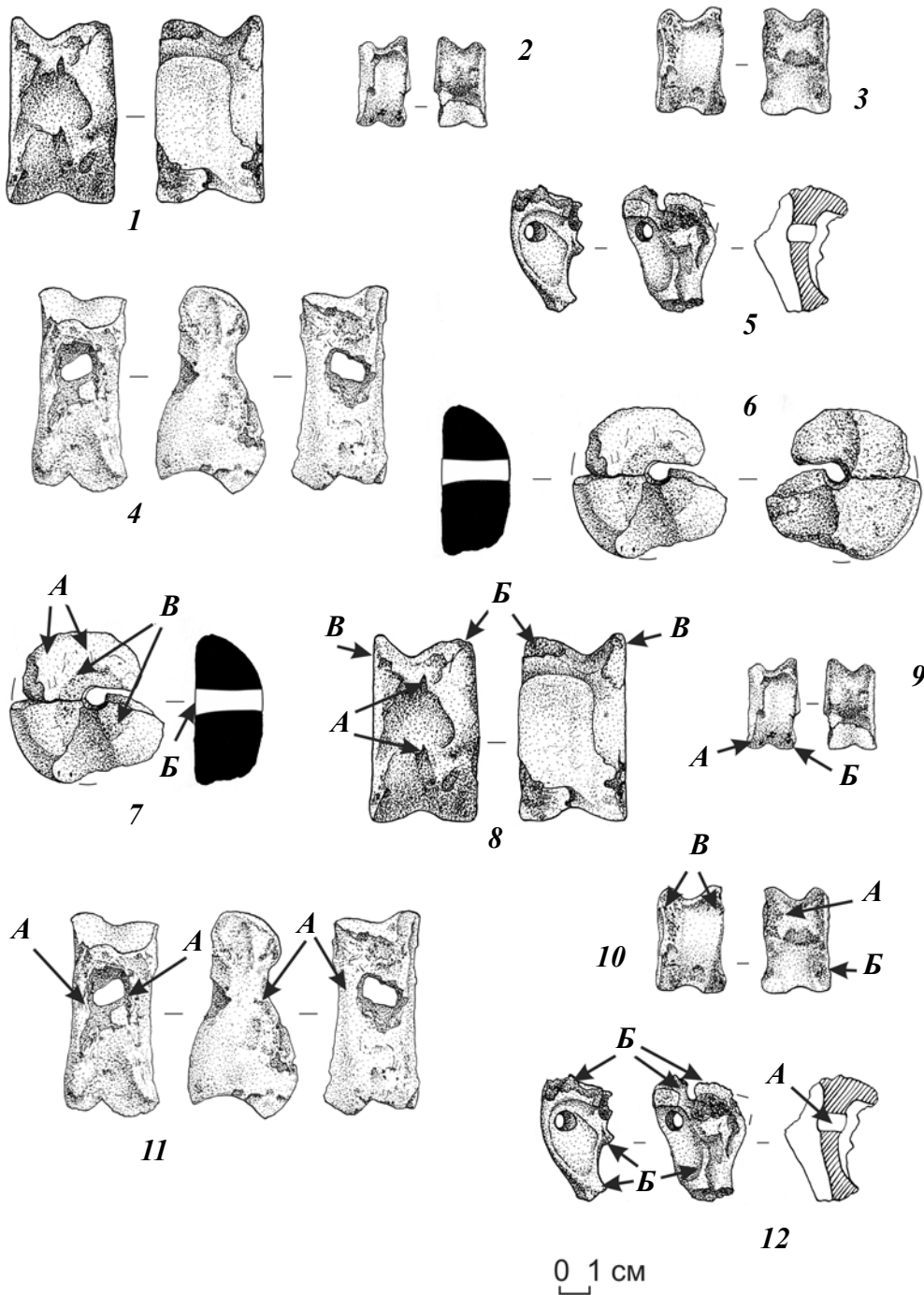

Рис. 70 – Поселение Малоюлдашево I. Костяные изделия
 1, 8 – VIII-112-9; 2, 9 – VIII-101-5; 3, 10 – IX-129-9; 4, 11 – I-7-4; 5, 12 – I-10-4; 6, 7 – IV-59-13

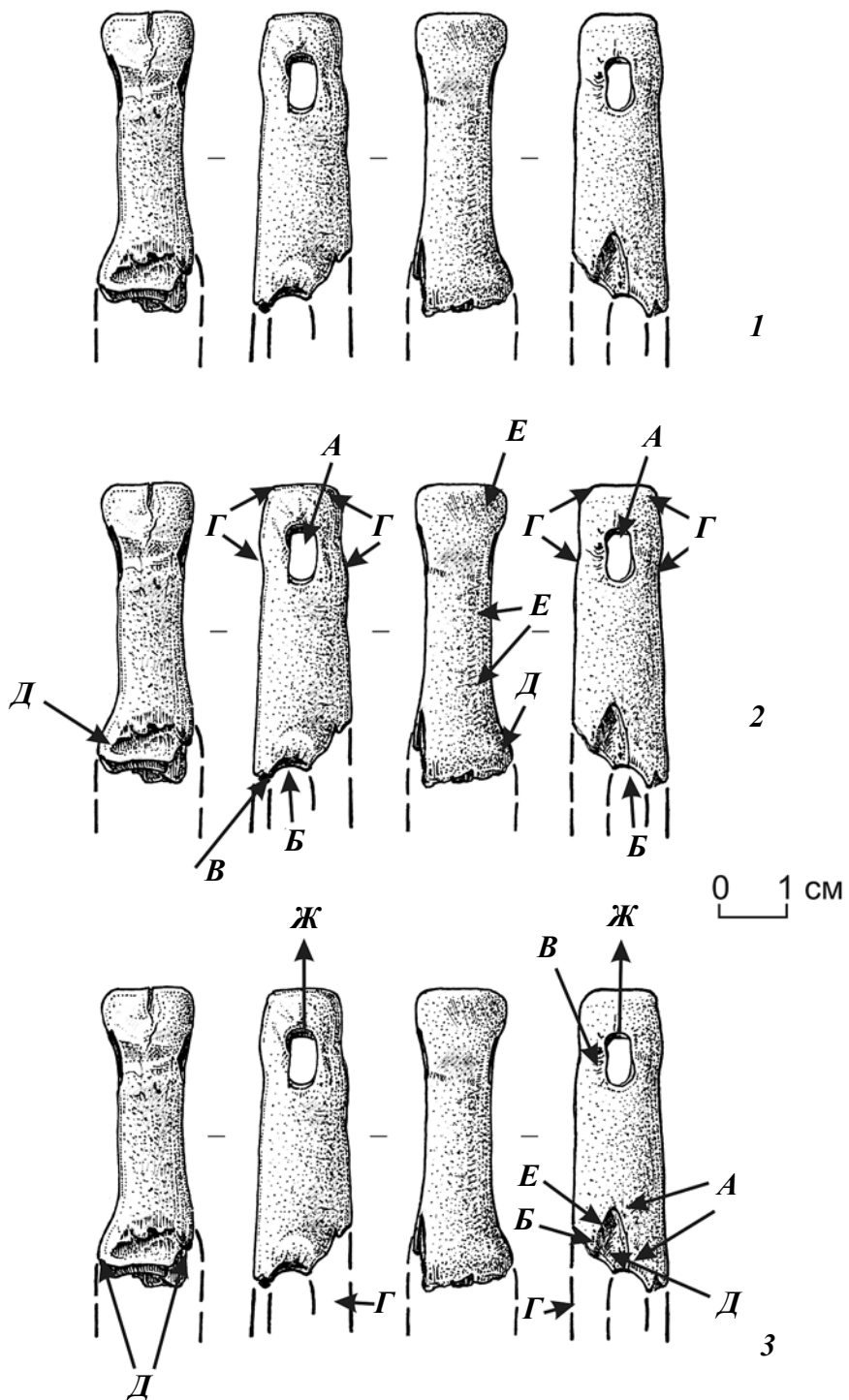

Рис. 71 – Поселение Малоюлдашево I. Фрагмент костяного псаля (IV-61-4)

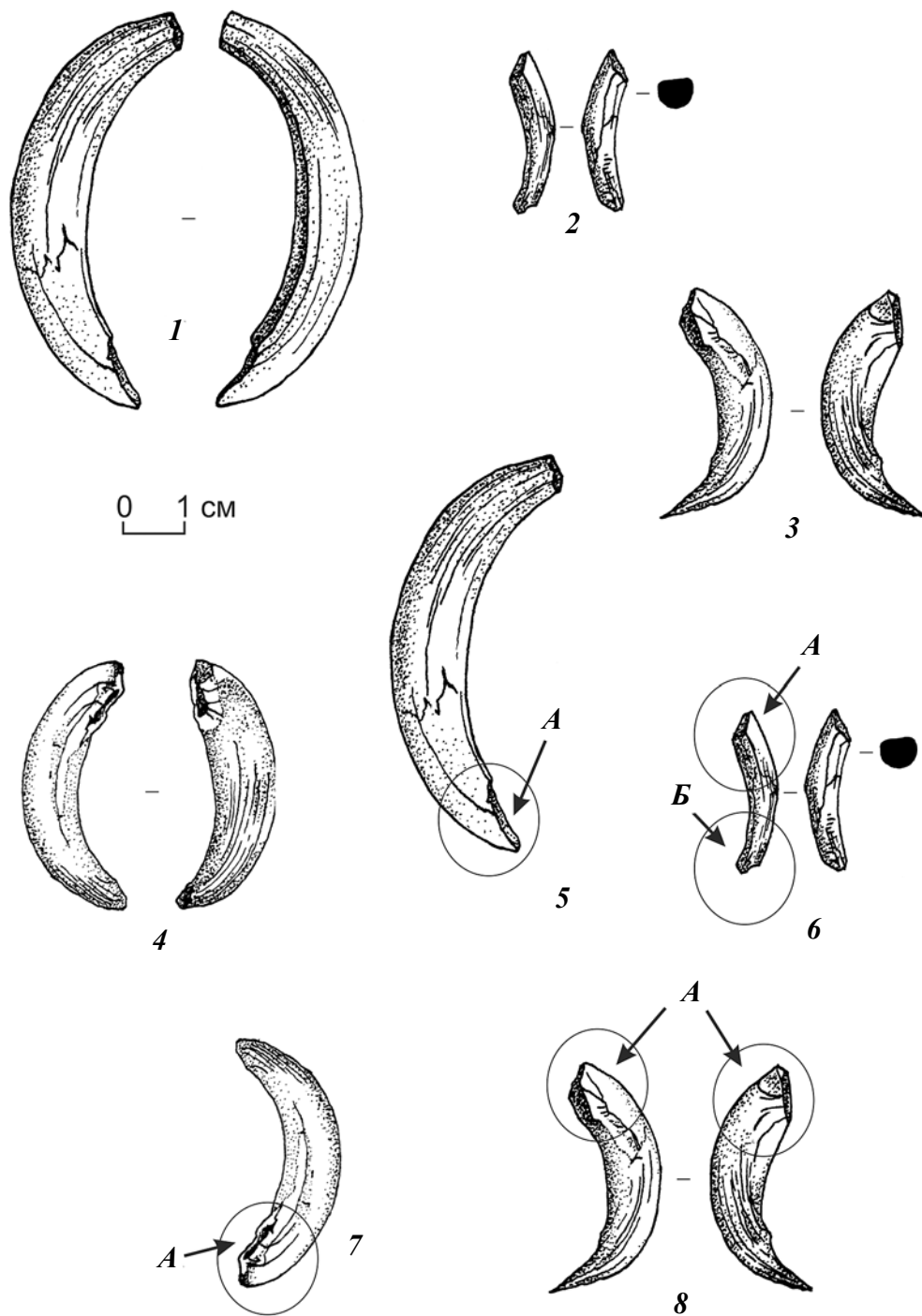

Рис. 72 – Поселение Малоюлдашево I. Клыки животных
 1, 5 – VIII-100-7; 2, 3, 6, 8 – XII-145-6; 4, 7 – VIII-103-9

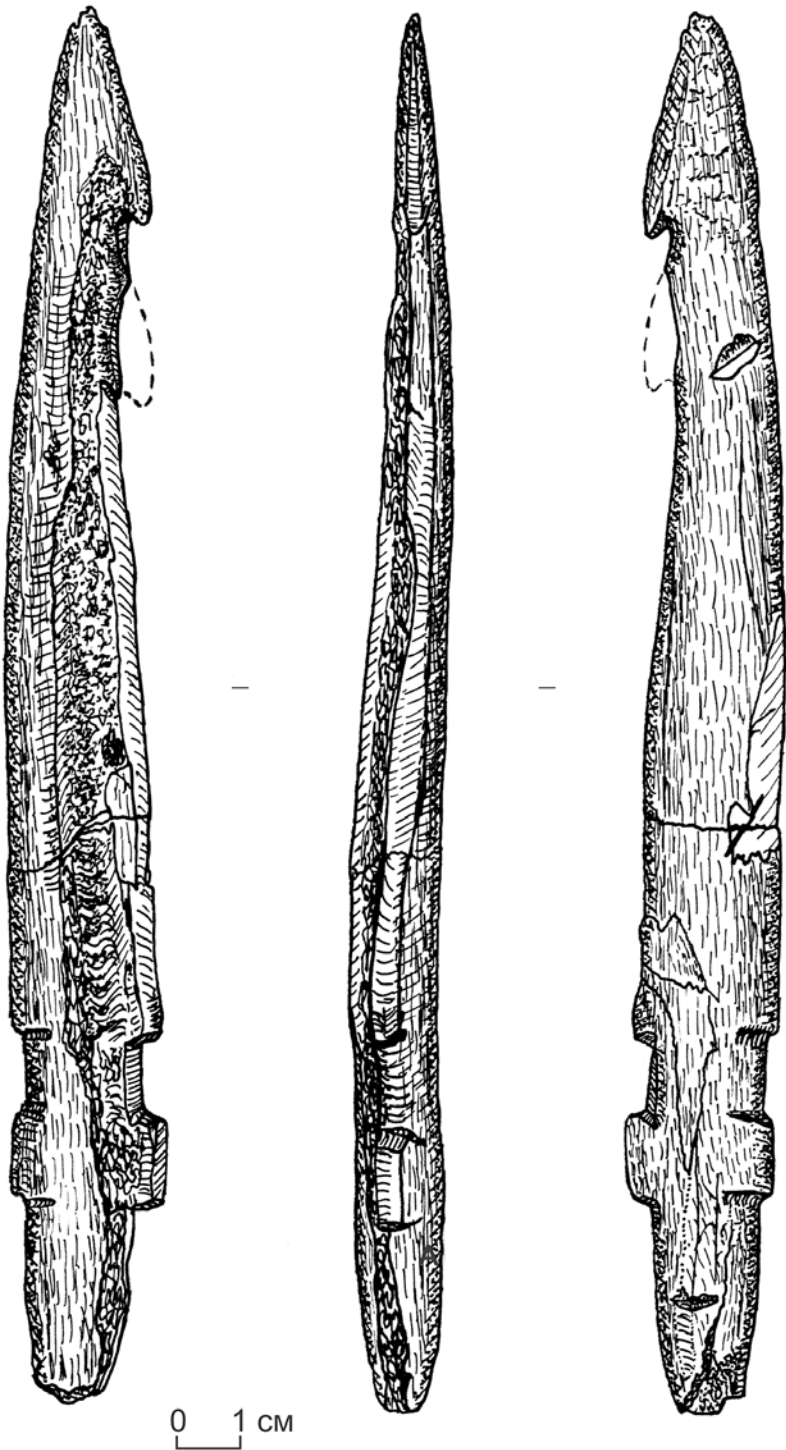

Рис. 73 – Поселение Малоюдашево I. Костяной гарпун (I-1-7)

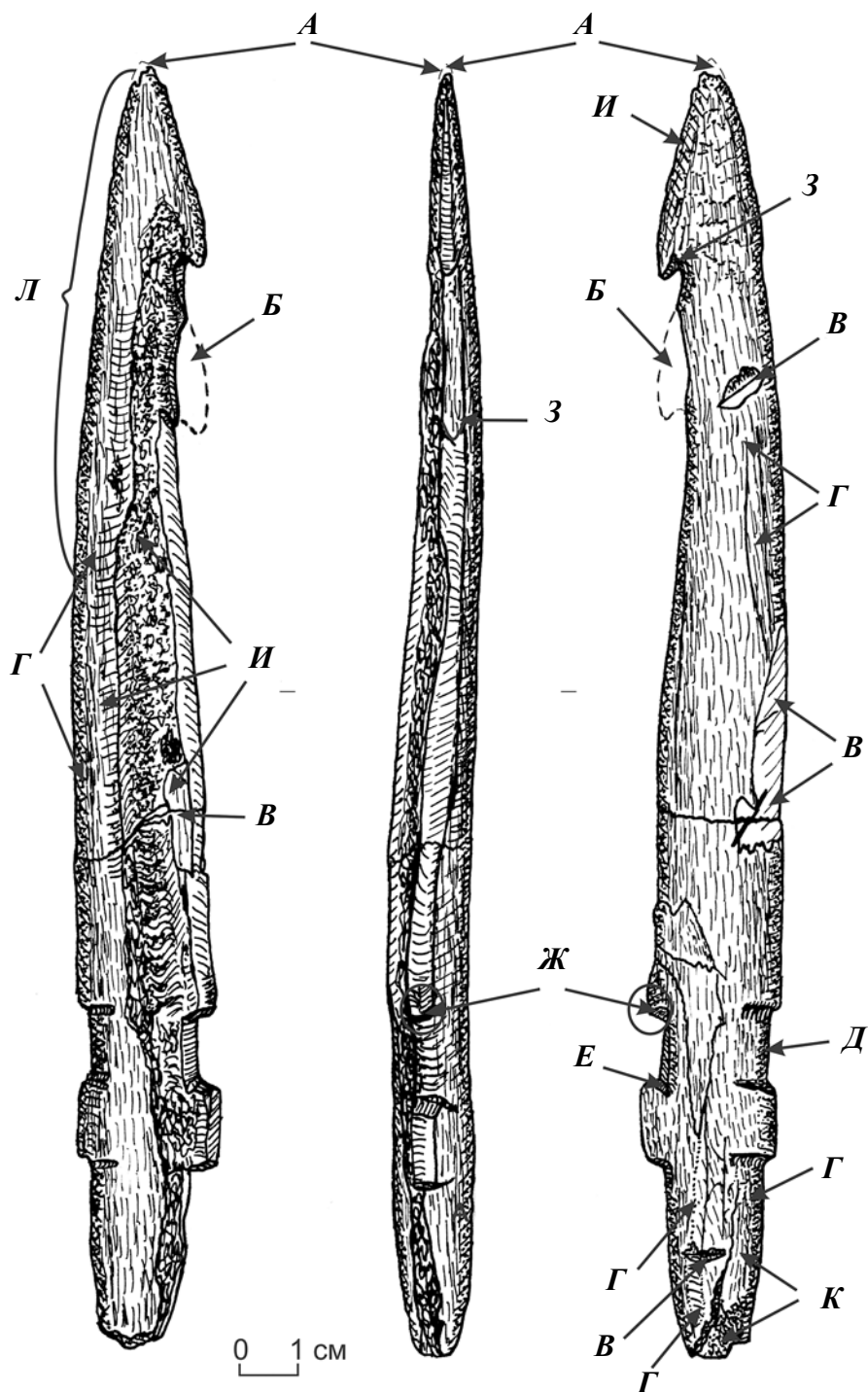

Рис. 74 – Поселение Малоюлдашево I. Костяной гарпун (I-1-7).

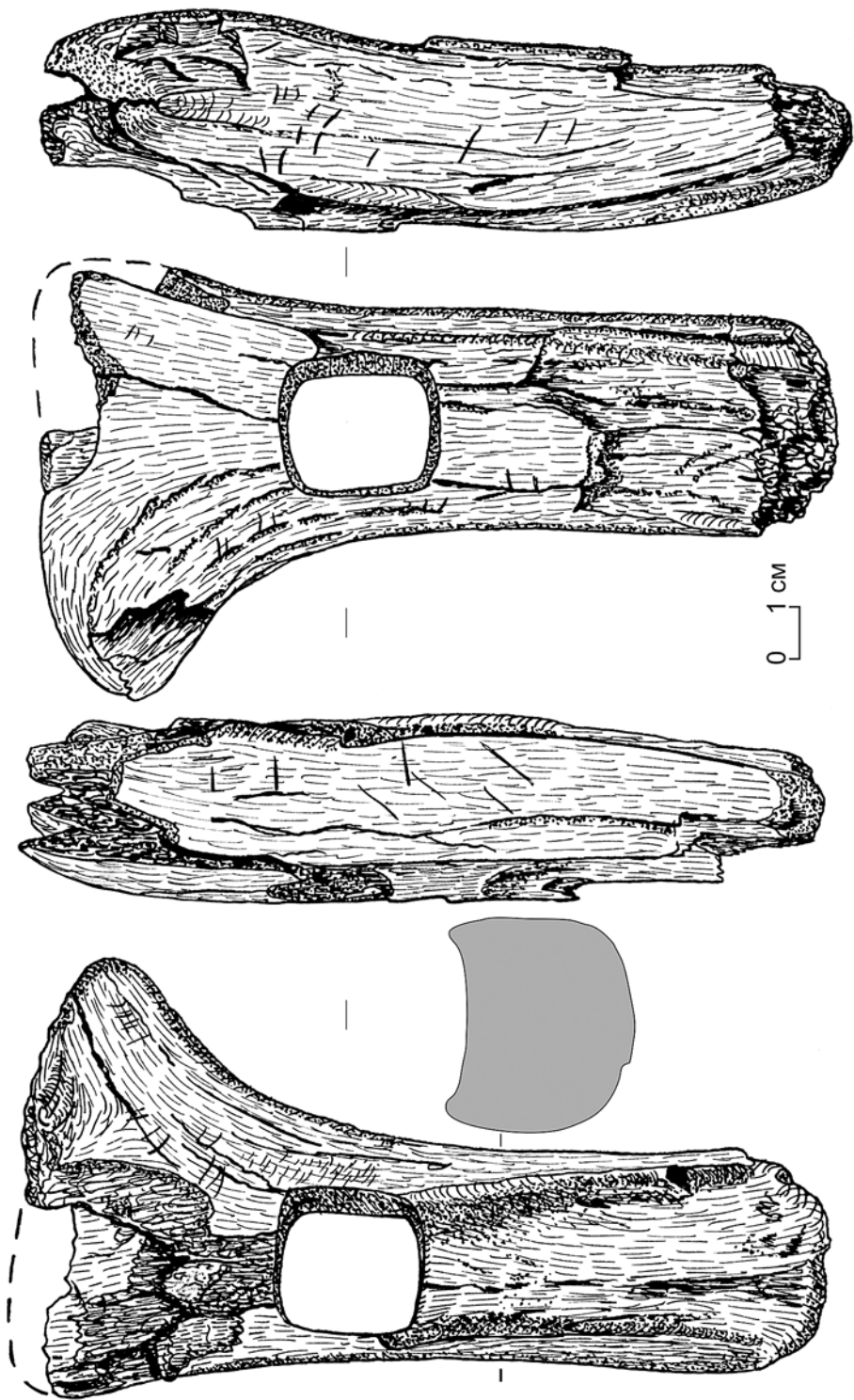

Рис. 75 – Поселение Малоюлдашево I. Роговое изделие (X-130-6)

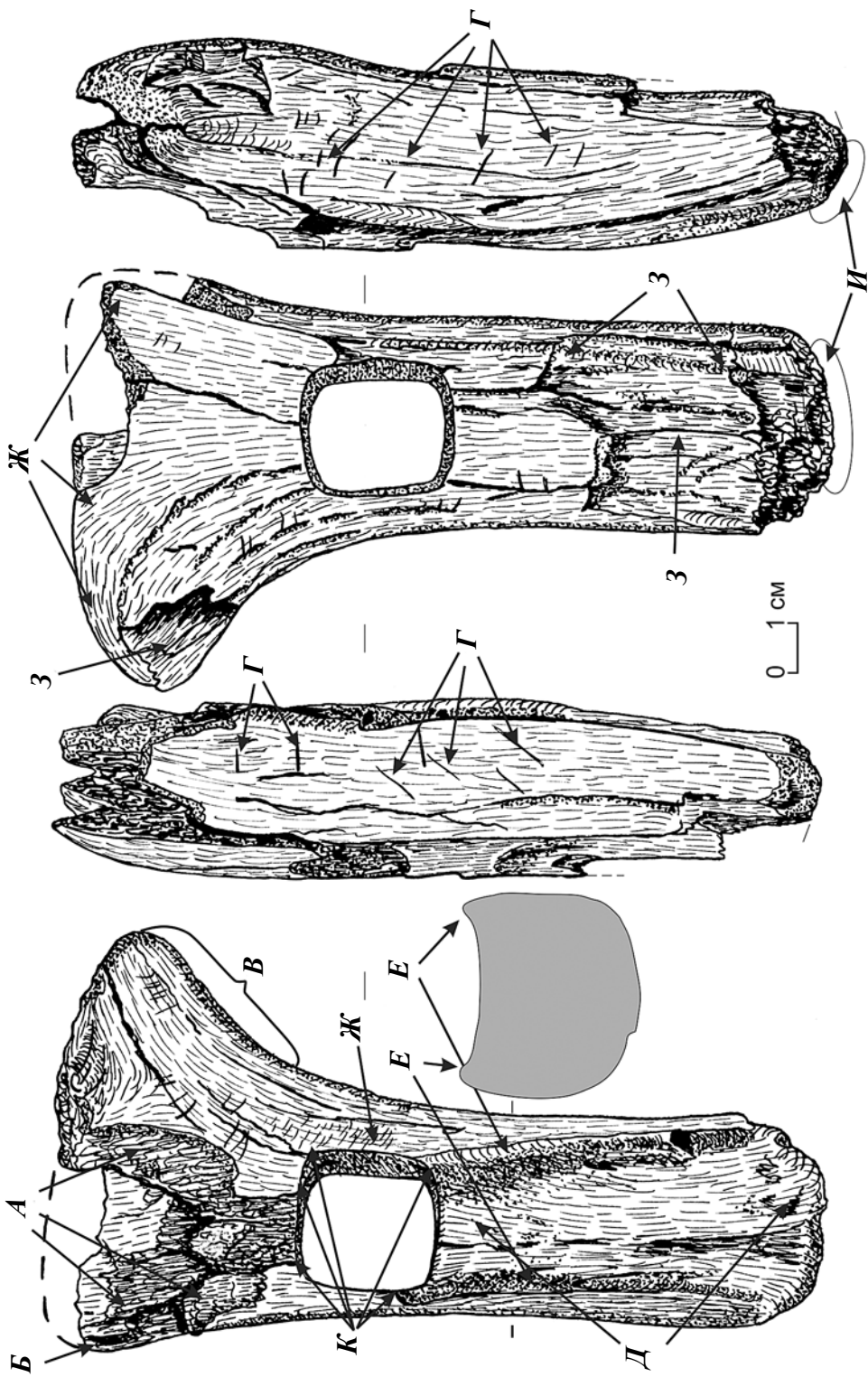

Рис. 76 – Поселение Малоюлдашево I. Роговое изделие (X-130-6)

3.2 Трасологический анализ изделий из костей животных

Коллекция костяных орудий и изделий с поселения Малоюлдашево I была изучена в начале декабря 2015 г. в Москве (лаборатория естественно-научных методов ИА РАН) при помощи микроскопа МБС-9. Всего для работы были представлены 45 экз. находок: 39 экз., найденных на различных участках памятника, и 6 экз. – инвентарь обнаруженного на поселении погребения (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015). Естественное состояние большинства костей приближается к 4 баллам по пятибалльной шкале (ср. Антипина, 2003, с. 13), то есть фрагменты костяных орудий и изделий на памятнике довольно неплохо сохранились. Гораздо хуже выглядят роговое орудие из находок X участка и диск из погребения – на 2–3 балла. В процессе работы были уточнены некоторые рисунки вещей. Две находки (фрагмент псаля с участка IV и диск из погребения) нарисованы заново.

Обратим внимание на костяные находки из раскопа – 39 экз. (костяной инвентарь погребения изучался отдельно). Диафиз трубчатой кости крупного копытного с обломанными эпифизами (XII-151-5)¹ не несёт никаких следов и орудием/изделием не является. Из коллекции следует исключить и два небольших фрагмента компакты крупных трубчатых костей (I-3-7; VIII-114-9). Эти фрагменты остались после расколки костей крупных копытных, но являлась ли эта расколка целенаправленным актом подготовки сырья на памятнике? Подобных осколков в таком случае, на наш взгляд, должно было быть больше. В материале поселения есть явные отходы косторезного производства, поэтому мелкие фрагменты «пограничного» состояния мы склонны все-таки исключить из состава малоюлдашевской коллекции.

Затронув вопрос об отходах косторезного производства, обнаруженных на памятнике, охарактеризуем их. Фрагмент толстой компакты трубчатой кости крупного копытного с надпилами и надрубками (III-39-7) (рис. 59, 5), окончание рогового отростка (IV-57-9) (рис. 59, 3), 2 фрагмента трубчатых костей мелких копытных (I-8-4; I-6-7) (рис. 59, 1, 2) и дистальная часть первой фаланги хищника, скорее всего собаки² (VIII-105-8) (рис. 59, 4). Окончание рога *Cervidae* несет на широком торце следы аккуратной подрубки-подрезки по периметру (рис. 60, 3А), подрезки и строгания на поверхности фрагмента (рис. 60, 3Б) (свежие следы (рис. 60, 3В) к обработке рога не относятся). На фрагменте толстой компакты кости крупного копытного следы поперечных надпиллов и надрубов металлическим (?) орудием (рис. 60, 5А). Фрагменты трубчатых костей мелких копытных и фаланги собаки (?) несут на торцах следы поперечного пиления-перетиранья беззубцовым металлическим лезвием с последующим неровным сломом (рис. 60, 1А, 2А, 4А). На одном из фрагментов пиление идет по спирали (рис. 60, 2Б), а также в другом месте (рис. 60, 2В) (возможно, диафиз кости хотели распилить

¹ Надпись расшифровывается: XII участок, 151 квадрат, 5 штык. Здесь и далее представлена цифровая информация, где на памятнике сделана та или иная находка.

² Определение Е.Е. Антипиной (ИА РАН).

на трубочки-заготовки длиной около 4,5 см). Скорее всего, какие-то очень небольшие заготовки (будущие бусы?) делались и из фаланги хищника: обратим внимание на наметку, оставленную лезвием поперек кости (*рис. 60, 4Б*) – диафиз вплоть до дистального эпифиза хотели расчленить на почти одинаковые фрагменты длиной 0,7–0,8 см (*рис. 60, 4В, 4Г*). То, что предполагалось использовать всю удобную часть кости, можно видеть по надрезу-наметке у основания дистального блока (*рис. 60, 4Д*). Этот надрез сделан металлическим лезвием, причем в один длинный слились не менее 4-х мелких актов резки. Интересная деталь: дистальный блок кости имеет слегка залощенную поверхность и по граням блока небольшую затертость (*рис. 60, 4Е*). Подобное могло получиться из-за того, что за этот блок какое-то время держали кость, когда от неё отрезали небольшие заготовки.

Из оставшихся 31 экз. костяных орудий и изделий 7 экз. относятся к тупикам из нижних челюстей крупного рогатого скота (КРС) – типичному орудию кожевенного производства позднебронзовых памятников. Малоюлдашевская коллекция тупиков обладает двумя яркими особенностями. Первой из них является то, что среди небольшого количества больше половины (4 экз.) оказались заготовками (XV-166-9; XV-168б-6; XV-169-10; XV-168-8) (*рис. 61*), причем все они были найдены на участке XV в соседних квадратах и на близких глубинах. Заметим, что 3 экз. тупиков, использованных при работе со шкурами (IV-54-8; III-37-5; VIII-110-7) (*рис. 63, 1–3*), планиграфической скученностью не обладали. Как правило, заготовки тупиков редко находят на поселениях эпохи поздней бронзы – обе половины нижних челюстей КРС представляют собой прекрасное сырье для нескольких видов орудий и изделий (ср. Усачук, 2013а, с. 90), поэтому начатые, но недоделанные по каким-то причинам тупики нечасто оставались среди отходов. Приведем несколько примеров: по подсчетам В.В. Килейникова, на 10 поселениях лесостепного Подонья (1 – доно-вожжской абашевской, 9 – донской срубной культур) найдено 117 экз. тупиков и только 13 экз. заготовок (Килейников, 2009, с. 101); на позднебронзовом поселении Донецкого края Степановка в коллекции из 18 экз. тупиков присутствует только 1 заготовка (Усачук, 2012, с. 142); среди внушительной коллекции тупиков из нижних половин челюстей КРС (149 экз.) (Усачук, 1997, с. 129) срубного поселения Безыменное-II в Северо-Восточном Приазовье заготовки присутствуют в количестве 3–4 экз.¹ Вторая особенность малоюлдашевской коллекции тупиков проявляется в том, что для 4-х экз. (3 заготовки и 1 тупик) (*рис. 61, 1–3; рис. 63, 3*) в качестве сырья взята правая половина нижней челюсти КРС. Подобные «правые» тупики – большая редкость среди основного количества традиционно изготовленных из левых половин нижних челюстей КРС (Килейников, 1989, с. 122; Панковский, 1999, с. 196; Антипина, 2004, с. 225; Усачук, 1996а, с. 68–69; 1997, с. 129–130; 2000а, с. 93; 2011, с. 207–208; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 128; Панковский, 2012а, с. 64–67).

Изготовление тупиков на большом количестве памятников позднебронзового века отличается «тщательно регламентированной и в целом однообразной

¹ Тем не менее, одна из заготовок тупика на Безыменном-II попала в ритуальный контекст (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2011а, с. 94–95).

технологией» (Килейников, 1988, с. 107; 2009, с. 112). Фиксируются различия в порядке тех или иных операций на разных поселениях (Усачук, 1997, табл. 1), различаются и мелкие детали оформления тупиков (Усачук, 1997, с. 130; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 143), но все это несущественно. Несколько заготовок в малоюлдашевской коллекции позволяют документировать последовательность операций изготовления тупиков на памятнике. На внешней стороне челюстной ветви одной из заготовок обнаружены поперечные, тонкие, почти параллельные друг другу длинные следы резки металлическим лезвием (рис. 62, 1А). Эти следы образованы при разделке туши животного, когда перерезались жевательные мышцы (ср. Усачук, 2012, с. 142). Одна из первых операций по изготовлению малоюлдашевских тупиков – неровная вырубка внутренней щечной части челюсти (рис. 62, 1Б). Неясно, сбит ли челюстной угол (рис. 62, 1Б) или это более поздняя утрата фрагмента кости. Во всяком случае, у других заготовок челюстной угол не трогали. Не удаляли на тупиках и мышечный отросток. По мнению Е.Е. Антипиной, с которой осматривались тупики и заготовки во время их изучения, частичная утрата этого отростка на одной заготовке (рис. 62, 1Г) и почти полный слом на другой (рис. 62, 3А) относятся к тафономическому состоянию костей. Обратим внимание на то, что подрубка щечной части на челюстях проводилась очень низко (рис. 62, 2А, 3Б, 4А). Выполнить эту операцию пытались по возможности более аккуратно, но, например, в одном случае (рис. 62, 4А) получилось неровно. После вырубки щечной части шла операция по удалению зубов – это видно по тому, что на одной из заготовок зубы еще частично не выбиты (рис. 62, 2Б). На этой заготовке уже осуществлена не только подправка внутренней части челюсти – убраны альвеолы (рис. 62, 2Б), но и подрезка края челюстной ветви (рис. 62, 2Г). В районе оставшихся зубов осуществлена подрубка (рис. 62, 2Д), то есть эти зубы готовились удалить. Возможно, при подрубке кость треснула или сломалась на участке перехода тела челюсти к резцовой части (рис. 62, 2Е) и заготовка была оставлена. Интересная деталь: ранее уже фиксировалось выбивание зубов на заготовке – это могло быть второй или третьей операцией в процессе изготовления тупиков (Усачук, 1997, табл. 1), но на Малоюлдашево I мы видим, что все зубы убирались не одновременно, а по частям, и их удаление перемежалось операцией частичного выравнивания будущих рабочих граней тупика. Видимо, здесь мы сталкиваемся с деталями традиционного изготовления орудий в рамках конкретного коллектива, то есть с трудноуловимыми этнографическими деталями жизнедеятельности «малоюлдашевского» общества. Помимо заготовки тупика с частично выбитыми зубами, альвеолы убраны и на иных заготовках (рис. 62, 3В, 3Г, 4Б). Отметим очень чистую подрезку альвеол (рис. 62, 3В) и тут же – лишь чуть-чуть подрезанный участок (рис. 62, 3Г) – фиксируется направление выравнивания поверхности одной из граней будущего тупика – от челюстной ветви к резцовой (узкой) части тела. Кроме этого, на заготовках уже немного утончен один из рабочих краев будущего орудия (рис. 62, 3Д, 4В), при этом допущена ошибка: неудачно подправленный участок рабочего края при оформлении (рис. 62, 3Е), где мастер убрал больше компакты, чем было нужно. Выше говорилось о том, что челюстные углы при изготовлении тупиков на поселении не трогали, но на одной из заготовок угол челюсти сильно срублен вместе с частью челюстной ветви (рис. 62, 4Г).

Как правило, челюстную ветвь так не сужали при изготовлении тупиков. Если заготовка с частично вырубленной щечной частью (*рис. 61, 1*) оставлена в начальной стадии изготовления тупика, то заготовка с неудачной подрубкой ветви челюсти и челюстного угла (*рис. 61, 4*) стоит на грани превращения в полностью готовое орудие. Может быть, в перспективе подразумевалась обработка резцовой части (*рис. 62, 4Д*) – подобная операция часто выполнялась при изготовлении тупиков (Усачук, Файзуллин, 2016, с. 128), но известно много случаев, когда резцовую часть оставляли и без изменения. Почти полностью изготовленный тупик попробовали в деле: на краях рабочих граней появилась локальная еле видимая нитевидная залощенность, но, очевидно, дала о себе знать слишком узкая после вырубki челюстная ветвь, которая очень быстро сломалась (*рис. 62, 4Е*). После этого почти готовый тупик больше не использовался.

Кроме заготовок, в коллекции сохранились тупики во фрагментах – обломки тел левых (*рис. 63, 1, 2*) и правой (*рис. 63, 3*) половин нижних челюстей КРС. К сожалению, среди обломков готовых изделий не найдены челюстные ветви – мы не знаем, как окончательно оформлялись эти части тупиков на памятнике (ср. Усачук, Файзуллин, 2016, с. 128). Следы изготовления на обломках практически такие же, как и на заготовках тупиков: очень низкая неровная подрубка-подрезка щечной части (*рис. 63, 4А, 5А, 6А*), утончение рабочего края подрубкой (*рис. 63, 4Б, 6Б*), а затем – подрезкой (*рис. 63, 5Б, 6Б*). Резцовая часть тела челюсти сохранилась в одном случае (*рис. 63, 5В*) и она не обработана.

Судя по сработанности, все тупики интенсивно использовались. Обратим внимание на сильную залощенность сохранившейся части торца одного из тупиков (*рис. 63, 4В*) – невозможно сказать, оформлялась ли в этом случае резцовая часть, но в процессе работы тупиком она постепенно изнашивалась, и мы фиксируем сильную залощенность уже полуразрушенного узкого торца орудия. Похожая картина наблюдается еще на одном тупике (*рис. 63, 6Г*). Двумя орудиями (*рис. 63, 1, 3*) довольно долго работали – завальцованность перешла в заполировку, а на «правом» тупике даже с началом частичного обесцвечивания. Наиболее сработан участок локального слома рабочего края орудия (*рис. 63, 6Д*). Третий тупик (*рис. 63, 2*) сработан меньше остальных, но выступающие участки резцовой части слегка завальцованы (*рис. 63, 5Г*), а рабочие края (*рис. 63, 5Д*) уже начали обесцвечиваться. Кроме того, на рабочих гранях уже образовалась залощенность по микросколам компакты – типичная картина для эксплуатации подобных орудий (Пряхин, Килейников, 1986, с. 25; Сидоров, 1989, с. 43; Усачук, 2012, с. 144; 2013б, с. 333; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 130). Сработанность малоюлдашевских тупиков типична для подобных орудий: следы концентрируются на рабочих краях и выглядят как тонкие поперечные или диагональные параллельные друг другу короткие линии (ср. Семенов, 1968, с. 162). Залощенность поверхностей сочетается с плавной профилировкой сработанных рабочих краев – тупики на памятнике использовались как орудия мездрения и разминания шкур (ср. Килейников, 1989, с. 124; 2000, с. 131; 2009, с. 104, 107; Пряхин, Килейников, 1986, с. 22; Коробкова, Виноградов, 2004, с. 76; Усачук, 1993, с. 138; 2012, с. 144; 2013б, с. 333; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 130). К сожалению, среди малочисленных тупиков малоюлдашевской коллекции нет сохранившегося

участка стыка челюстной ветви и тела челюсти – как правило, на этом стыке тупики ломались (Усачук, Файзуллин, 2016, с. 129). Угол сходящихся рабочих краев тела и ветви челюсти зачастую использовался для разминания узких кожаных ремней, а также для протягивания сухожилий (Панковський, 2012а, с. 62–63; Усачук, 2013б, с. 333, 336 и др.). Мы можем говорить об этих операциях работы с животноводческим сырьем на Малоюлдашево I с определенной долей вероятности: на «правом» тупике наиболее сработанный участок рабочего края зафиксирован на участке, наиболее близком к стыку с челюстной ветвью (*рис. 63, 6Е*), то есть можно предположить, что участок стыка использовался чаще (при разминании узких полос кожи?). Какая ширина обрабатываемых полос – сказать нельзя, но на этом же тупике мы уже обращали внимание на наиболее сработанный локальный участок рабочего края (*рис. 63, 6Д*). Длина этого сnivelированного участка с плавными краями 2,0–2,5 см. Возможно, здесь (как и на стыке?) разминалась полоса кожи шириной приблизительно 2,0–2,2 см. То, что мини-участок большей сработанности оказался не на стыке ветви и тела челюсти, можно объяснить, например, тем, что тупик к этому времени уже сломался, и продолжали использоваться его половинки.

Незначительное количество тупиков на поселении в какой-то мере дополняется 7 экз. стругов из правых (III-39-7; XV-171-4; III-39-3) (*рис. 64, 1–3*) и левых (VIII-104-8; VIII-106-8; XI-137а-5) (*рис. 64, 4, 6, 7*) ребер лошади (одно орудие из фрагмента левого ребра (IV-52-1) (*рис. 64, 5*) определяется как «крупное млекопитающее», но, скорее всего, и в данном случае это фрагмент ребра лошади). Планиграфически струги не создают какого-либо скопления. Можно обратить внимание разве что на 2 орудия из левых ребер лошади, найденных довольно близко друг от друга в границах одного штыка (*рис. 64, 4, 6*). Все струги сохранились в обломках. На некоторых орудиях видны поперечные и диагональные слабые и тонкие, но четкие следы резки (*рис. 65, 1А, 5А*), оставленные металлическими лезвиями при разделке туш животных. На одном из ребер почти горизонтальный длинный неровный и нечеткий след (*рис. 65, 5Б*) – скорее всего, тоже от металлического лезвия, но с меньшим давлением на него, как бы «на излете». Струги почти не требовали работы по превращению сырья в орудия: иногда только слегка утончался подрезкой и без того острый каудальный край ребра, становившийся у стругов рабочим (*рис. 65, 1Б, 2А, 6А*) (ср. Семенов, 1968, с. 160), или более-менее ровно отбивался позвоночный (дорсальный) конец ребра (*рис. 65, 3А, 4А*). Утонченный или нет рабочий край стругов (*рис. 65, 1Б, 2А, 3Б, 4Б, 6А, 7А*) сработан почти у всех орудий одинаково: завальцован, с нитевидной залощенностью, иногда – с началом обесцвечивания. В районе рабочего края орудий фиксируются тонкие параллельные или почти параллельные друг другу короткие линейные следы, подобные таким же следам на тупиках (ср. Килейников, 2009, с. 109–110). Как и на тупиках, на рабочих краях стругов фиксируются микросколы (*рис. 65, 2Б, 3Б, 6Б, 7Б*), часто уже сглаженные последующей работой орудием. На одном из стругов участок рабочего края (*рис. 65, 2Б*) сточен до появления губчатого слоя (ср. Килейников, 1989, с. 124; 2009, с. 108, 109; Усачук, 1993, с. 137; Панковський, 2012а, с. 69). Поверхность орудий на ребрах залощена, причем в разной степени, в зависимости от длительности использования того

или иного струга. Сильно сработан струг, сохранившийся небольшим обломком (рис. 64, б). На нем ширина рабочего края достигает 0,2–0,3 см. Меньше, чем этим, работали, например, другим орудием (рис. 64, 7). Обращает на себя внимание фрагмент струга с едва-едва намеченной залощенностью по краям (рис. 64, 5). Это орудие почти не использовали. Очевидно, мы сталкиваемся с ситуацией, когда можно говорить о стругах разового применения, то есть о том, что «орудие использовалось спонтанно» (Килейников, 1988, с. 106). Подобное в условиях обилия сырья для стругов встречается нередко (Усачук, 1993, с. 137; 2000б, с. 110; 2012, с. 142; 2013б, с. 336, 337; Панковский, 1999, с. 197; Килейников, 2000, с. 131). Следы работы в сочетании с яркой залощенностью, доходящей до полировки, свидетельствуют, что струги на Малоюлдашево I использовали, как и тупики, для мездрения шкур (ср. Семенов, 1968, с. 160–161; Усачук, 2000б, с. 110; 2012, с. 142; Панковский, Филатов, 2011, с. 79). Обратим внимание на то, что В.В. Килейников на основе изучения стругов на памятниках поздней бронзы лесостепного Подонья пришел к выводу, что основная часть этих орудий использовалась для волососгонки и только некоторое количество с заостренным рабочим краем – для мездрения (Килейников, 2009, с. 108). Этот вывод прозвучал и в более ранней работе (Пряхин, Килейников, 1986, с. 25)¹. Например, струги с Мосоловского поселения в подавляющем большинстве как раз являются орудиями волососгонки (Пряхин, 1996, с. 114). Такая же ситуация со стругами фиксируется и в другом регионе – на приморском поселении Северо-Восточного Приазовья Безыменном-II (Усачук, 1997, с. 130). В материалах же Малоюлдашево I только одно орудие (рис. 64, 2) имеет не яркую, а «глухую» залощенность (ср. описание подобных следов (Килейников, 1989, с. 124; 2001, с. 181)), что позволяет связать этот струг с волососгонкой.

Видимо, ситуация с использованием ребер крупных копытных на поселении была более сложная – обратим внимание на 2 экз. орудий из правых ребер лошади (III-42-7; IV-63-13) (рис. 66, 1, 2). Как и для большинства стругов, для этих орудий использовались ребра животных без подготовки. Очевидно, каудальный край на этих изделиях не задействован, сработаны и залощены вентральные концы (рис. 67, 1А, 2А). Здесь рабочий край завальцован (рис. 67, 1Б), а локальные участки компакты стерты (рис. 67, 1В). По всему телу ребра одного из орудий идет нитевидная залощенность (рис. 67, 1Г). Помимо этого, на орудии оставлен тонкий длиной 1,5 см поперечный след резки острым металлическим лезвием (рис. 67, 1Д), а рядом с ним – почти такой же, но короче и слабее (рис. 67, 1Е). Эти следы резки оставлены при разделке туши животного (ср. Усачук, Бровендер, 1993, с. 177). Ложила по коже из ребер животных, где рабочим краем является узкий торец, найдены, к примеру, на поселении срубной культуры Лиман в Среднем Подонцовье (Усачук, Бровендер, 1993, с. 177), на Малополовецком-3 – памятнике тшинецкого культурного круга (Панковский, 2005а, с. 122). Вентральные концы ребер крупных копытных использовались, к

¹ Тем интереснее, что на Мостищенском городище В.В. Килейниковым выявлено преимущественное использование стругов в качестве орудий мездрения, а не волососгонки (2001, с. 181). Та же картина – на Верхнетуровском поселении (Килейников, 2000, с. 131), правда, стругов на этом позднебронзовом памятнике найдено всего два (Килейников, 2000, с. 131).

примеру, на орудиях из ребер, найденных на рудниках эпохи поздней бронзы (Килейников, 1997, с. 103; Панковський, 2005б, с. 190; Загородня, 2014, с. 18–19), но эти орудия нельзя назвать ложилами.

Среди костяных орудий коллекции присутствуют орудие из правой (VIII-100-10) (рис. 68, 1) и заготовка орудия из левой (I-15-3) (рис. 68, 2) лопаток КРС. На заготовке ость лопатки сбита (рис. 69, 2А) металлическим, скорее всего, лезвием. Едва залощен локальный участок поверхности на заостренной ямке лопатки (рис. 69, 2Б). Едва-едва просматривается начало линейной залощенности на грани предостной ямки (рис. 69, 2В). Основание лопатки, на котором располагался рабочий край, утрачено. На фрагменте орудия ость сбита аккуратнее (рис. 69, 1А) и очень хорошо обработана суставная впадина (рис. 69, 1Б). Так обычно оформлялись рукоятки орудий из лопаточных костей крупных копытных, причем узкая часть зачастую обрабатывалась менее тщательно, чем на малоюлдашевском орудии. Вся поверхность рукоятки сильно залощена – в отличие от заготовки, перед нами явно обломок хорошо сделанного и интенсивно используемого орудия (ср. Пряхин, 1996, с. 119), но нельзя сказать – какого. Орудия на лопаточных костях крупных копытных на протяжении многих эпох выполняли разные функции: от собственно лопаток-совков (Пряхин, Килейников, 1986, с. 28, 30; Килейников, 1988, с. 108; 1997, с. 104–105; Березанская, 1990, с. 39; Усачук, 1993, с. 143; 1997, с. 133; Пряхин, 1996, с. 118; Панковський, Філатов, 2011, с. 79; Ромашко, 2013, с. 110–111; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 131, 132; и др.), орудий кожевенного производства (Никитин, 1989, с. 146; Усачук, 1993, с. 135–137; 1996б, с. 62; 2011, с. 205–207; Флерова, 2001, с. 90; Моргенштерн, 2011, р. 277–278; Пальцева, 2011, с. 122; Плеханов, 2014, с. 49–50; Антипина, Яворская, Ситдилов, 2015, с. 404; Сергеева, 2015, с. 47; Скоробогатов, 2015, с. 292; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132; и др.) и металлургии (Горашук, Колев, 2004, с. 93; Антипина, 2004, с. 225; Антипина, Яворская, Ситдилов, 2015, с. 404; Панковський, 2005б, с. 190–191; Загородня, 2014, с. 19–20) до ритуальных предметов (Флерова, 2001, с. 91; Чуев, 2003; Радлов, 2007, с. 105–107; Пальцева, 2011, с. 127–128; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2015; Антипина, Яворская, Ситдилов, 2015, с. 406). Последнее не относится к фрагменту орудия из лопатки на Малоюлдашево I – остаются варианты работы с землей, кожей, металлом или рудой. Обратим внимание и на то, что специалисты подчеркивают преимущественное использование более прочных лопаточных костей крупных копытных для кожевенного и металлургического производств (Антипина, Яворская, Ситдилов, 2015, с. 404). Судя по значительному количеству орудий кожевенного производства на памятнике, следует, на наш взгляд, отнести именно к ним и обломок орудия на лопатке КРС.

В качестве сырья для 3-х изделий коллекции послужили таранные кости копытных: левая КРС (VIII-112-9) (рис. 70, 1), правые – козы (VIII-101-5) (рис. 70, 2) и овцы (IX-129-9) (рис. 70, 3). Подобные кости и изделия из них называют астрагалами, альчиками, бабками и так далее (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014а, с. 31 и др.). В археологической литературе чаще всего применяется термин «астрагал», хотя и он многозначен (Юдин, 2009, с. 146, прим. 1; Панковський, 2013, с. 454). Интересно, что на Малоюлдашево I найдено только три астрагала, но среди них – астрагал КРС. Подобные таранные кости в качестве каких-либо

орудий или поделок встречаются реже, чем астрагалы мелких копытных (Ромашко, 2013, с. 116; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014а, с. 31–32). На таранных костях сохранились следы легких подрубов (*рис. 70, 8А, 10А*), которые можно связать с процессом разделки туши животных и вычленения таранных костей. Боковые стороны астрагала КРС (латеральная и медиальная) стерты (*рис. 70, 8В, 8В*). Локально сточены и боковые стороны астрагала козы (*рис. 70, 9А, 9Б*) и латеральная сторона астрагала овцы (*рис. 70, 10Б*). На этой таранной кости еще сточены выступающие участки на краниальной стороне (*рис. 70, 10В*). Вся поверхность астрагалов залощена до локальной заполировки, грани завальцованы. При этом на костях нет следов какой-либо сработанности, что позволило бы отнести найденные таранные кости к орудиям того или иного производства (ср. Мур, 1994, с. 257; Молодин, Ефремова, 1998, с. 306; 2010, с. 189–190; Марков, 2002, с. 43; Витезовић, 2009, с. 143–144; Подобед, Усачук, Цимиданов, 2011б, с. 284; Мыльников, Мыльникова, 2011, с. 192, Грушин, Вальков, Волков, 2016, с. 174–175). Общая сильная залощенность в сочетании с полной или частичной обработкой боковых сторон костей не противоречит тому, чтобы считать малоюлдашевские астрагалы игровыми/ритуальными¹. Судя по многочисленным археологическим и этнографическим материалам, астрагалы КРС зачастую использовались в качестве биты (Флерова, 2001, с. 110; Юдин, 2009, с. 157; Душенко, 2009, с. 441; Омакаева, 2010, с. 367; Любич, 2010, с. 372; Меснянкина, 2011, с. 101; Мяздзедзева, 2013, с. 91–92; Сотникова, 2014, с. 31; 2015, с. 26–27 и др.). Однако малоюлдашевский астрагал КРС вряд ли применялся как бита, поскольку на нем отсутствуют следы каких-либо повреждений, которые, пусть и в малой степени, но должны были возникнуть на бите (ср. Цимиданов, 2015, с. 62; Ключева, 2015, с. 50, прим. 31).

Очень плохо сохранилось изделие из головки проксимального эпифиза левой бедренной кости лошади (IV-59-13) (*рис. 70, б*). Подобные изделия/орудия обычно называются «пряслицами». Схема изготовления «пряслиц» различна: головка бедренной кости либо отпиливалась, либо подрезалась по периметру и более-менее аккуратно отламывалась. При втором варианте зачастую оставалось неровным основание «пряслица» (Усачук, 2016, с. 130). Малоюлдашевское изделие несет на поверхности слабые следы подрезки по периметру (металлическим лезвием?) (*рис. 70, 7А*) и в то же время очень ровное основание (*рис. 70, 7Б*). Вероятно, оно подрабатывалось после слома на абразиве или подрезкой, но следы не сохранились. Удален подрезкой и участок головки с ямкой (*рис. 70, 7В*), хотя и не так аккуратно, как основание. Характер изготовления отверстия неясен, скорее всего, использовалось станковое сверло (ср. Усачук, 2013б, с. 345; 2016, с. 130). На изделии сохранилась очень легкая залощенность без каких-либо ярко выраженных иных следов сработанности. Орудия из головок бедренных костей крупных копытных – полифункциональны (Флерова, 2001, с. 81; Provenzano, 2001, р. 59–66; Becker, 2005, р. 157–174; Куприянова, 2008, с. 155–156; Усачук, 2013б, с. 347; 2016, с. 130). Функция подобного малоюлдашевского изделия/

¹ Мы полностью разделяем мнение о сложности и неоднозначности интерпретации подобных находок (Молодин, 2012, с. 173).

орудия остается невыясненной. Можно лишь сказать, что через отверстие не пропускали какой-либо ремешок, как это случалось на других памятниках (Усачук, 2013б, с. 347).

К орудиям следует отнести первую (проксимальную) фалангу КРС с пробитым насквозь отверстием (I-7-4) (рис. 70, 4). Поверхность кости немного залощена. Вокруг неровного отверстия зафиксированы локальные участки небольшой залощенности (рис. 70, 11А). Подобные орудия довольно часто встречаются среди поселенческого материала различных культур среднего и позднего бронзового века (Пряхин, 1976, рис. 10, 15, 16; 1996, с. 119, рис. 77, 1¹; Никитин, 1989, рис. 8, 17; Санжаров, 2004, рис. 4, 16, рис. 12, 14, рис. 25, 7, 8, с. 55, 64; 2010, рис. 12, 18, рис. 19, 15, 16; рис. 45, 22–24, рис. 76, 11, 13, рис. 86, 32, рис. 90, 16, рис. 98, 14, рис. 127, 8, 9, рис. 185, 29, с. 281–282²; Берестнев, 1994, рис. 8, 5, с. 133; 2001, рис. 83, 9; Усачук, 1996б, рис. 1, 6; Килейников, 2001, рис. 7, 11; Обыденнов и др., 2001, рис. 25, 5, 7³; Кузин-Лосев, Усачук, 2005, с. 224, с. 227, рис. 2. 6, 7; Тоцев, 2007, рис. 83, 13⁴; Сунгатов, Бахшиев, 2008, рис. 90, 3⁵; Панковський, 2012а, с. 274–278; Куштан, 2013, рис. 32, 24; Ромашко, 2013, рис. 88, 13 и др.). По поводу применения этих изделий высказывались различные мнения (Кузин-Лосев, Усачук, 2005, с. 224; Панковський, 2012а, с. 100–101). В.Б. Панковський, например, справедливо обратил внимание на разную форму отверстий, предполагая разницу в применении орудий из первой фаланги КРС (Панковський, 2012а, с. 101). Следы на малоюлдашевском изделии не противоречат тому, чтобы предположить его использование в виде поперечного упора в составных орудиях-проколках⁶ (Кузин-Лосев, Усачук, 2005, с. 224; Панковський, 2012а, с. 101). Яркой аналогией подобного орудия одно время выступала находка проколки в упоре при исследовании постройки 2 (кожевенной мастерской) на поселении срубной культуры Преображенка 1 в Саратовском Заволжье (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 42, 14; Лопатин, 1996, с. 150; 2002, с. 56). Эта находка казалась настолько убедительна, что рисунок составного орудия из Преображенки 1 был приведен в качестве аналогии, когда речь зашла об орудиях из первой фаланги КРС на позднекатакомбных поселениях Среднего Подонцовья (Кузин-Лосев, Усачук, 2005, рис. 2, 8). Однако обратим внимание на то, что В.А. Лопатин, говоря об упорах, тем не менее в отдельных своих работах не предлагал рисунки совмещённых орудий, а давал их отдельно (Лопатин, 1996, рис. 5, 25, 29; 2002, рис. 9, 9, 21), хотя и соединил риском, чтобы продемонстрировать

¹ Изделие ошибочно названо астрагалом. Сравним с замечанием В.Б. Панковского о том, что фаланги напоминают игральные кости и их иногда называют «астрагалами» (Панковський, 2012а, с. 100).

² В описании орудий из первой фаланги КРС ошибочно дано и орудие из первой фаланги лошади (Санжаров, 2010, рис. 76, 12, рис. 197, 18, с. 281).

³ В описании этих изделий (Обыденнов и др., 2001, с. 40) присутствует какая-то путаница.

⁴ Изделие из первой фаланги КРС ошибочно названо астрагалом (Тоцев, 2007, с. 159).

⁵ Та же ошибка: изделие названо астрагалом (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 55).

⁶ В.А. Лопатин называет эти изделия «упор со специальным отверстием – приспособление для усиления нажима на проколку» (2002, с. 56). Упорами называет подобные находки и В.А. Ромашко (2013, с. 112), добавляя к орудиям из первой фаланги КРС оригинальный упор из дистального эпифиза бедренной кости КРС (2013, рис. 47, 1).

более наглядную своеобразную проекционную связь между изображениями двух орудий¹. Позже В.Б. Панковский изучил вещи в фондах Саратовского областного музея краеведения (Панковский, 2012а, с. 101, 183) и увидел, что они были найдены в разных квадратах. Таким образом, иллюстрацию в своде памятников срубной культуры Волго-Уральского междуречья (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 42, 14) нужно воспринимать, как действительно достаточно убедительную, но реконструкцию использования первых фаланг КРС с отверстиями².

В коллекции костяных изделий поселения выделяется фрагмент стержневого псаля (IV-61-4) (рис. 71, 1). Сохранилась небольшая часть изделия с двумя отверстиями в одной плоскости: крайним овальным целым (рис. 71, 2А) и центральным фрагментированным (рис. 71, 2Б). По наличию очень плавной, но грани (рис. 71, 2В) можно сказать, что центральное отверстие было тоже овальным, но размерами больше крайнего. Следы изготовления почти не сохранились из-за сильной сработанности псаля, но на некоторых деталях можно остановиться подробнее. В качестве сырья использовался рог Cervidae. На фрагменте псаля нет участка губчатого вещества, по строению которого (ср. Бородовский, 2007, с. 33) можно было бы более точно сказать, какое сырье использовалось – олений или лосиный рог. Для подобных изделий обычно брали отростки рогов Cervidae: олень, марал, лось (Бородовский, 1997, с. 87), изредка – косуля (Ailincăi, Mihail, 2010, р. 193) или закраину лосиного рога (Бородовский, 1997, с. 87–88; 2007, с. 75). Исходя из толщины компакты, мы склонны считать, что сырьем для малоюлдашевского псаля является рог лося, однако без губчатого вещества невозможно сказать, закраина ли это или, например, прямые сегменты роговой спицы (ср. Панковский, 2012а, с. 399; Панковский, 2015, с. 279–283), тем более, что именно спица лосиного рога «отличается толщиной и прочностью» (Бородовский, 2007, с. 33). Крайнее отверстие (рис. 71, 2А) изготовлено последовательным высверливанием расположенных впритык нескольких (в данном случае двух) отверстий с дальнейшим строганием для превращения этих сверлин в одно овальное отверстие. Этот прием широко известен в эпоху поздней бронзы и раннего железа (Бородовский, 1997, с. 88; Усачук, 1998, с. 78–79; 2013а, с. 109; Вальчак, 2009, с. 57; Ailincăi, Mihail, 2010, р. 192; Pankovskiy, 2016, р. 232). Характер сверла неясен. Резка не уничтожила следы первоначальных сверлин и овальное отверстие сохранило подобие «восьмеркообразной» формы (рис. 71, 2А). Торец изделия оформлен немного неровно (рис. 71, 2Г): мастер хотел сделать здесь небольшое утолщение. Намеренное утолщение для увеличения прочности достаточно узкого псаля сделано и в районе центрального отверстия

¹ Об оформлении проекционной связи в археологических рисунках см.: (Труфанов, 2015, с. 57–58).

² Первую (проксимальную) фалангу КРС использовали и в качестве рукоятки (Усачук, 1996б, с. 63; Панковский, 2012б, рис. 6, 3–5, с. 93), причем не только в эпоху бронзы, а и в раннем железном веке (Хабдулина, 2003, рис. 2, 5). На рубеже средней и поздней бронзы из подобных костей делали волчки – изделия игрового и ритуального(?) использования (Панковский, 2012б). Если брать шире хронологически, то подобные кости с отверстиями использовали в качестве аэрофонов на протяжении практически всей человеческой истории (Жожевникова, Лбова, Волков, 2011, с. 159–161; Мядзведзева, 2013, с. 89–90 и др.). Использовали проксимальную фалангу КРС и в качестве игрушек (Сергеева, 2011а, табл. 47, 12, табл. 48, 12).

(рис. 71, 2Д). Тем не менее псалий сломался именно здесь. В некоторых местах на поверхности псалия сохранились слабые следы погрызов мелкими животными (рис. 71, 2Е) – явление, фиксируемое и на псалиях, и на иных костяных или роговых предметах (Мур, 1994, с. 257; Усачук, 2002, с. 267; 2013а, с. 61; Антипина, 2004, с. 184; Кирюшин, 2014, с. 106; Усачук, Панасюк, 2014, с. 37; Панковский, 2015, с. 269–270). Края сохранившейся части центрального отверстия сильно развальцованы, а чуть выше – заполированный участок (рис. 71, 3А). Эта сработанность могла бы повлиять на наши выводы по поводу того, какая часть псалия найдена – верхняя или нижняя (ср. Панковский, 2015, с. 287–288), но участок заполировки вплоть до обесцвечивания сохранился и с другой стороны центрального отверстия (рис. 71, 3Б). Небольшая завальцованная ложбинка от утраты компакты есть и возле крайнего отверстия (рис. 71, 3В), хотя само маленькое отверстие сработано меньше центрального. Возможно, небольшое расстояние между отверстиями свидетельствует о том, что найден нижний конец псалия (ср. Панковский, 2015, табл. 1)¹, однако данных явно не хватает, а потому мы оставляем изображение псалия в таком виде, как он был нарисован (рис. 71, 1), доверившись интуиции². Таким образом, правосторонность или левосторонность на малоюлдашевском псалии не восстанавливается, зато более-менее ясно, где лицевая сторона изделия: мы полагаем, что это та, где реконструируется бóльшая толщина стержня возле центрального отверстия (рис. 71, 3Г), то есть на рисунке (рис. 71, 1) – крайняя левая позиция. Сработанность псалия не ограничивается завальцованностью отверстий, а распространяется на сломы: поверхность их завальцована и залощенность немного больше на выступающих участках (рис. 71, 3Д). Одна из граней слома (рис. 71, 3Е) заполирована. Эти несколько неожиданные следы использования коррелируются с небольшой направленной вверх развальцованностью крайнего отверстия (рис. 71, 3Ж). Очевидно, перед нами пример кратковременного использования сломавшегося псалия в виде подвески. Неясно, что стоит за этим, но обратим внимание на то, что при сборе информации по псалиям в культовых комплексах (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2010; 2013а; 2016) выяснилось, что как раз стержневидные разновидности этих изделий использовались в культовой практике чаще остальных (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013а, табл.). Кроме того, отмечено, что «в культовые комплексы поселений часто попадали сломанные псалии или заготовки» (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2010, с. 25). Возможно, иногда повреждение псалиев могло иметь ритуальный характер (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2016, с. 68).

По недавно предложенной типологии стержневидных псалиев, малоюлдашевский экземпляр, несмотря на фрагментарность, попадает в наиболее распространенную группу: *Tun II-A-2*. Для типа характерно расположение отверстий в одной плоскости, овальная форма данных отверстий и более или менее близкие их размеры (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014б, с. 89). Понятие «более или менее близкие» размеры отверстий не совсем подходит для малоюлдашевского псалия – здесь

¹ Позиции 5 и 7 – «расстояния от крайних отверстий до удильного отверстия». См. также: (Панковский, 2015, с. 289).

² Интересная деталь: фрагмент псалия нарисован дважды: для отчета и для публикации. Оба раза находку разные художники изобразили как верхний конец псалия.

крайнее отверстие (оба крайних?) явно меньше пусть и сильно фрагментированного центрального. Но обратим внимание, что именно для этого типа псалиев отмечается много вариантов (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014б, с. 89), и малоюлдашевская находка может как раз и представлять один из таких вариантов. Зато псалии типа II-A-2 могут иметь «расширения в середине и/или на концах» (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014б, с. 89), что тоже отмечается на нашем экземпляре.

Если речь зашла о том, что сломанный псалий использовался как своеобразное украшение, обратим внимание и на фрагмент первого шейного позвонка свиньи (I-10-4) с просверленным в крыле позвонка небольшим отверстием (*рис. 70, 5*). Отверстие выглядит довольно аккуратно – вероятно, использовалось станковое сверло. С одной стороны (*рис. 70, 12А*) после начала сверления сверло немного сдвинулось и начало отверстия получилось восьмеркообразным. Полученное отверстие слегка подправляли подрезкой. Некоторые участки позвонка залощены (*рис. 70, 12Б*), а по краям отверстия идет нитевидная залощенность. Подобные изделия редко находят на поселениях эпохи поздней бронзы, но вообще изделия из мелких костей различных домашних и диких животных, а также птиц, встречаются повсеместно на памятниках от мезолита (Сорокин, 2013, с. 284) вплоть до средневековья (Флерова, 2001, *рис. 59, 10–14*; Горбунов, 2011, *рис. 6, 1, 2*; Мядзведзева, 2013, мал. 48, 10–15, мал. 62, 1, 2; Панковский, 2016, с. 1032–1033 и др.). Не всегда в них видят украшения. О.В. Медведева, например, говорит о подобных изделиях и как об амулетах (Мядзведзева, 2013, с. 66), и как о жужжалках – предметах детских игр (Мядзведзева, 2013, с. 89–90).

Возможно, но с определенными колебаниями, к украшениям (ср. Шеффер, 2007, с. 129) следует отнести и найденные на поселении Малоюлдашево I клыки различных животных (VIII-100-7; XII-145-6; XII-145-6; VIII-105-9) (*рис. 72, 1-4*). На клыках зафиксированы участки залощенности, переходящей в заполировку (*рис. 72, 5–8А*), или просто сильной залощенности (*рис. 72, 6Б*). На кабаньем клыке (*рис. 72, 1*) подобная заполированность сочетается с разнонаправленными следами. Очевидно, перед нами клык с естественными следами, связанными с жизнедеятельностью животного (ср. Панковский, 2013, с. 456–457; 2016, с. 1034; Панковский, Гиря, Саблин, 2015, с. 170). Оставить его среди возможных украшений нас заставила большая вероятность использования кабаньего клыка в каких-либо обрядах (ср. Подобед, Усачук, Цимиданов, 2013б, с. 470–473). Остальные находки среди возможных украшений смотрятся под еще большим вопросом. Следов явно не хватает для однозначной их интерпретации.

Из довольно значительной по размеру заготовки, которая представляет собой расколотую вдоль трубчатую кость крупного копытного (ср. Бородовский, 1997, с. 52–53), вырезан гарпун¹ (I-1-7), сохранившийся почти целым (*рис. 73*).

¹ Обратим внимание, если следовать формальным признакам, что гарпуном является такое изделие с зубцами, которое не имеет жесткого крепления с древком, а соединяется с ним лишь с помощью линия (Сорокин, 2013, с. 274), то малоюлдашевское изделие нужно называть зубчатым острием. Мы отдаем себе отчет в возможной корректировке термина, но следуем за названиями подобных орудий в синташтинское время (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 165). Кстати, в предварительной публикации малоюлдашевское зубчатое острие пошло как гарпун (Моргунова, Евгеньев, 2016, с. 121.)

Утрачен небольшой участок острия (*рис. 74 А*) и полностью откололся один шип (*рис. 74 Б*)¹. Кроме этого, на изделии в нескольких местах – свежие сколы (*рис. 74 В*), оставленные лопатой во время раскопок участка залегания изделия. На заизвесткованной поверхности гарпуна со всех сторон сохранились локальные участки аккуратной подрезки довольно острым металлическим(?) лезвием (*рис. 74 Г*). Следы кремневого лезвия на доступных для изучения участках изделия не обнаружены. Судя по отсутствию заломов и неровных фасеток, подрезка шла по размягченному сырью (ср. Бородовский, 1989, с. 24)². Чуть более интенсивная подрезка сохранилась при изготовлении паза (*рис. 74 Д*). Здесь неторопливо шло удаление небольших по площади фрагментов компакты – мастер явно стремился оформить паз как можно более аккуратно. Тем не менее складывается впечатление, что диагональный надрез (*рис. 74 Е*), несколько нарушающий аккуратность паза, сделан специально. Следы многократной аккуратной резки сохранились на участках оформления паза (*рис. 74 Ж*) и при оформлении обоих клювовидных шипов (*рис. 74 З*). Следы эксплуатации гарпуна немногочисленны и выражаются в нитевидной залощенности по граням (*рис. 74 И*), в слабой залощенности насада (*рис. 74 К*). По сравнению с этими участками, залощенность верхней части орудия (*рис. 74 Л*) немного интенсивнее. Реконструируется плотное (жесткое) крепление гарпуна с рукояткой при помощи тонких ремней обмотки, когда, скорее всего, помогала сама форма сырья – расколота трубчатая кость с выемкой на внутренней стороне. Эта выемка давала возможность более крепко привязать круглое утончающееся древко: гарпун не двигался и нижняя его часть не получила заметного лощения. Это не исключало наличие паза в нижней части гарпуна: крепление держалось лучше.

Хронологическая позиция гарпуна, на наш взгляд, не совсем ясна. В предварительной публикации этот гарпун был уверенно соотнесен с неолитическим временем (Моргунова, Евгеньев, 2016, с. 121). Однако, работая над коллективной монографией, мы пришли к тому, что возможна иная хронологическая привязка. С одной стороны – подобные формы зазубренных острий были разработаны еще в мезолите и успешно применялись в разных регионах на протяжении всего неолита и энеолита. С другой стороны – такие орудия дожили и до синташтинского времени, судя по обломку костяного гарпуна в п. 12 памятника СМ – большого грунтового могильника Синташты (Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 79, 15). Это, а также то, что гарпун обрабатывался, скорее всего, металлическим лезвием, позволяет нам предложить возможную дату находки – не ранее синташтинского времени.

Последняя находка малоюлдашевской коллекции костяных и роговых изделий – своеобразное массивное г-образное изделие из рога оленя (Х-130-6) (*рис. 75*). Сохранность находки очень плохая, много трещин, рог расслоился, в некоторых местах осыпался, отсутствуют некоторые части. Стесаны небольшие участки рога (свежие следы) во время раскопок (*рис. 76 А*). Кстати, под вопросом

¹ В публикации (Моргунова, Евгеньев, 2016, с. 121) гарпун пошел как изделие с одним шипом.

² Обратим внимание на то, что процесс размягчения кости и рога сложен, и одним термическим воздействием (распариванием) дело могло не ограничиваться (ср. Сериков, Тупиков, 2015).

находилась даже форма изделия, но оставшиеся части кромки (*рис. 76 Б*) заставляют все-таки считать, что с утраченной стороны не было длинного выступа. Судя по толщине рога, можно сказать, что в качестве сырья использован ствол с участком «седла» (*рис. 76 В*) – началом выхода надглазного отростка (ср. Бородавский, 2007, *рис. 7*). Участок ствола оленьего рога в районе надглазного отростка и определил г-образную форму изделия. Состояние поверхности рога не позволяет увидеть какие-либо следы изготовления. Поперечные и диагональные линии (*рис. 76 Г*) – не остатки следов резки, а старые следы утраты небольших фрагментов компакты. Следы изготовления сохранились только в прямоугольном отверстии: стенки его неровные, но тщательно подрезаны. На одной из сторон выделено своеобразное широкое ложе (*рис. 76 Д*), ограниченное с боков небольшими выступами, хорошо видимыми в разрезе (*рис. 76 Е*). Поверхность ложа залощена – больше, чем остальные участки орудия (*рис. 76 Ж*) или выступы (*рис. 76 Е*). Интересно, что частично залощены и поверхности старых сломов (*рис. 76 З*). Видимо, разрушение изделия началось еще во время его использования, и участки первых сломов успели получить частичную небольшую залощенность. На узком торце фиксируются локальные плохо сохранившиеся нечеткие углубления (*рис. 76 И*). Возможно, это немногочисленные следы забитости. Сильнее, чем поверхность ложа, завальцованы края отверстия на одной из сторон (*рис. 76 К*) – до начала обесцвечивания (на другой стороне края отверстия без сработанности).

Несмотря на пусть и немногочисленные следы забитости, изделие из рога нельзя назвать топором. На наш взгляд, следы изготовления и использования выводят на первое место своеобразное ложе (*рис. 76 Д*), которое может быть основой для крепления в нем плоского металлического орудия типа тесла. Для кремневых тёсел ложе не подходит – слишком неглубокое и ровное (для сравнения укажем на найденное на Малоюлдашевском поселении тесло из крупного отщепца черного кремня) (Моргунова, Евгеньев, 2016, с. 120, 121, *рис. 10, 2*). Таким образом, роговое изделие с крупным отверстием можно назвать муфтой. Становится понятным сработанность поверхности ложа: даже хорошо закрепленное тесло при работе могло немного перемещаться. Небольшая завальцованность выступов (*рис. 76 Е*) связана с материалом крепления тесла в муфте – очевидно, тонкими кожаными ремнями. Возможные немногочисленные следы забитости (*рис. 76 И*) в таком случае располагаются на торце орудия, направленном в сторону лезвия тесла: очевидно, лезвие выступало на небольшую длину и иногда узкий торец муфты мог соприкасаться с обрабатываемым материалом. Находит объяснение и то, что края отверстия завальцованы только с внешней стороны. Скорее всего, при обвязке тесла могли использовать и часть выступающей из отверстия рукоятки, обмотав ремни и вокруг неё.

Как и с гарпуном, хронологическая привязка рогового изделия проблематична. Орудия типа молотков или муфт из фрагментов рога оленей широко применялись, начиная с палеолита (Підоплічка, 1947, с. 21; Галич, 1947, с. 150–151; Шовкопляс, 1965, с. 191–194; Філіпов, 1984, с. 36; Гавриленко, 2003, с. 244; Коваленко, Кройтор, 2016, *рис. 1, 1–14, рис. 2, 1–3* и др.) и, пусть и реже, вплоть до средневековья (Дубов, 1982, с. 177, 244; Вадецкая, 1986, табл. II, 18; Ромашко,

1987; Мацкевий, 2000, с. 27; Бородовский, 2007, с. 71, 85; Сергеева, 2011б, с. 192; Молодин, Ефремова, 2010, с. 108–109; Сорокин, 2013, с. 281–282; Скоробогатов, 2015, с. 292; Коваленко, Кройтор, 2016, с. 284–286 и др.). Отнесению роговой муфты из материалов Малоюлдашево I ко времени эпохи бронзы может помочь способ изготовления и форма отверстия. Именно для эпохи поздней бронзы А.П. Бородовский реконструирует изготовление отверстий не сверлением, а прорезанием (2007, с. 78), а В.А. Ромашко роговые и костяные изделия с прямоугольными отверстиями для крепления рукояти датирует рубежом II–I тыс. до н.э. (1987, с. 52–53).

Помимо костяных вещей, найденных в слое поселения, были рассмотрены артефакты, извлеченные из погребального комплекса, обнаруженного на территории памятника.

В числе инвентаря погребения на поселении (костяк 2) находился костяной диск с отверстием (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015, с. 66) диаметром 5,1 см, толщиной 4,5–5,0 см по краям и 0,6–0,65 см в центре. Диск имел отверстие в форме «песочных часов» (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015, с. 66). Диаметр отверстия 0,7 см с одной стороны и 0,65 см – с другой, в центре – 0,45 см. В качестве сырья для диска использовался фрагмент толстой компакты длинной трубчатой кости КРС. Обе стороны диска орнаментированы. Как выяснилось, на одной стороне орнамент более сложный. Видимо, это лицевая сторона диска (аверс). Соответственно, сторона с менее насыщенным орнаментом – оборотная (реверс).

Сохранность диска недостаточно хороша: верхний слой компакты осыпается с обеих сторон, от торца к отверстию проходит почти сквозная трещина. Утрачен небольшой участок края диска (*рис. 77, 1А*) – скол здесь свежий, очевидно, повреждение связано с расчисткой погребения. Детали оформления диска и орнамент сохранились нечетко. В этом случае «виновато» не только микроразрушение верхнего слоя компакты, но и сработанность изделия.

Для изготовления диска была взята довольно толстая заготовка компакты кости КРС. На оборотной стороне сохранился довольно длинный надрез (*рис. 77, 1Б*), который, судя по четкости граней, оставлен металлическим лезвием. Видно, что этот след был длиннее, но его менее глубокие края частично «стаяли» при износе поверхности диска. Скорее всего, надрез представляет собой остатки намётки собственно диска на прямоугольной или подквадратной заготовке. Очевидно, мастер старался как можно более аккуратно наметить контуры будущего изделия и в целом со своей задачей справился: самой намётки мы не видим, по ней и был вырезан диск, а надрез сохранился благодаря тому, что мастер сбился и в этом месте пустил лезвие чуть выше намечаемого контура диска (ср. Усачук, 2013а, с. 39). Следов обработки поверхностей не сохранилось, но подрезка плоскостей изделия, безусловно, была, поскольку вокруг отверстия сохранились остатки очень невысокого бортика-втулки (*рис. 77, 1В*). На лицевой стороне втулка была шире и, вероятно, чуть выше, чем на оборотной. Заизвесткованность стенок отверстия не дает возможности увидеть какие-либо следы, но, скорее всего, использовалось лучковое сверло, которым мастер пользовался аккуратно. Просверлив отверстие почти наполовину с одной стороны, он повторил ту же

операцию с другой: отверстие в диске идет на конус с обеих сторон (рис. 77, 1Г). По гурту изделия частично сохранились следы очень тонкого абразива. Скорее всего, абразивом обрабатывались не только торцы диска, но и его плоскости, где следы могли и не сохраниться как из-за наложившихся впоследствии следов эксплуатации, так и потому, что плоскости изделия могли полировать – такой приём позволяет более эффектно подчеркнуть орнамент на костяном изделии (ср. Абросимова, Каплан, Митлянская, 1978, с. 103, 104).

Орнаментация обеих плоскостей диска – последняя операция изготовления. По краю диска на обеих сторонах через более-менее равные промежутки просверлены небольшие лунки-точки. Глубина их до 0,1 см, диаметр до 0,1 см. Видно, как при сверлении лунки получались чуть разные по диаметру и глубине. На лицевой стороне размеры лунок практически совпадают, как и их расстояние

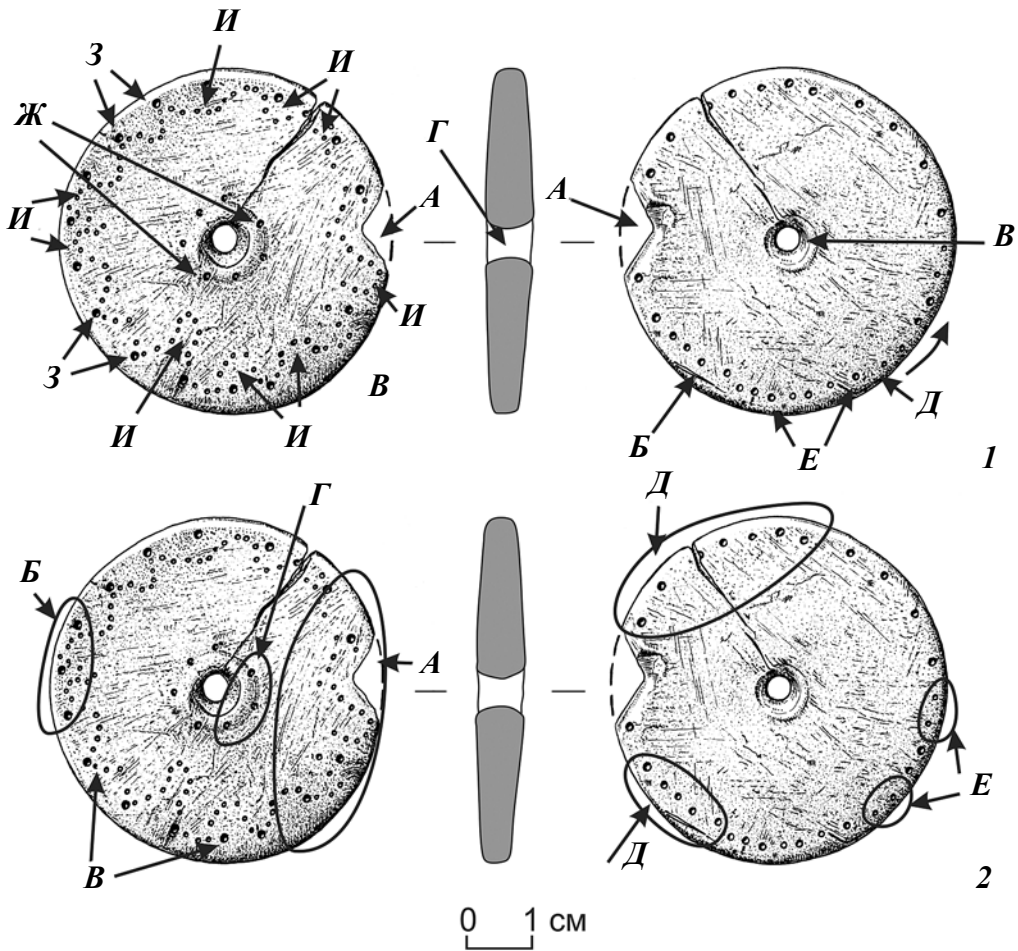

Рис. 77 – Поселение Малоюлдашево I. Погребение
1, 2 – костяной диск

друг от друга. На оборотной стороне ситуация менее аккуратная. Особенно нас заинтересовал участок стыка (рис. 77, 1Д), где явно видна разница в размерах и в расположении лунок. Рискнем предположить, что нами зафиксировано место начала нанесения орнамента, когда мастер начал сверлить лунки слева направо (рис. 77, 1Д, стрелка), но не смог выдержать одинаковые расстояния между лунками и одинаковую глубину самих лунок. Кроме того, гравировка последних точек (рис. 77, 1Е) чуть сместилась от края диска вверх по сравнению с возможным началом сверления. Помимо общего для обеих сторон орнамента по краю диска, на лицевой стороне выгравировано продолжение: мастер нанес крупные лунки вокруг отверстия (рис. 77, 1Ж), постарался сделать из лунок-точек меньшей глубины и соответственно, меньшего диаметра, зигзаг, который должен был опираться на ранее просверленные крупные лунки (рис. 77, 1З). Впрочем, композиция из мелких лунок оказалась более насыщенной и на некоторых участках зигзага – более прихотливой (рис. 77, 1И).

Следы сработанности диска выражаются в общей сильной залощенности всей поверхности изделия. По краю диска на лицевой стороне эта залощенность кое-где уже начинает переходить в нитевидную заполированность. Некоторые участки диска (рис. 77, 2А) затерты больше. Чуть менее интенсивно залощены другие участки (рис. 77, 2Б, В). Постепенная залощенность и медленное истирание лицевой поверхности изделия (плюс частичное разрушение поверхности диска после помещения его в погребение) привели к тому, что очень неглубокие лунки зигзага стали плохо видны. Это сыграло негативную роль при первой публикации диска, где отмечен только точечный орнамент по периметру (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015, с. 66). Такой же механизм действовал и в отношении втулки вокруг отверстия: истирание её и последующее частичное разрушение практически сnivelировали лунки-точки вокруг. Обратим внимание, что небольшой участок (рис. 77, 2Г) залощен чуть больше, чем остальная поверхность почти «стаявшего» бортика-втулки. На оборотной стороне диска тоже выявлены участки большей залощенности (рис. 77, 2Д), переходящие в заполировку (на один из таких участков попал и длинный надрез (рис. 70, 1Б), о котором говорилось выше). При общем истирании деталей орнамента выделяются более сnivelированные лунки-точки (рис. 77, 2Е). Гурт изделия сильно залощен. На фоне залощенности обеих сторон диска выделяется мало сработанное отверстие.

В целом, собранная информация по эксплуатации костяного диска не дает каких-либо ярких следов сработанности. Довольно сильный износ поверхностей происходил постепенно: изделие медленно истиралось, образно говоря, компакта «стаивала». При этом диск не подвешивался на каком-либо шнурке (это дало бы иную картину сработанности отверстия), а, скорее всего, наглухо крепился к какой-то эластичной основе. Вся эта «спокойная» сработанность не противоречит тому, что диск мог использоваться в качестве нашивного украшения. Близкие малоюлдашевскому диску изделия мы находим в синташтинских и потаповских комплексах – сошлемся на подборку, которую недавно использовал Р.А. Мимоход в поисках аналогий поясным подвескам типа Элиста-Калиновский позднелоллинской культуры (Мимоход, 2013, рис. 65, 2–7). Встречаются такие

диски и в погребениях доно-волжской абашевской культуры, например, в п. 4 Филатовского кургана (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 10, 4). Правда, от этих дисков малоюлдашевский отличается пусть невысокой, но втулкой и весьма своеобразной орнаментацией. Вряд ли здесь сказывается небольшая разница в характере использования костяных дисков: наглухо прикрепленный (пришитый) малоюлдашевский и подвески из других синташтинских и потаповских комплексов. Скорее всего, костяные украшения в ряде культур конца средней – начала поздней бронзы могли выглядеть и использоваться немного по-разному¹, оставаясь украшениями². К слову, упомянутые выше позднеолочинские подвески типа Элиста-Калиновский изогнуты в сечении и изготовлены из весьма своеобразного сырья – черепной крышки человека (Мимоход, 2013, с. 125, 130).

В ногах костяка 2 находились 4 острия (рис. 78). В качестве сырья для них была выбрана довольно толстая компакта кости крупного копытного. Длина изделий различна: 2 экз. – 10, 5 см (рис. 78, 2, 4) и 1 экз. – 9,0 см (рис. 78, 1). Еще одно изделие (рис. 78, 3) немного сломано с тыльного торца и настоящая его длина неизвестна. В разрезе все острия овально-подпрямоугольные. Подобная форма получилась из-за того, что выбранные фрагменты сырья были аккуратно подструганы вдоль длинной оси изделий – очевидно, так не только сузили и выровняли заготовки, но и оформили острые торцы. Аккуратность сохранившихся участков подстругивания свидетельствует о том, что применялось острое металлическое лезвие, а кроме того, сырье было в приемлемом для обработки виде – нет заломов и уступов, характерных для обработки высохшей кости (ср. Бородовский, 1989, с. 25). Грани на сторонах острий видны не по всей длине, потому что после строгания почти готовые орудия были дополнительно обработаны на тонком абразиве.

На следы изготовления наложились следы использования в виде тонких царапин, продольных и диагональных по отношению к длинной оси орудий. Наиболее сильно сработаны кончики острых торцов 3-х орудий (рис. 78, 1А, 2А, 4А) – они заполированы до обесцвечивания (жирный блеск). На острие одного орудия (рис. 78, 4А) небольшой скол компакты, который завальцован. Вверх по стержню в двух случаях заполированы участки поверхности стержней (рис. 78, 2Б, 4Б). На еще одном орудии вверх по стержню не полировка, а только залощенность (рис. 78, 1Б). На последнем орудии (рис. 78, 3) подобной сработанности нет, хотя линейная заполировка уже начала формироваться в верхней части стержня (рис. 78, 3А). Такая же залощенность, но менее интенсивная, фиксируется и на

¹ Обратим внимание на то, что и в позднебронзовое время существует проблема выявления функций дискообразных предметов (с отверстиями и без), которые трактуют как подвески, амулеты или какие-то аксессуары одежды (Литвиненко та ін., 2013, с. 194–195). Касаясь же того, что нами реконструируется глухое крепление диска, обратим внимание на точку зрения Е.В. Куприяновой, которая со ссылкой на мнение М.Л.С. Соренсена считает, что «украшения, обнаруженные при мужских костяках, как правило, имеют «свободную комплектацию», в то время как «женские украшения... были жестко прикреплены к одежде или телу» (Куприянова, 2008, с. 123). Малоюлдашевский диск относится к инвентарю женского погребения (Моргунова, Евгеньев, Купцова, 2015, с. 66).

² Есть мнение, что подобные диски могут быть принадлежностью конской амуниции (Dagóczy, 2011, p. 121, 123).

остальных орудиях (рис. 78, 1В, 2В, 4В). Чуть-чуть заложена и грань торца одного стержня (рис. 78, 2Г).

Следы использования костяных острий не противоречат интерпретации орудий в качестве проколов по мягкому эластичному материалу (ср. Усачук, 1993, с. 138; Коробкова, Виноградов, 2004, с. 76; Поплевко, 2015, с. 121 и др.). Обратим внимание на следы изготовления: как правило, проколки зачастую практически не изготавливали – подбирали морфологически удобные фрагменты костей. В этом отношении острия из погребения отличаются более внимательным подходом к сырью и тщательным изготовлением. Если прибавить к этому регламентацию в размерах по крайней мере 2-х орудий, можно было бы подумать, что перед нами остатки какого-то приспособления, в котором использовались все острия. Однако против подобного вывода свидетельствует картина следов износа – она близка, но различается в интенсивности. Видимо, орудия использовали в качестве проколов, но разное время и меньше всего, к примеру, изделие с утраченным тыльным торцом (рис. 78, 3). Работа остриями в наборе подразумевает и какую-то основу, но пусть небольшая, но сработанность верхних торцов и частей стержней свидетельствует о том, что орудия использовались без каких-либо рукояток.

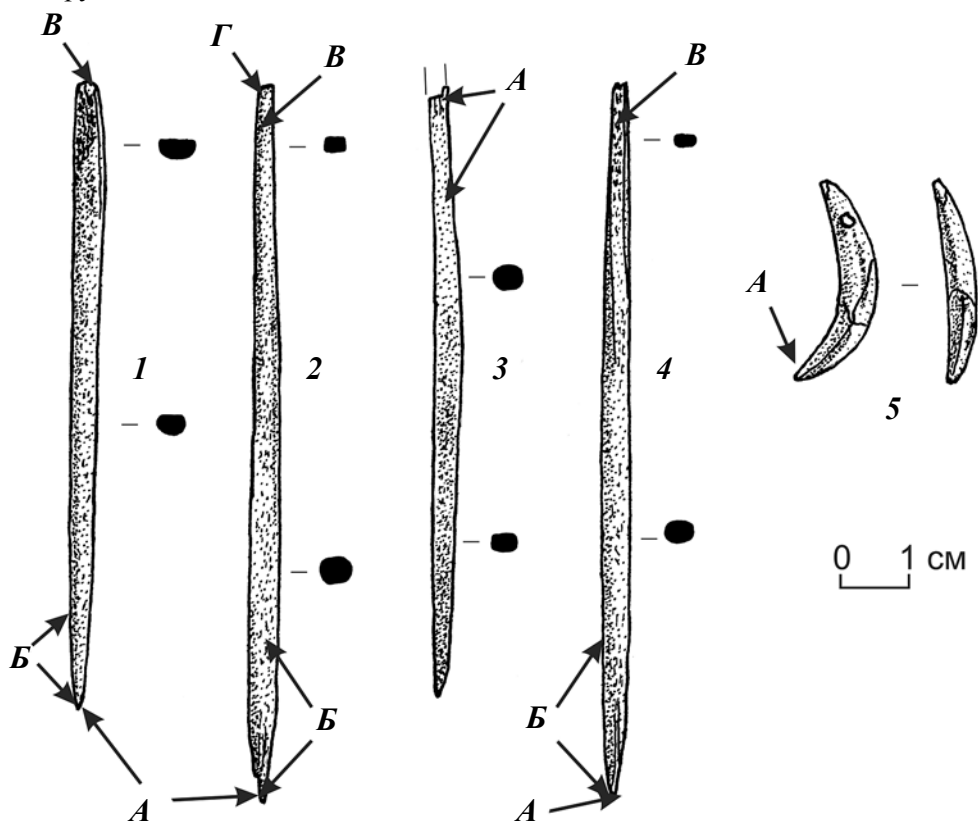

Рис. 78 – Поселение Малоюлдашево I. Погребение

1–4 – костяные острия. 5 – клык животного

Кроме диска и проколов, в погребении 1 найдена и подвеска из клыка животного с просверленным в верхней части отверстием (рис. 78, 5) – типичное украшение, часто встречаемое во многих культурах среднего и позднего бронзового века (ср. Мимоход, 2013, с. 205). Весь клык залощен, нижняя часть – дентин – (рис. 78, 5А) заполирована.

3.3 Техничко-технологический анализ керамики позднего бронзового века

Анализ керамики с Малоюлдашевского поселения был проведен по методике А.А. Бобринского, разработанной им в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978, 1999). В выборку исследования были включены 6 полных форм и 22 фрагмента от 28 разных сосудов, распределенные по двум культурно-хронологическим горизонтам эпохи поздней бронзы. Количество сосудов в группах в выборке определялось их соотношением к генеральной совокупности сосудов, извлечённых из культурного слоя. Всего изучено два сосуда, относящихся к синташтинско-абашевскому культурно-хронологическому горизонту, и 26 сосудов срубного культурно-хронологического горизонта. Среди срубных сосудов рассмотрено 12 сосудов классического срубного облика, 8 сосудов с «покровскими» чертами, 6 сосудов синкретичного срубно-андроновского облика.

Гончарная технология, согласно методике, рассматривалась как системное образование, состоящее из иерархических уровней – стадий керамического производства (подготовительная, созидательная и закрепительная), разделённых на десять ступеней – обязательных задач, выполнение которых необходимо для изготовления сосуда. В рамках подготовительной стадии – это 1) отбор, 2) добыча и 3) обработка исходного сырья, 4) составление формовочной массы; созидательной стадии – 5) конструирование начина и 6) полого тела сосуда, 7) придание ему формы и 8) механическая обработка его поверхностей; закрепительной стадии – 9) придание сосуду прочности и 10) устранение влагопроницаемости его стенок. Технологическая информация представлена по культурным группам в соответствии с приведённой системой. Спаи между конструктивными элементами сосудов представлены на *рисунке 79*.

Сосуды синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта

Сосуд (рис. 34, 9) изготовлен из незапесоченной ожелезненной глины, в которую в качестве искусственной примеси была добавлена термически обработанная дробленая раковина. Раковина дробилась до получения включений от 0,1 до 5 мм и добавлялась в концентрации 1:3.

Сохранившаяся часть сосуда распадается на элементы конструирования, что позволило определить, что его полое тело было изготовлено из жгутов. Поверхность сосуда была заглажена неустановленным гладким твердым предметом. Орнаментация производилась ребристым штампом и прочерчиванием, а также путем формования желобков.

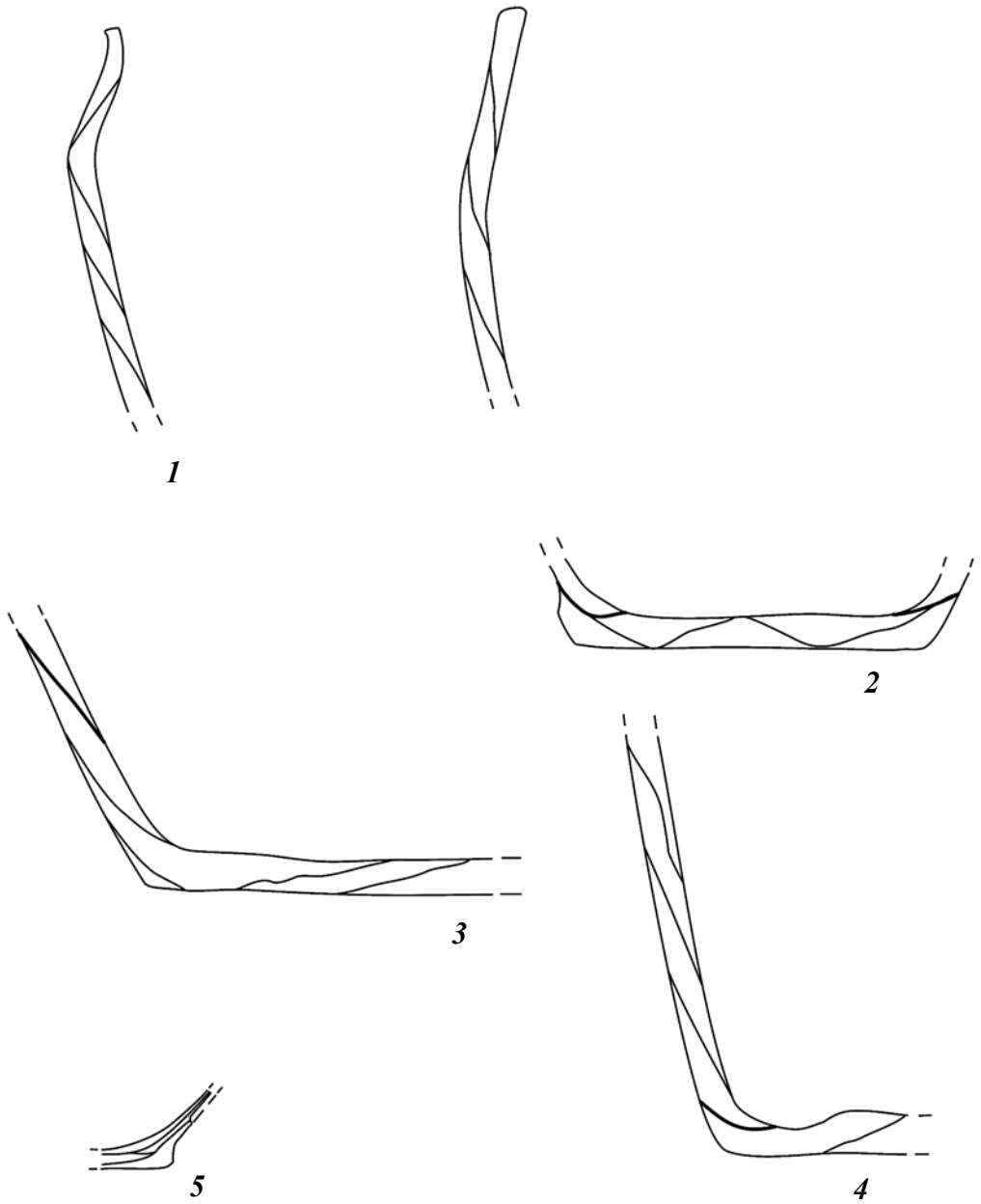

Рис. 79 – Спаи между конструктивными элементами в изломах сосудов с Малоюлдашевского поселения

1 – срубный сосуд с «покровскими» чертами: IX-128 сосуд 3 – полое тело из жгутов по спирали.
 2–4 – сосуды классического срубного облика: II-22-8 – донный начин, спирально-жгутовой налеп;
 IV-59-13 сосуд 2 – донно-емкостный начин, спирально-жгутовой налеп; II-21-7 сосуд 2 – донный начин, спирально-жгутовой налеп; 5 – срубно-алакульский сосуд: II-20-8 – донно-емкостный начин, спирально-лоскутный налеп

Обжиг производился в окислительной среде.

Сосуд (рис. 34, 13) изготовлен из незапесоченной илистой глины, подобной той, из которой изготовлены несколько сосудов «покровского» облика. В исходное пластичное сырье был добавлен шамот размером 0,5–2 мм в концентрации 1:4 и навоз в естественно-увлаженном состоянии.

Поверхность сосуда первоначально была заглажена гребенчатым штампом, после чего более тщательно гладким твердым предметом. Сосуд орнаментирован оттисками гребенчатого штампа и прочерчиванием ровной рабочей частью шпателя, шириной около 6 мм.

Обжиг был произведен в полуокислительной среде, о чем говорит серо-бежевый цвет поверхности и очень тонкая прослойка (менее 1 мм) прокаленной глины у внешнего края поверхности.

Сосуды «покровского» облика срубного культурно-хронологического горизонта

1. Подготовительная стадия. При изготовлении сосудов с «покровскими» чертами использовались три вида исходного пластичного сырья: илы, илестые глины и природные глины. Из ила был изготовлен один сосуд «покровского» облика. Данный вид исходного пластичного сырья был определен по признакам, выделенным А.А. Бобринским и И.Н. Васильевой в их совместной работе (Бобринский, Васильева, 1998). В качестве естественных примесей ил содержал мелкие (менее 0,2 мм) фрагменты раковин моллюсков, мелкий разноцветный окатанный песок, а также отпечатки водной растительности.

Из илестых глин были изготовлены два сосуда. По результатам анализа данного пластичного сырья были выделены два вида илестых глин. Один – с естественной примесью мелких фрагментов раковины моллюсков и обломочного бурого железняка. Второй – с естественной примесью мелкого окатанного разноцветного песка и единичными включениями обломков раковины размером около 0,1–0,2 мм.

Природных глин также выделено два вида. Из сильнозапесоченной, содержащей большое количество мелкого окатанного разноцветного песка, изготовлено два сосуда. Три сосуда изготовлены из незапесоченной глины. Оба вида глин – ожелезненные. Все виды исходного пластичного сырья были замешаны в естественно-увлаженном состоянии.

Из непластичного исходного сырья были зафиксированы шамот, дробленая раковина, дробленый шлак, навоз, выжимка из навоза и органический раствор. Шамот дробился до получения фракций в среднем 0,5–2 мм. Реже в формовочных массах встречаются включения менее 0,5 мм и более 2 мм (до 3–4 мм). Размерность включений шлака в среднем 1–2 мм. Максимальный размер включений дробленой раковины достигает 4 мм, минимальный – менее 0,1 мм. Остальные размерности распределены между этими двумя показателями примерно равномерно. Такие признаки, как пепельно-серый цвет включений, расслоение раковины по горизонтальным слоям и наличие пылевидной фракции, указывают, что раковина перед дроблением была предварительно нагрета (Салугина, 2006,

с. 380). Органические примеси представлены навозом, использовавшимся в естественно-увлаженном состоянии, выжимкой из навоза, а также органическим раствором, определяющимся по белесому налету на порах в изломе.

Для большинства срубных сосудов «покровского» облика характерен свой индивидуальный рецепт формовочной массы. Однако если сгруппировать отдельные виды исходного сырья, то можно увидеть, что рецепт формовочной массы для половины сосудов можно представить в виде: пластичное сырье + шамот + органическая примесь. В эту группу попадают рецепты:

глина + шамот + органический раствор;

илистая глина + шамот + навоз;

илистая глина + шамот + выжимка;

глина + шамот + выжимка.

Формовочные массы других сосудов составлены по следующим рецептам:

илистая глина + шамот;

глина + шамот + дробленая раковина + навоз;

глина + шамот + шлак + навоз;

ил без искусственных примесей.

Наблюдение за концентрацией искусственных примесей показало, что шамот в большинстве случаев (5 из 7) добавлялся в небольшой концентрации 1:7–1:8. В формовочной массе с илистой глиной, навозом и шамотом концентрация шамота составляла 1:4, а в массе с глиной, дробленой раковиной, навозом и шамотом – 1:6. Концентрация дробленой раковины в последней массе также 1:6. Дробленый шлак добавлялся в незначительной концентрации 1:8.

2. Созидательная стадия. Данные по конструированию керамики удалось получить по двум сосудам. Один – небольшой сосуд баночной формы, орнаментированный отпечатками ногтей и полой трубкой. Установлено, что полое тело данного сосуда было изготовлено из жгутов, навитых по спирали. Форма сосуду придана путем выдавливания на плоскости. Этот сосуд следует отметить особо, поскольку информация о его конструировании была получена не в результате анализа излома, а при рассмотрении следов на поверхности, видимых вследствие плохого качества ее заглаживания пальцами. Это и то, что ногтевые вдавления, которыми сосуд орнаментирован, имеют небольшую длину (6–8 мм), позволяет предположить, что данная банка была изготовлена ребенком на стадии его обучения гончарному делу.

Начин второго сосуда был изготовлен из жгутов, навитых по спирали по донно-емкостной программе. Полое тело сосуда было изготовлено также спирально-жгутовым налепом. Сосуд сформован путем выдавливания пальцами на плоскости. Отдельные признаки, такие как наличие уплощенных участков на поверхности, указывают на выправление формы неинтенсивным выбиванием колотушкой с гладкой рабочей поверхностью.

Традиции обработки поверхности и орнаментации сосудов с «покровскими» чертами также разнообразны, как и традиции отбора исходного сырья и составления формовочных масс. Зафиксированы два направления обработки поверхности: безгрунтовочное и химико-термическое. В рамках безгрунтовочного направления выделяется простое заглаживание (в скобках здесь и далее указано

количество случаев применения традиции) пальцами (1), щепой (1), деревянным ножом (2), гладким твердым предметом (1), торцом шпателя (1), а также гладким твердым предметом, совершенным после заглаживания гребенчатым штампом (1). На одном сосуде зафиксировано лощение, произведенное после заглаживания гребенчатым штампом. Химико-термическое направление представлено обвариванием, зафиксированным в двух случаях.

Орнаментировались сосуды оттисками гладкого (2), гребенчатого (2) и ребристого (1) штампов. Кроме того, встречается прочерчивание (1), формирование желоба (1) и оттиски ногтей (1) и полый трубочки (1).

3. Закрепительная стадия. Прочность сосудам придавалась в результате обжига в открытых обжиговых устройствах – костре или очаге, – проводимого в окислительной (5) или восстановительной (3) средах. Кроме того, выше отмеченное обваривание поверхности служило дополнительным устранением влагопроницаемости.

Сосуды срубного культурно-хронологического горизонта классического срубного облика

1. Подготовительная стадия. В качестве пластичного исходного сырья гончары срубной культуры использовали ил и глины. Ил, зафиксированный по одному сосуду, судя по качественным и количественным характеристикам естественных примесей, использовался тот же, что и при изготовлении сосудов «покровского» облика. Глины отбирались в основном незапесоченные (6 случаев), но встречаются и как среднезапесоченные (2), так и сильнозапесоченные (2). Естественный песок в примеси окатанный, разноцветный, размером менее 0,2 мм. Стоит также отметить, что в 4 из 6 случаях использования незапесоченных глин замешивалась сухая дробленая глина. Во всех остальных случаях глины приготавливались в естественно-увлажненном состоянии. Отдельно стоит зафиксированный по одному сосуду вариант смешения в одной массе двух незапесоченных глин с разной степенью ожелезненности.

Так же, как и в раннесрубной группе, формовочные массы составлялись, в основном, по принципу смешения исходного пластичного сырья с шамотом и органической примесью. Такие формовочные массы встречаются в 9 случаях из 12. В качестве органической примеси в них использовались выжимка (3), органический раствор (4), навоз в естественно-увлажненном состоянии (1), а также навоз и органический раствор вместе в одной формовочной массе. Подробно виды формовочных масс и их количественное распределение представлены в *таблице 23*.

Шамот в массу добавлялся обычно (9 случаев из 12) в концентрации от 1:4 до 1:6, в двух случаях в малой концентрации 1:7–1:8, в одном случае в большой концентрации 1:3. Из других искусственных примесей в срубной группе использовался также дробленый шлак размером 0,5–2 мм, добавленный к илу в концентрации 1:5. Два срубных сосуда были изготовлены из формовочной массы, содержащей, кроме глины, шамота и выжимки, дробленую кальцинированную кость, размером около 0,5 мм в очень малой концентрации (менее 1:8).

Таблица 23 – Рецепты формовочных масс срубной культурной группы

Рецепт	Количество	Рецепт	Количество
Г+Ш+ОР	3 (25%)	Г+Ш+Н+ОР	1 (8,3%)
Г+Ш+Вж	3 (25%)	2Г+Ш+ОР	1 (8,3%)
Г+Ш+Вж+К	2 (16,8%)	Ил+Шл	1 (8,3%)
Г+Ш+Н	1 (8,3%)		

Примечание: Г – глина, 2Г – смесь двух глин, Ш – шамот, Шл – шлак, К – кость, Н – навоз, Вж – выжимка из навоза, ОР – органический раствор.

2. Созидательная стадия. Данные о конструировании получены по трем сосудам. Начины двух из них изготовлены по донной программе спирально-жгутовым способом. Донно-емкостный начин третьего сосуда также изготовлен из жгутов, навитых по спирали. Полые тела всех трех сосудов – спирально-жгутовые.

В таблице 24 представлены способы обработки поверхности и их количественное соотношение. Большая часть сосудов заглаживалась (6). По некоторым сосудам видно, что их поверхности первоначально были заглажены гребенчатым штампом и пучком травы, после чего было произведено более тонкое заглаживание деревянным ножом (1) и неустановленным гладким твердым предметом (1). Поверхность пяти срубных сосудов была залощена, причем в двух случаях лощение производилось поверх предварительного заглаживания гребенчатым штампом. В рамках химико-термического направления применялось обваривание, зафиксированное на одном лощеном сосуде.

Таблица 24 – Способы обработки поверхности

Способы	Количество	Способы	Количество
Л	3 (26%)	Т+ГТП	1 (8,3%)
ГШ+Л	2 (16,7%)	МП	1 (8,3%)
ДН	2 (16,7%)	Пл	1 (8,3%)
ГШ+ДН	1 (8,3%)	ГТП	1 (8,3%)

Примечание: Л – лощение, ГШ – заглаживание гребенчатым штампом, ДН – заглаживание деревянным ножом, Т – заглаживание тканью, ГТП – заглаживание гладким твердым предметом, МП – заглаживание мягким предметом, Пл – заглаживание пальцами.

Сосуды классического срубного облика орнаментировались оттисками гладкого (4), гребенчатого (3) и ребристого (1) штампов. Также встречаются прочерчивание (1) и наколы углом гладкого штампа (1). Стоит отметить характерную особенность одного вида гребенчатого штампа, представленного оттисками зубцов, длина которых в 3–4 раза превышает их ширину. Три сосуда неорнаментированы.

3. Закрепительная стадия. Две трети сосудов обожжены в окислительной среде (8 из 12). Один из них после обжига обварен, что повысило его водонепроницаемость. Остальные четыре сосуда обожжены в восстановительной среде без доступа кислорода.

Сосуды срубно-андроновского облика

Срубно-алакульская посуда

1. Подготовительная стадия. Из четырех сосудов три были изготовлены из сильнозапесоченной ожелезненной глины. В качестве естественной примеси глина содержала разноцветный окатанный песок размером менее 0,2 мм. Четвертый сосуд был изготовлен из незапесоченной илистой глины. Все исходное пластичное сырье было использовано в естественно-увлажненном состоянии.

Из непластичного исходного сырья были зафиксированы шамот дробленый до получения фракций 0,5–2 мм (отдельные до 3 мм), навоз, использовавшийся в естественно-увлажненном состоянии, и выжимка из навоза.

Формовочная масса двух сосудов, изготовленных из природной глины, была составлена по рецепту глина + шамот + навоз. Третьего – по рецепту глина + шамот + выжимка из навоза. В формовочную массу сосуда, изготовленного из илистой глины, был добавлен только шамот.

2. Созидательная стадия. Начин единственного сосуда, по которому удалось определить способ его конструирования, был изготовлен по донно-емкостной программе спирально-лоскутным способом. Его полое тело также было изготовлено из лоскутов, наложенных по спирали.

Из способов обработки поверхности на срубно-алакульских сосудах были зафиксированы заглаживания неустановленным гладким твердым предметом и деревянным ножом. Один сосуд в нижней части (до плеча) был заглажен гребенчатым штампом, а в верхней части – деревянным ножом. Поверхность еще одного сосуда была залощена. Кроме того, два заглаженных сосуда после обжига были обварены.

Орнаментировались срубно-алакульские сосуды в основном гребенчатым штампом (3 из 4). Причем при орнаментации одного из сосудов были использованы два вида гребенчатых штампа, отличающиеся размером (1 мм и 1,5–2 мм). У другого сосуда использование гребенчатого штампа сочеталось с использованием гладкого. У четвертого сосуда орнамент был составлен из прочерченных линий.

3. Закрепительная стадия. Из четырех срубно-алакульских сосудов три были обожжены в окислительной среде, а два из них после обжига были обварены. Четвертый сосуд был обожжен в восстановительной среде.

Орнаментация одного фрагмента более тяготеет к алакульской традиции, чем украшение всех остальных изделий данной группы. О его, вероятно, «импортном» алакульском происхождении можно судить, опираясь на использование протасенной гребенки в орнаментации и отдельные приспособительные гончарные традиции, зафиксированные при анализе фрагмента данного сосуда. Форма данного сосуда не сохранилась. Он изготовлен из среднезапесоченной илистой глины, содержащей естественную примесь раковины. В качестве непластичного исходного сырья были использованы шамот размером 0,2–0,5 мм (единичные 2–3 мм) в концентрации 1:6 и навоз в естественно-увлажненном состоянии.

Поверхность сосуда была заглажена гладким твердым предметом. Орнаментация, как уже было указано выше, производилась протаскиванием гребенки, шириной 7 мм, имеющей 4 зубца.

Обжиг сосуда производился в восстановительной среде.

Сосуд срубно-кожумбердынского облика

В качестве исходного пластичного сырья для изготовления данного сосуда была использована незапесоченная ожелезненная глина, в которую был добавлен очень мелкий шамот. Размерность шамота начиналась от пылевидных включений до 0,5 мм (редко 1 мм). Концентрация шамота 1:3. Кроме того, в формовочную массу добавлялась небольшая концентрация (судя по количеству отпечатков измельченной растительности) навоза.

Поверхность сосуда залощена. Орнамент наносился мелкогребенчатым штампом (0,8 мм), подтреугольными наколами, а также прочерчивались каннелюры, шириной 2,5–3 мм.

Обжиг сосуда производился в восстановительной среде.

Выводы

Сравнивая технологические традиции срубной керамики «покровского» облика и классической срубной керамики, можно заметить, что традиции первой более разнообразны. Это проявляется уже на стадии отбора исходного пластичного сырья. Особенно обращает на себя внимание, что в «покровской» группе широко представлены глиноподобные виды сырья – илестые глины и ил, в то время как в классической срубной группе ил встречается только единожды. Также для посуды «покровского» облика отмечаются более разнообразные виды непластичного сырья – компоненты формовочной массы, способы обработки поверхности и орнаментации. В целом, все выделенные по сосудам данных групп гончарные традиции характерны для срубных племен, что подтверждается анализом керамических коллекций с памятников Среднего Поволжья и степного Приуралья (Салугина, 2014). В то же время широкий спектр выделенных традиций указывает на неоднородность срубных групп населения и на процессы их активного смешения.

Срубно-алакульские сосуды в технологическом плане не обладают какими-либо характерными особенностями. Те традиции, по которым они были изготовлены, выделялись ранее и при анализе срубной керамики.

В то же время можно отметить, что традиции изготовления срубно-алакульской посуды менее разнообразны, чем традиции изготовления керамики «покровского» и классического срубного облика. Видно, что здесь отдается предпочтение незапесоченной природной глине, рецепту формовочной массы глина + шамот + навоз (выжимка из навоза), орнаментации гребенчатым штампом, а также затемнению поверхности, полученному путем обжига в восстановительной среде или обваривания. Кроме того, срубно-алакульский сосуд, по которому удалось определить способ конструирования, оказался единственным из проанализированных, изготовленный лоскутным налепом. Все остальные сосуды, способ конструирования которых был установлен, изготовлены из жгутов. Таким образом, целесообразность выделения сосудов срубно-алакульского облика в отдельную культурную группу подтверждается технико-технологическим анализом.

Два сосуда, отнесенные к синташтинской культуре, были изготовлены различными способами. И если технология изготовления одного из сосудов в целом

идентична технологии большей части сосудов на памятнике, то гончарные традиции, выделенные при анализе второго сосуда, довольно специфичны для данного поселения. В его формовочную массу была добавлена некалиброванная дробленая раковина в значительной концентрации (1:3), а термическая обработка проходила в окислительной среде при длительном воздействии температур каления, что привело к полному прокаливанию черепка. Подобные традиции не были зафиксированы при анализе сосудов других культурных групп памятника.

Сосуд, сочетающий признаки срубного и кожумбердынского гончарства, также значительно выбивается по набору приспособительных традиций от сосудов других культурных групп. В его формовочную массу был введен очень мелкий шамот (от пылевидных фракций до 0,5 мм) в большой концентрации.

Выделенные на Малоюлдашевском поселении гончарные традиции позволяют сделать некоторые выводы о культурных процессах. Основное их развитие связано со срубными племенами. В связи с тем, что типы и технологические группы сосудов, массово распространившиеся на развитом этапе, встречались и на раннем, трудно достоверно разделить всю срубную керамику поселения по хронологическим периодам. В то же время такие традиции, как использование илов, илистых глин и дробленой раковины, характерные для посуды «покровского» облика, широко были распространены на раннем этапе срубной КИО (Салугина, 2014). Однако, учитывая, что основной набор приспособительных и субстратных навыков изготовления «покровской» и классической срубной посуды очень близок, можно сказать, что на поселении наблюдается постепенный процесс изживания одних традиций и развития других у одного населения.

Что касается алакульского влияния, то в технологии оно практически никак не проявляется, за исключением, возможно, распространения традиций лощения и обваривания поверхности сосудов. То, что способы изготовления срубно-алакульской посуды можно выделить в отдельную технологическую группу, и то, что собственно алакульская керамика на поселении почти не встречается, позволяет предположить, что срубно-алакульская культурная группа пришла на памятник в уже сложившемся виде и старалась сохранить свое своеобразие. Стоит также отметить, что один срубно-алакульский сосуд и сосуд, определенный как «импортный» алакульский, были изготовлены из илистой глины, что может служить косвенным указанием, что приход данной группы на памятник произошел на этапе изготовления на поселении срубных сосудов «покровского» облика.

Характерные особенности технологии изготовления одного из синташтинских и срубно-кожумбердынского сосудов, очевидно, связаны с их хронологической позицией, маркирующей наиболее ранний и, соответственно, наиболее поздний этапы бытования поселения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Культурно-хронологическая интерпретация материалов поселения Малоюлдашево I

На поселении Малоюлдашево I, исследованном в результате охранно-спасательных археологических раскопок с привлечением комплексной методики, выявлены материалы различных хронологических эпох.

Самый ранний период освоения территории изучаемого поселения связан со временем конца неолита – начала энеолита. Указанный культурно-хронологический горизонт представлен керамикой, характеризующейся гончарными традициями волго-уральской и самарской культур. К этому же периоду относятся разнообразные изделия из камня: нуклеусы для скалывания пластин, отщепы и сколы, ножевидные пластины. Неолитическая керамика и кремневый инвентарь сосредоточены главным образом в центральной и южной частях раскопа; таким образом, площадь неолитического поселения была меньше площади поселения эпохи бронзы. Не следует исключать возможности разрушения площадки поселения с неолитическим слоем автодорогой, проходящей к югу от памятника. Перекрытие неолитического поселения слоем эпохи поздней бронзы привело к частичному разрушению неолитического слоя, что выразилось, в частности, в перемещении артефактов этой эпохи в верхние слои памятника.

Второй хронологический период функционирования поселка связан с эпохой позднего бронзового века.

Площадка памятника начала осваиваться в самом начале эпохи поздней бронзы: материалы этого времени представлены погребальным комплексом, керамикой синташтинско-абашевского облика, а также бронзовым ножом, найденным в культурном слое. Предположительно, к этому времени относится гарпун, обнаруженный на участке I.

Население срубного культурно-хронологического горизонта являлось самым многочисленным за все время существования поселка, и период его проживания здесь был наиболее длительным. Керамику типичного срубного облика довольно затруднительно разделить хронологически, так как все присущие культуре типы посуды появляются в самом начале ее существования (Семенова, 2003, с. 173; Мочалов, 2003, с. 60). Однако, исходя из наличия в слое срубной керамики с «покровскими» чертами, можно говорить о том, что временной разрыв между освоением площадки в синташтинское время и обживанием ее населением срубной культуры был небольшим, так как хронологически синташтинское и покровское время стыкуются между собой (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 140, 142, 143, 145). Судя по данным радиоуглеродного датирования памятников синташтинского круга и срубных памятников, материалы которых характеризуются «покровскими» чертами, можно говорить о том, что в эпоху поздней бронзы

территория памятника начала осваиваться не позднее XVIII в. до н.э. (Молодин, Епимахов, Марченко, 2014, с. 145).

Начало срубно-алакульского взаимодействия в Оренбургском Предуралье фиксируется исследователями уже на покровском этапе срубной культуры (Богданов, Халяпин, 2000, с. 48; Моргунова и др., 2014, с. 100), а вот наличие на памятнике сосудов с кожумбердынскими чертами позволяет предположить, что поселок обживался и в постпокровский период (Моргунова и др., 2014, с. 101–102).

В целом, говоря о характере культурных связей, следует отметить тот факт, что срубное население занимало здесь доминирующее положение, включение андроновской составляющей было незначительным и какого-либо решающего воздействия на облик срубной материальной культуры не оказало. Данный тезис подтверждается и технико-технологическим анализом керамики, показавшим, что срубно-алакульские сосуды в технологическом плане не выделялись какими-либо особенностями. Технология их изготовления во многом сходна с той, по которой была сделана посуда типичного срубного облика. Похожая ситуация зафиксирована и на погребальных памятниках Оренбургского Предуралья (Купцова, Мухаметдинов, 2016, с. 163).

К позднему бронзовому веку относятся две изученные на поселении постройки из камня. Для территории Волго-Уральского региона случаи использования камня в домостроительстве являются крайне редкими, ближайшая аналогия обнаружена только на поселении Михайло-Овсянка Самарской области. Однако каменные постройки широко известны на территории Северо-Восточного Приазовья, Нижнего Дона, Донецкого края. Малоюлдашевские сооружения довольно близки им по конструктивным особенностям и культурному наполнению, которое характеризуется доминированием традиций срубной культуры.

К эпохе поздней бронзы относятся также следующие изделия: бронзовые игла и шило, «пряслица» из керамики и кости, каменные плитки и песты, костяные тупики, струги, орудия на лопаточных костях животных, роговое изделие – муфта.

Материалы поселения показали достаточно разнообразную хозяйственную деятельность населения эпохи поздней бронзы на поселении Малоюлдашево. Основным направлением в хозяйстве являлось животноводство. Оно обеспечивало жителей поселка продуктами питания, а также сырьем для производства орудий труда и одежды. Археозоологические исследования показали доминирование крупного рогатого скота при достаточно широком разведении мелкого рогатого скота. Данные показатели являются традиционными для бытовых памятников Евразийской степи в позднем бронзовом веке.

Данные по возрастной структуре крупного и мелкого рогатого скота, с большой долей уверенности, позволяют говорить о подвижности населения поселка. Возможно, данное поселение в эпоху поздней бронзы носило сезонный характер. Косвенным доказательством этому служит наземный характер построек на поселении. Данный факт может свидетельствовать о достаточной мобильности древних скотоводов, которые могли быстро построить или отремонтировать эти здания в условиях частой смены места жительства.

Кроме того, кости животных являлись сырьем для косторезного дела. На поселении найден достаточно широкий набор инвентаря, который использовался, в основном, в кожевенном производстве. Коллекция костяных изделий на поселении неяркая, но обладающая некоторыми особенностями. Помимо орудий из кости для обработки кожи, обращают на себя внимание роговое изделие – муфта, которое, возможно, использовалось в качестве держателя для тесла, а также костяные изделия для ритуальных целей.

Завершающий этап существования Малоюлдашевского поселения приходится на финальный этап эпохи бронзы, представленный несколькими фрагментами керамики и костяным стержневидным псалием, который по имеющимся аналогиям датируется XII–X вв. до н.э. (Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014б, с. 91–92). Однако в связи с малочисленностью артефактов этого времени говорить о стабильном заселении поселка в данный период не представляется возможным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Евгеньев, А. А.* Отчет о раскопках поселения Малоюлдашево I в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2012 году / А. А. Евгеньев // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

2. *Крюкова, Е. А.* Отчет о проведении археологических разведок в Красногвардейском, Тоцком, Асекеевском, Матвеевском, Бузулукском районах Оренбургской области в 2011 году по Открытому листу № 512 / Е. А. Крюкова // Архив археологической лаборатории ОГПУ.

Литература

3. *Абросимова, А. А.* Художественная резьба по дереву, кости и рогу / А. А. Абросимова, Н. И. Каплан, Т. Б. Митлянская. – М. : Высшая школа, 1978. – 151 с.

4. *Андреев, К. М.* Ранний неолит лесостепного Поволжья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Андреев К. М. – СПб., 2015. – 24 с.

5. *Антипина, Е. Е.* Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты / Е. Е. Антипина // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 7–33.

6. *Антипина, Е. Е.* Археозоологические материалы / Е. Е. Антипина // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования: сб. ст. – М. : ИА РАН, 2004. – С. 182–239.

7. *Антипина, Е. Е.* Кости животных из раскопок античных погребений Цемдолинского некрополя. Глава 7 / Е. Е. Антипина // Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. Некрополи Черноморья II : коллективная монография / ИА РАН ; отв. ред. А. А. Малышев. – М. : ИА РАН, 2008а. – С. 254–266.

8. *Антипина, Е. Е.* Состав древнего стада домашних животных: логические аппроксимации / Е. Е. Антипина // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 6. – М. : ИА РАН, 2008б. – С. 67–85.

9. *Антипина, Е. Е.* Домашние животные в жизнеобеспечении городища Настасьино (ранний железный век) / Е. Е. Антипина // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – Вып. 3. – М. : ИА РАН, 2013. – С. 142–158.

10. *Антипина, Е.* «Ковбой» Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке / Е. Антипина, А. Моралес // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – Вып. 4. – М. : ИА РАН, 2005. – С. 29–49.

11. Антипина, Е. Е. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) / Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская, А. Г. Ситдилов // КСИА. – Вып. 241. – 2015. – С. 402–408.
12. Бахшиев, И. И. Хозяйственно-жилищный комплекс поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье / И. И. Бахшиев // Вестник ЧелГУ. История. – 2008. – № 26. – С. 14–25.
13. Березанская, С. С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С. С. Березанская. – Киев : Наукова думка, 1990. – 152 с.
14. Берестнев, С. И. Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного левобережья в начале раннего железного века / С. И. Берестнев // РА. – 1994. – № 3. – С. 121–139.
15. Берестнев, С. И. Восточнoукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.) / С. И. Берестнев. – Харьков : ПФ Амет, 2001. – 264 с.
16. Берсенева, Н. А. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) / Н. А. Берсенева, Е. В. Куприянова, А. Г. Берсенов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – № 3. – С. 88–100.
17. Бобринский, А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А. А. Бобринский. – М. : Наука, 1978. – 272 с.
18. Бобринский, А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения / А. А. Бобринский // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара : Изд-во СГПУ, 1999. – С. 5–109.
19. Бобринский, А. А. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства / А. А. Бобринский, И. Н. Васильева // Проблемы истории Северного Прикаспия. – Самара : Изд-во СГПУ, 1998. – С. 193–217.
20. Богданов, С. В. Погребальные памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья / С. В. Богданов, М. В. Халяпин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 3. – Оренбург : Печатный дом «ДиМур», 1999. – С. 75–89.
21. Бородавский, А. П. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов / А. П. Бородавский // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытно-общинного строя : информационные материалы. – Свердловск : Изд-во УрО РАН, 1989. – С. 23–25.
22. Бородавский, А. П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.) / А. П. Бородавский. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. – 224 с.
23. Бородавский, А. П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла) / А. П. Бородавский. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. – 176 с.
24. Бровендер, С. М. Степановское поселение срубной общности на Донецком крае / С. М. Бровендер. – Алчевск : ДонГТУ, 2012. – 234 с.
25. Вадецкая, Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л. : Наука, 1986. – 179 с.
26. Вальчак, С. Б. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы / С. Б. Вальчак. – М. : Таус, 2009. – 292 с.
27. Васильев, И. Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья / И. Б. Васильев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1999. – С. 66–114.

28. *Васильев, И. Б.* Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья / И. Б. Васильев // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. – Самара : «Офорт», 2010. – С. 64–86.

29. *Васильев, И. Б.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге / И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семенова. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 1994. – 207 с.

30. *Виноградов, Н. Б.* Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье / Н. Б. Виноградов. – Челябинск : Южно-Уральское кн. изд-во, 2003. – 362 с.

31. *Витезовић, С.* Коштана индустрија са локалитета Страгари-Шљивик / С. Витезовић // Крушевачки зборник. – XIV. – Крушевац, 2009. – С. 135–160.

32. *Витт, В. О.* Лошади Пазырыкских курганов / В. О. Витт // СА. – 1952. – № XVI. – С. 163–205.

33. *Выборнов, А. А.* Неолит Волго-Камья / А. А. Выборнов. – Самара : Изд-во СГПУ, 2008. – 489 с.

34. *Гавриленко, І. М.* Кам'яні та кістяні вироби Гінцівського пізньопалеолітичного поселення (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) / І. М. Гавриленко // Археологический альманах. – № 13. – Донецк, 2003. – С. 232–249.

35. *Гак, Е. И.* Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи / Е. И. Гак. – М. : ГИМ, 2011. – 224 с.

36. *Галич, Д. З.* Палеолітична стоянка Чулатів II (Робочий рів) (короткий звіт про розкопки 1936 р.) / Д. З. Галич // Палеоліт і неоліт України. – Київ : Вид-во АН УРСР, 1947. – С. 149–154.

37. *Генинг, В. Ф.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В. Ф. Генинг, Г. Б. Зданович, В. В. Генинг. – Ч. 1. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. – 408 с.

38. *Горащук, И. В.* Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области / И. В. Горащук, Ю. И. Колев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара : Изд-во «Самарский ун-т», 2004. – С. 89–104.

39. *Горбов, В. Н.* Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В. Н. Горбов, Р. А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк : Украинский культурологический центр, 1999. – С. 24–69.

40. *Горбов, В. Н.* Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. – Донецк, 1997. – № 6. – С. 145–162.

41. *Горбов, В. Н.* Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны / В. Н. Горбов // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 55–59.

42. *Горбов, В. Н.* Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В. Н. Горбов, О. Я. Привалова // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тезисы докладов обл. научно-практического семинара. – Донецк, 1989. – С. 35–38.

43. *Горбунов, В. С.* Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье / В. С. Горбунов. – Куйбышев : Изд-во КГПИ, 1989. – 134 с.

44. Горбунов, В. С. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья / В. С. Горбунов, Ю. А. Морозов. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991. – 160 с.
45. Горбунов, В. С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи / В. С. Горбунов. – Уфа : Башкирский государственный педагогический университет, 1992. – 223 с.
46. Горбунов, Д. Н. Косторезное дело населения древнего Курска / Д. Н. Горбунов // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – № 3 (19). – Т. 2. – Курск, 2011. – URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/021-007.pdf>
47. Грушин, С. П. Трасологические исследования / С. П. Грушин, И. А. Вальков, П. В. Волков // С. П. Грушин, Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин, В. В. Горбунов, А. А. Казаков, П. Г. Дядьков, О. А. Позднякова, К. Н. Солодовников, С. С. Тур, Т. М. Потемкина, А. В. Бондаренко, В. А. Борисов, П. А. Косинцев, Л. Л. Гайдученко, И. А. Вальков, Г. А. Миляев, Л. В. Сатаева, П. В. Волков, Е. А. Пономарева, К. И. Воронкин. Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-I в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2016. – С. 173–180.
48. Грязнов, М. П. Землянка бронзового века близ хутора Ляпичева на Дону / М. П. Грязнов // КСИИМК. – Вып. L. – 1953. – С. 137–148.
49. Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье : коллект. моногр. / отв. ред. Н. Б. Виноградов, науч. ред. А. В. Епимахов. – Челябинск : Абрис, 2013. – 484 с.
50. Дубов, И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки) / И. В. Дубов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 248 с.
51. Душенко, А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) / А. А. Душенко // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Вып. XV. – Симферополь : Деметра, 2009. – С. 432–456.
52. Загородня, О. М. Про призначення однієї з категорій кістяних знарядь із Картамишу / О. М. Загородня // Археологія. – 2014. – № 1. – С. 15–28.
53. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей / Г. Б. Зданович. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1988. – 184 с.
54. Зданович, Д. Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника) / Д. Г. Зданович и др. – Кн. 1. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. – 216 с.
55. Каргалы. Т. III: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / сост. и науч. ред. Е.Н. Черных. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 321 с.
56. Килейников, В. В. Ремесло и домашние производства у населения донской лесостепной срубной культуры / В. В. Килейников // Исследование памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1988. – С. 97–110.
57. Килейников, В. В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы / В. В. Килейников // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж : Изд-во ВГПИ, 1989. – С. 119–126.
58. Килейников, В. В. Костяные орудия с рудника Червоно Озеро Картамышского рудопроявления / В. В. Килейников // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1997. – С. 103–105.

59. *Килейников, В. В.* Трасологический анализ орудий труда с Верхнетуровского поселения срубной культурно-исторической общности / В. В. Килейников // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы междунар. научн. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000. – С. 129–131.

60. *Килейников, В. В.* Функциональный анализ каменных, костяных и керамических орудий труда Мостищенского городища / В. В. Килейников // А. Т. Синюк, В. Д. Березуцкий. Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век). – Воронеж : ВГПУ, 2001. – С. 179–190.

61. *Килейников, В. В.* Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье / В. В. Килейников // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж : Изд.-полиграф. центр ВГУ, 2009. – С. 96–113.

62. *Кирюшин, К. Ю.* Кости со следами обработки в материалах памятника энеолита Новоильинка-III (Северная Кулунда) / К. Ю. Кирюшин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XX. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. – С. 105–112.

63. *Ключева, М. А.* К этимологии названия марийской игры митули / М. А. Ключева // Вопросы языкознания. – 2015. – № 4. – С. 37–59.

64. *Коваленко, С.* Производственный и хозяйственный инвентарь из кости, рога и бивня с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць / С. Коваленко, Р. Кройтор // Revista Arheologică, serie nouă, vol. XII, nr. 1–2. – 2016. – С. 283–295.

65. *Кожевникова, Д. В.* Простейшие аерофоны в комплексах раннего верхнего палеолита (материалы Забайкалья) / Д. В. Кожевникова, Л. В. Лбова, П. В. Волков // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – Новосибирск, 2011. – С. 155–161.

66. *Коробкова, Г. Ф.* Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III / Г. Ф. Коробкова, Н. Б. Виноградов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. – № 2. – Челябинск, 2004. – С. 57–87.

67. *Косинцев, П. А.* Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим / П. А. Косинцев // Археологический источник и моделирование древних технологий : труды музея-заповедника Аркаим. – Челябинск : центр «Аркаим», Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2000. – С. 17–44.

68. *Косинцев, П. А.* Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы / П. А. Косинцев // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. – Самара : Изд-во СГПУ, 2003. – С. 126–146.

69. *Косинцев, П. А.* Материалы по истории животноводства у населения Самарского Поволжья в бронзовом веке / П. А. Косинцев, Н. В. Рослякова // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 2. – Самара : Изд-во СГПУ, 2002. – С. 145–150.

70. *Кузин-Лосев, В. И.* Костяные предметы из позднекатакомбного поселения Казачья Пристань / В. И. Кузин-Лосев, А. Н. Усачук // Проблеми збереження і використання культурної спадщини в Україні. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції (на базі Державного історико-архітектурного заповідника м. Святогірськ Донецької області). – Слов'янськ, 2005. – С. 223–228.

71. *Кузьмина, Е. Е.* Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области / Е. Е. Кузьмина // Вопросы археологии Урала. – Вып. 2. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1962. – С. 5–12.

72. Кузьмина, Е. Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев / Е. Е. Кузьмина. – М. : Восточная литература, 1994. – 464 с.

73. Кузьмина, Е. Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе : ПринтА, 2008. – 358 с.

74. Куприянова, Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана) / Е. В. Куприянова. – Челябинск : Авто Граф, 2008. – 244 с.

75. Купцова, Л. В. К вопросу о каменных конструкциях в погребальном обряде раннесрубной культуры Западного Оренбуржья на примере Боголюбовского курганного могильника / Л. В. Купцова // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона. – Самара : ПГСГА, 2014а. – С. 65–74.

76. Купцова, Л. В. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология / Л. В. Купцова // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 11. – Оренбург : Изд-во ОГУ, 2014б. – С. 177–196.

77. Купцова, Л. В. Морфология и технология срубно-андоновской посуды погребальных памятников Оренбургского Приуралья / Л. В. Купцова, В. И. Мухаметдинов // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики : материалы международной научной конференции 24–27 мая. – СПб. : ИИМК РАН, 2016. – С. 163–166.

78. Купцова, Л. В. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье / Л. В. Купцова, И. А. Файзуллин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 10. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. – С. 70–100.

79. Куштан, Д. П. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи / Д. П. Куштан // Археологічний альманах. – № 29. – Донецьк : Донбас, 2013. – 232 с.

80. Ларенок, В. А. Планография и архитектура Мокро-Чалтырского поселения / В. А. Ларенок // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 26–28.

81. Литвиненко, Р. О. Кістяний диск з карпато-мікенським декором із Середнього Подонців'я та деякі питання хронології зрубної культури / Р. О. Литвиненко, С. М. Санжаров, А. М. Усачук // ДАЗ. – № 17. – Донецьк, 2013. – С. 180–198.

82. Лопатин, В. А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья / В. А. Лопатин // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. – Вып. 1. – Саратов, 1996. – С. 140–158.

83. Лопатин, В. А. Срубные поселения степного Волго-Уралья / В. А. Лопатин. – Саратов : Изд-во СГУ, 2002. – 136 с.

84. Лопатин, В. А. Смеловский могильник: фрагменты локального культурогенеза / В. А. Лопатин // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М. : ИА РАН, 2008. – С. 415–420.

85. Любич, А. А. Азартные игры населения г. Тобольска конца XVI – XVII вв. / А. А. Любич // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология : материалы докладов V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Иркутск : Изд-во «Отгиск», 2010. – С. 372.

86. Малов, Н. М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической общности / Н. М. Малов // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 5. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 34–92.

87. Малютина, Т. С. Поселение «Каменный Брод» – спутник укрепленного центра Аркаим: стратиграфические горизонты и ритмы повторов жизненных циклов в «Стране городов» / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 10. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. – С. 50–62.

88. Маргулан, А. Х. Древняя культура Центрального Казахстана / А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. – Алма-Ата : «Наука» Казахской ССР, 1966. – 537 с.

89. Марков, С. С. Астрагалы в погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Зауралья / С. С. Марков // Вестник Общества открытых исследований древности. Научный альманах. – Вып. 1. – Челябинск, 2002. – С. 39–48.

90. Матвеева, Г. И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) / Г. И. Матвеева, Ю. И. Колев, А. И. Королев // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – С. 75–77.

91. Мацкевий, Л. Г. Палеоліт і мезоліт у печерах заходу України / Л. Г. Мацкевий // Археологический альманах. – № 9. – Донецк, 2000. – С. 3–34.

92. Мерперт, Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н. Я. Мерперт // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1958. – № 61. – С. 45–156.

93. Меснянкина, С. В. Резная кость средневекового Луковца (обзор коллекции предметов из фондов Череповецкого музейного объединения) / С. В. Меснянкина // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. IV. – М. : ИА РАН, 2011. – С. 97–101.

94. Мимоход, Р. А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Р. А. Мимоход // Материалы охранных археологических исследований. – Т. 16. – М. : ИА РАН, 2013. – 568 с.

95. Молодин, В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры / В. И. Молодин. – Т. 3. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2012. – 220 с.

96. Молодин, В. И. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 / В. И. Молодин, Н. С. Ефремова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IV. Материалы VI Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – С. 300–309.

97. Молодин, В. И. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай) / В. И. Молодин, Н. С. Ефремова. – Новосибирск : Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010. – 264 с.

98. Молодин, В. И. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы / В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Том 13. – № 3. – С. 136–167.

99. Моргенштерн, П. Предметы из кости и рога / П. Моргенштерн // Сава Е., Кайзер Э. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). – Chişinău, 2011. – P. 248–289.

100. *Моргунова, Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи волго-уральского междуречья / Н. Л. Моргунова. – Оренбург : Изд-во «Южный Урал», 1995. – 222 с.
101. *Моргунова, Н.Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья / Н. Л. Моргунова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2011. – 220 с.
102. *Моргунова, Н. Л.* Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / Н. Л. Моргунова, А. А. Гольева, А. А. Евгеньев, Е. А. Крюкова, Л. В. Купцова, Н. В. Рослякова, Н. П. Салугина, М. А. Турецкий, А. А. Хохлов, О. С. Хохлова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 172 с.
103. *Моргунова, Н. Л.* Комплекс эпохи неолита – энеолита на поселении Малоюлдашево I в Оренбургской области / Н. Л. Моргунова, А. А. Евгеньев // Вестник ОГПУ. Электронный научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 110–124. – URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Morgunova_Yevgenyev3-19.html
104. *Моргунова, Н. Л.* Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье / Н. Л. Моргунова, А. А. Евгеньев, Л. В. Купцова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43. – №2. – С. 64–82.
105. *Моргунова, Н. Л.* Поселения срубной культуры в Оренбургской области / Н. Л. Моргунова, О. И. Порохова // Поселения срубной общности. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – С. 160–172.
106. *Моргунова, Н. Л.* II Кузьминковское поселение эпохи бронзы / Н. Л. Моргунова, М. В. Халяпин, О. А. Халяпина // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 5. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2001. – С. 99–125.
107. *Морозов, Ю. А.* Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала / Ю. А. Морозов // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа : Изд-во ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР, 1981. – С. 57–67.
108. *Морозов, Ю. А.* Тавлыкаевское поселение срубной культуры / Ю. А. Морозов // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа, 1983. – С. 19–40.
109. *Мочалов, О. Д.* О керамике бронзового века бассейна реки Самары / О. Д. Мочалов // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара : Изд-во СГПУ, 2003. – С. 52–76.
110. *Мочалов, О. Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / О. Д. Мочалов. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008. – 252 с.
111. *Мур, К. М.* Технология изготовления костяных инструментов в Гонур депе / К. М. Мур // Российский этнограф. – Вып. 21. – М., 1994. – С. 254–265.
112. *Мыльников, В. П.* Костяной инвентарь с поселения Линево-1 переходного от бронзы к железу времени / В. П. Мыльников, Л. Н. Мыльникова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 10. – Вып. 5: Археология и этнография. – Новосибирск, 2011. – С. 183–196.
113. *Мядзведзева, В. У.* Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX – XIII стст / В. У. Мядзведзева. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – 236 с.
114. *Никитин, В. И.* Матвеевка I – поселение катакомбной культуры на Южном Буге / В. И. Никитин // СА. – 1989. – № 2. – С. 136–150.
115. *Обыденнов, М. Ф.* Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н. э. / М. Ф. Обыденнов. – Саратов : Изд-во СГУ, 1991. – 205 с.

116. *Обыденнов, М. Ф.* Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности / М. Ф. Обыденнов, Г. Т. Обыденнова. – Самара : Самарский университет, 1992. – 176 с.

117. *Обыденнов, М. Ф.* Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале / М. Ф. Обыденнов, В. С. Горбунов, Л. И. Муравкина, Г. Т. Обыденнова, Г. Н. Гарустович. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. – 159 с.

118. *Омакаева, Э. У.* Народные игры / Э. У. Омакаева // Калмыки. – М. : Наука, 2010. – С. 364–374.

119. *Пальцева, Д. У.* Костяные изделия Самосдельского городища / Д. У. Пальцева // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань : Изд. Сорокин Р.В., 2011. – С. 119–135.

120. *Памятники срубной культуры.* Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ В 1–10. – Саратов : Изд-во СГУ, 1993. – 200 с.

121. *Панковский, В. Б.* Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка / В. Б. Панковский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье : Запорожский госуниверситет, 1999. – С. 196–201.

122. *Панковский, В. Б.* Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки / В. Б. Панковский // Н. С. Котова. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. – Київ, Харьков : Майдан, 2013. – С. 449–483.

123. *Панковский, В. Б.* Слободзейские псалии / В. Б. Панковский // *Stratum plus*. – № 2. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2015. – С. 265–296.

124. *Панковский, В. Б.* Структурно-сырьевая и следоведческая экспертиза костяных и роговых объектов из могильника Глиное / В. Б. Панковский // Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное. – Кишинев : STRATUM Publishing House, 2016 (Археологические памятники Приднестровья III). – С. 1003–1038.

125. *Панковский, В. Б.* Трасологические критерии отличия предметов первобытного искусства и остатков фауны с естественными видоизменениями / В. Б. Панковский, Е. Ю. Гиря, М. В. Саблин // *Stratum plus*. – № 1. – СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2015. – С. 169–184.

126. *Панковский, В. Б.* До проблеми кістяної індустрії тшинецького культурного кола (Малополовецьке-3) / В. Б. Панковський // Проблеми археології Середнього Подніпров'я: До 15-річчя заснування Фастівського державного краєзнавчого музею. – Київ, Фастів, 2005а. – С. 120–142.

127. *Панковський, В. Б.* Деякі результати технологічного та функціонального аналізу кістяних знарядь Червоного Озера I / В. Б. Панковський // Проблеми гірничої археології (матеріали II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару). – Алчевськ : ДонДТУ, 2005б. – С. 189–192.

128. *Панковський, В. Б.* Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.04 / В. Б. Панковський. – Київ, 2012а.

129. *Панковський, В. Б.* Лолінсько-бабинська дзига / В. Б. Панковський // Донецький археологічний збірник. – № 16. – Донецьк : Вид-во Донецьк. ун-ту, 2012б. – С. 77–99.

130. *Панковський, В.* Кістяна індустрія поселення Розанівка / В. Панковський, Д. Філатов // Аркасівські читання. Матеріали I міжнародної науково-практичної конференції. – Миколаїв : МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2011. – С. 77–81.

131. Підоплічка, І. Г. Дослідження палеоліту в УРСР / І. Г. Підоплічка // Палеоліт і неоліт України. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1947. – С. 7–39.

132. Плеханов, А. В. Ярте VI – средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции / А. В. Плеханов. – Екатеринбург : Изд-во «Деловая пресса», 2014. – 124 с.

133. Подобед, В. А. Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы) / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 3 (15). – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2010. – С. 14–33.

134. Подобед, В. А. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии) / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Вып. 12. – Одесса, 2011а. – С. 86–124.

135. Подобед, В. А. Погребения с орудиями кожевенного производства в степных культурах эпохи бронзы / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Вопросы археологии Казахстана. – Вып. 3. – Алматы : Институт Археологии им. А.Х. Маргулана, 2011б. – С. 279–297.

136. Подобед, В. А. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 5 (17). – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2013а. – С. 23–44.

137. Подобед, В. А. Культ кабана в степной и лесостепной Евразии во II – начале I тыс. до н.э. / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Дадалык Еуразияның бегазы-дәндібай мәдениеті. Ж. Күрманкүловтың 65 жылдық мерейтойына арналған ғылыми мақалалар жинағы. – Алматы, 2013б. – С. 453–484.

138. Подобед, В. А. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – № 2 (10). – Барнаул : Изд-во Алтайского госуниверситета, 2014а. – С. 31–56.

139. Подобед, В. А. Взнуздавшие лошадей (стержневидные псалии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Древности Сибири и Центральной Азии. – № 7 (19). – Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014б. – С. 85–118.

140. Подобед, В. А. Лопатки животных в обрядах культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии / В. А. Подобед, А. Н. Усачук, В. В. Цимиданов // Түүхийн товчоон. – Т. VIII. – Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2015. – С. 127–154.

141. Подобед, В. Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты / В. Подобед, А. Усачук, В. Цимиданов // Revista Arheologică, serie nouă, vol. XII, nr. 1–2. – 2016. – С. 61–79.

142. Полидович, Ю. Б. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа / Ю. Б. Полидович, Е. А. Полидович // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. – М. : ГИМ, 1999. – С. 217–223.

143. Поплевко, Г. Н. Экспериментально-трасологическое исследование костяных орудий / Г. Н. Поплевко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Вып. 26. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – С. 119–129.

144. Порохова, О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье / О. И. Порохова // *Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья*. – Уфа : Изд-во БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 60–71.

145. Потапов, В. В. Жилища поселения Вареновка III / В. В. Потапов // *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 23–26.

146. Привалова, О. Я. Староласпинское поселение эпохи поздней бронзы / О. Я. Привалова // *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 105–107.

147. Привалова, О. Я. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье / О. Я. Привалова, А. И. Привалов // *Древнейшие скотоводы степей юга Украины*. – Киев : Наукова думка, 1987. – С. 94–107.

148. Пробейголова, А. С. Реконструкция каменного домостроения поселения поздней бронзы на реке Лугань / А. С. Пробейголова // *Археологія і давня історія України: Зб. наук. пр. – Вип. 5*. – Київ : ІА НАН України, 2011. – С. 81–84.

149. Пряхин, А. Д. Поселения абашевской общности / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976. – 168 с.

150. Пряхин, А. Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая / А. Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1996. – 176 с.

151. Пряхин, А. Д. Хозяйство жителей Мосоловского поселка эпохи поздней бронзы (по данным экспериментально-трассологического анализа орудий труда) / А. Д. Пряхин, В. В. Килейников // *Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи*. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1986. – С. 20–36.

152. Радлов, В. В. Тюркские степные кочевники / В. В. Радлов // *Библиотека казахской этнографии*. – Т. 3. – Астана : Алтын кітап, 2007. – 389 с.

153. Ромашко, В. А. Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья / В. А. Ромашко // *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. – Днепропетровск : ДГУ, 1987. – С. 48–54.

154. Ромашко, В. А. Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины / В. А. Ромашко // *Проблемы археологии и архитектуры*. – Том 1: «Археология». – Донецк – Макеевка, 2001. – С. 132–145.

155. Ромашко, В. А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В. А. Ромашко. – Киев : КНТ, 2013. – 592 с.

156. Рослякова, Н. В. Археозоологическое изучение жертвенных комплексов из могильников срубной культуры лесостепного Поволжья / Н. В. Рослякова // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова*. – Кн.1. – СПб. : ИИМК РАН, 2012. – С. 399–404.

157. Рослякова, Н. В. Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья / Н. В. Рослякова, П. А. Косинцев // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области)*. – Самара : Мин-во культуры Самарской области, 2012. – С. 348–378.

158. Рындина, Н. В. Результаты технологического исследования металлических изделий Мосоловского поселения / Н. В. Рындина, А. Д. Дегтярева // *Поселения срубной общности*. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1989. – С. 14–39.

159. *Салугина, Н. П.* К методике определения раковины в составе древней керамики / Н. П. Салугина // Современные проблемы археологии России : сб. науч. тр. – Т. 2. – Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 379–381.

160. *Салугина, Н. П.* Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культуругенеза / Н. П. Салугина // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 1. – Казань : Отечество, 2014. – С. 643–646.

161. *Санжаров, С. Н.* Кайдащинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца / С. Н. Санжаров. – Луганск : Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2004. – 160 с.

162. *Санжаров, С. Н.* Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы / С. Н. Санжаров. – Луганск : Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2010. – 488 с.

163. *Семенов, С. А.* Развитие техники в каменном веке / С. А. Семенов. – Л. : Наука, 1968. 363 с.

164. *Семенова, А. П.* Погребальные памятники срубной культуры / А. П. Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара : СНЦ РАН, 2000. – С. 152–208.

165. *Сергеева, М. С.* Косторізна справа у Стародавньому Києві / М. С. Сергеева. – Київ : КНТ, 2011а. – 256 с.

166. *Сергеева, М. С.* Техніка обробки рогу з Воїнській Греблі / М. С. Сергеева // Древности 2011. – Харьков, 2011б. – С. 191–205.

167. *Сергеева, М. С.* Майстри з обробки дерева та кістки давньоруського міста Воїня / М. С. Сергеева. – Київ, Харків : Майдан, 2015. – 232 с.

168. *Серигов, Ю. Б.* К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц / Ю. Б. Серигов // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург : УрГУ, 2005. – С. 93–101.

169. *Серигов, Ю. Б.* К вопросу о химическом размягчении кости в древности / Ю. Б. Серигов, И. Н. Тупиков // Тверской археологический сборник. – Вып. 10. – Т. I : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь : ООО «Изд-во «Триада», 2015. – С. 304–311.

170. *Сидоров, Е. А.* Обработка и использование кожи (по материалам лесостепного Приобья IX – I вв. до н.э.) / Е. А. Сидоров // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск : НГПИ, 1989. – С. 41–45.

171. *Синицин, И. В.* Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова / И. В. Синицин, В. А. Фисенко // Античный мир и археология. – Вып. 1. – Саратов : СГУ, 1972. – С. 12–28.

172. *Синюк, А. Т.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) / А. Т. Синюк, И. А. Козмирчук // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара : Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 37–72.

173. *Скоробогатов, А. М.* Изделия из кости с памятников неолита – энеолита Среднего Подонья / А. М. Скоробогатов // Тверской археологический сборник. – Вып. 10. – Т. I : Материалы V Тверской археологической конференции и 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». – Тверь : ООО «Изд-во «Триада», 2015. – С. 291–303.

174. *Сорокин, А. Н.* Стоянка и могильник Монино 2 в Подмоскowie: костяной и роговой инвентарь / А. Н. Сорокин. – М. : ИА РАН, 2013. – 448 с.

175. *Сотникова, С. В.* Детские погребения с наборами альчиков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы / С. В. Сотникова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – № 2 (25). – Тюмень, 2014. – С. 26–34.

176. *Сотникова, С. В.* Детские погребения с наборами астрагалов как отражение половозрастной стратификации в обществах эпохи бронзы на территории евразийских степей (по материалам памятников синташтинско-петровского, потаповского, покровского типов) / С. В. Сотникова // Вестник Пермского университета. – Вып. 1 (28). – Пермь, 2015. – С. 21–30.

177. *Сунгатов, Ф. А.* Поселение эпохи бронзы Олаир / Ф. А. Сунгатов, И. И. Бахшиев // Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала. – Т. II. – Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. – 200 с.

178. *Ткачев, В. В.* Начальный этап позднего бронзового века в степном Приуралье (западно-алакульская культурная группа) / В. В. Ткачев // Культурное наследие степей Северной Евразии. – Оренбург : Институт степи УрО РАН, 2000. – С. 29–43.

179. *Тощев, Г. Н.* Крым в эпоху бронзы / Г. Н. Тощев. – Запорожье : ЗНУ, 2007. – 304 с.

180. *Труфанов, А. Я.* Археологический рисунок: опыт методического анализа / А. Я. Труфанов. – Екатеринбург : Изд. группа «Караван», 2015. – 220 с.

181. *Усачук, А. Н.* Костяной инвентарь поселения у с. Проказино / А. Н. Усачук // Древние культуры Подонцовья. – Вып. 1. – Луганск : Редакционно-издательский отдел облуправления по печати, 1993. – С. 135–147.

182. *Усачук, А. Н.* К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века / А. Н. Усачук // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века : материалы междунар. научн. конф. – Волгоград : Перемена, 1996а. – С. 66–71.

183. *Усачук, А. Н.* Результаты анализа костяных изделий срубного поселения Капитаново-I / А. Н. Усачук // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи. – Вып. 2. Тезисы докладов и материалы конференции. – Воронеж : ВГУ, 1996б. – С. 60–63.

184. *Усачук, А. Н.* Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы / А. Н. Усачук // Археология восточноевропейской лесостепи. – Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж : ВГУ, 1997. – С. 128–135.

185. *Усачук, А. Н.* Технология изготовления стержневидных псалиев (на примере изделия из Деревивки) / А. Н. Усачук // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 4-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – Київ, Вороніж, 1998. – С. 77–80.

186. *Усачук, А. Н.* Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона / А. Н. Усачук // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи : материалы междунар. научн. конф. – Воронеж : ВГУ, 2000а. – С. 91–98.

187. *Усачук, А. Н.* Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы / А. Н. Усачук // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000б. – С. 107–110.

188. Усачук, А. Н. Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трапезологический анализ) / А. Н. Усачук // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия. – М., Элиста, 2002. – С. 267–279.

189. Усачук, А. Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона / А. Н. Усачук // Е. И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М. : ГИМ, 2011. – С. 202–214.

190. Усачук, А. Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения / А. Н. Усачук // Ю. М. Бровендер. Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск : ДонГТУ, 2012. – С. 140–156.

191. Усачук, А. Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование) / А. Н. Усачук. – Київ, Донецк : ИА НАН Украины, 2013а. – 304 с.

192. Усачук, А. Н. Костяные изделия поселения Устье I / А. Н. Усачук // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье : коллект. моногр. / отв. ред. Н. Б. Виноградов ; науч. ред. А. В. Епимахов. – Челябинск : Абрис, 2013б. – С. 331–362.

193. Усачук, А. Н. Костяные «пряслица»: варианты использования / А. Н. Усачук // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. – Алматы : Қазақ университеті, 2016. – С. 130–132.

194. Усачук, А. Н. Изделия из кости поселения поздней бронзы у с. Лиман / А. Н. Усачук, Ю. М. Бровендер // Древние культуры Подонцовья. – Вып. 1. – Луганск : Редакционно-издательский отдел облуправления по печати, 1993. – С. 175–186.

195. Усачук, А. Н. Некоторые аспекты использования астрагалов в погребальном обряде эпохи ранней и средней бронзы / А. Н. Усачук, Н. В. Панасюк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Всеобщая история. – 2014. – № 4. – М., 2014. – С. 34–46.

196. Усачук, А. Н. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье / А. Н. Усачук, И. А. Файзуллин // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 12. – Оренбург : ООО «ИПК Университет», 2016. – С. 127–148.

197. Файзуллин, И. А. Погребения на поселениях эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья / И. А. Файзуллин // Известия СНЦ РАН. – 2012. – Т. 14. – № 3–1. – С. 226–230.

198. Файзуллин, И. А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья / И. А. Файзуллин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – №2 (29). – Тюмень, 2015. – С. 80–86.

199. Філіпов, О. К. Обробка та використання кістяних предметів на пізньопалеолітичному поселенні Межириччі / О. К. Філіпов // Археологія. 1984. – № 48. – С. 35–47.

200. Флерова, В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX – XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа / В. Е. Флерова. – СПб. : Алетейя, 2001. – 352 с.

201. Хабдулина, М. К. Поселения раннесакского времени на реке Селеты / М. К. Хабдулина // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т. 1. Древние эпохи. – Астана : Изд-во «Култегін», 2003. – С. 189–214.

202. *Халяпина, О. А.* Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи бронзы из Западного Оренбуржья / О. А. Халяпина // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск : Ин-т степи УрО РАН, 2000. – С. 84–91.

203. *Хохлов, А. А.* Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохи энеолита и бронзы / А. А. Хохлов // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии : коллективная монография. – Екатеринбург–Самара–Донецк : Издательство ООО «ЦИКР «Рифей», 2010. – С. 133–166.

204. *Цалкин, В. И.* Изменчивость метаподий и её значение для изучения крупного рогатого скота древности / В. И. Цалкин // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии. – Т. 65. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 109–123.

205. *Цалкин, В. И.* Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 1 / В. И. Цалкин // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии. – Т. 77. – Вып. 1. – М., 1972а. – С. 46–65.

206. *Цалкин, В. И.* Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 2 / В. И. Цалкин // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии. – Т. 77. – Вып. 2. – М., 1972б. – С. 42–49

207. *Цалкин, В. И.* Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 4 / В. И. Цалкин // Бюллетень Московского общества испытателей природы, отд. биологии. – Т. 77. – Вып. 4. – М., 1972в. – С. 60–74.

208. *Цыбрий, Т. В.* Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Т. В. Цыбрий. – СПб., 2013. – 25 с.

209. *Цимиданов, В. В.* Погребения срубной культуры с астрагалами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или «медиаторы»? / В. В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – № 1(11). – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2015. – С. 56–69.

210. *Чуев, Н. И.* О лопаточных костях животных из раскопок культур эпохи бронзы на Южном Урале / Н. И. Чуев // Человек в пространстве древних культур : материалы всероссийской научной конференции. – Челябинск : Музей-заповедник «Аркаим», 2003. – С. 52–56.

211. *Шарафутдинова, И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы / И. Н. Шарафутдинова. – Киев : «Наукова думка», 1982. – 160 с.

212. *Шеффер, А. А.* Природные формы из кости в хозяйстве и культах древнего населения / А. А. Шеффер // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий : материалы XLVII Региональной (III всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск : НГПУ, 2007. – С. 129–130.

213. *Шовкопляс, И. Г.* Мезинская стоянка. К истории среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху / И. Г. Шовкопляс. – Киев: Наукова думка, 1965. – 327 с.

214. *Юдин, А. И.* Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? / А. И. Юдин // Археология Восточно-Европейской степи. – Вып. 7. – Саратов : Научная книга, 2009. – С. 146–170.

215. *Ailincăi, S. C.* Psalii din corn descoperite în așezări ale culturii Babadag din nordul Dobrogei / S. C. Ailincăi, F. Mihail // Studii de Preistorie. – 7. – București : Editura Renaissance, 2010. – P. 189–200.

216. *Bartosiewicz, L.* Draught cattle: their osteological identification and history. Vol. 281 / L. Bartosiewicz, W. Van Neer, A. Lentacker. – Budapest: Institute of Archaeological Sciences, 1997.

217. *Becker, C.* Spindle whorls or buttons? Ambiguous bone artefacts from a Bronze Age castelliere on Istria / C. Becker // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. – Tallin, 2005. – P. 157–174.

218. *Daróczy, T.-T.* Associations of archaeological finds in Middle Bronze Age centres of the eastern Carpathian Basin – aspects of power / T.-T. Daróczy // Acta Terrae Septemcastrensis. – X. – Sibiu, 2011. – P. 113–140.

219. *Driesch, A.* A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites / A. Driesch // Peabody Museum Bulletin 1. – Harvard University, 1976.

220. *Eisenmann, V.* Studying Fossil Horses / V. Eisenmann, M.T. Alberdi, C. De Giuli, U. Staesche. – V.1. E.J. Brill. – Leiden, New York, Kobenhavn, Koln. 1988. – 71 p.

221. *Grant, A.* The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates / A. Grant // Wilson B., Grigson C. & S. Payne (eds.) Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. – BAR (British Series) 109. – Oxford, 1982. – P. 91–108.

222. *Pankovskiy, V.* Deer Antler Cheekpiece from Ushkalka-I. Expertise and Advice on Typological Classification / V. Pankovskiy // Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. – Chișinău, 2016. – P. 225–242.

223. *Provenzano, N.* Fiche têtes de femur perforées. / Cahier IX: objets méconnus. Fiches typologiques de l'industrie de l'os préhistorique. Néolithique/Âge des métaux / N. Provenzano // Société Préhistorique Française, 2001. – P. 59–66.

224. *Teichert, M.* Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhöhe bei or- und frühgeschichtlichen Schweinen / M. Teichert // Kuhn-Archiv. – 83, 3. – Berlin, 1969. – S.237–292.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук СССР	КСИА – Краткие сообщения
АлтГУ – Алтайский государственный университет	Института археологии
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет	КСИИМК – Краткие сообщения
БНЦ – Башкирский научный центр	Института истории материальной культуры
ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт	ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет	МДУ – Миколаївський державний університет
ВГУ – Воронежский государственный университет	НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт
ВНУ – Восточноукраинский национальный университет	НГУ – Новосибирский государственный университет
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет	ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ГИМ – Государственный исторический музей	ОГУ – Оренбургский государственный университет
ДГУ – Днепропетровский государственный университет	ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ДонГТУ – Донецкий государственный технический университет	РА – Российская археология
ЗНУ – Запорожский национальный университет	РАН – Российская академия наук
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук	СА – Советская археология
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук	САИ – Свод археологических источников
ИИМК – Институт истории материальной культуры	СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории	СГУ – Саратовский государственный университет
ІА НАН – Інститут археології Національної академії України	СНЦ РАН – Самарский научный центр РАН
	УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
	УрГУ – Уральский государственный университет
	ЧелГУ – Челябинский государственный университет

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгеньев Андрей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, научный сотрудник археологической лаборатории.

E-mail: oren-arch@mail.ru

Купцова Лидия Владимировна – кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: orelin.84@mail.ru

Мухаметдинов Вадим Ильдарович – инженер учебно-научной археологической лаборатории исторического факультета Башкирского государственного университета.

E-mail: vadimufa4@rambler.ru

Рослякова Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: roslyakova_n@mail.ru

Усачук Анатолий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Донецкого краеведческого музея, Украина.

E-mail: doold@mail.ru

Файзуллин Ильдар Асхатович – научный сотрудник археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета.

E-mail: ildar-1988@mail.ru

Хохлов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры биологии, экологии и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А – Поселение Малоюлдашево I: раскоп и конструкции

Рис. А1 – Общий вид раскопа на поселении

Рис. А2 – Вид на постройку 1 с севера

Рис. А3 – Каменная конструкция в центральной части постройки 1

Приложение Б – Поселение Малоюлдашево I: погребение

Рис. Б1 – Вид на погребение с юга

*Рис. Б2 – Керамика из погребения
а – сосуд 1; б – сосуд 2; в – сосуд 3*

Рис. Б3 – Бронзовый (а, б) и костяной (в, г) инвентарь из погребения

Приложение В – Поселение Малоюлдашево I: антропологические материалы из погребения

Рис. В1 – Наружная поверхность мозговой коробки черепа женщины (1/2) с тремя сквозными отверстиями

Рис. В2 – Поверхность эндокрана черепа женщины (1/2) с тремя сквозными отверстиями

Приложение Г – Поселение Малоюлдашево I:
материалы эпохи неолита – энеолита

Рис. Г1 – Неолитическая керамика

Рис. Г2 – Кремневый инвентарь

Приложение Д – Поселение Малоюлдашево I: керамика

Рис. Д1 – Керамика синташтинско-абашевского культурно-хронологического горизонта

Рис. Д2 – Срубная керамика с «покровскими» чертами

Рис. Д3 – Поселение Малоюлдашево I. Керамика классического срубного облика

Рис. Д4 – Поселение Малоюлдашево I. Срубно-андоновская керамика

Приложение Е – Поселение Малоюлдашево I: костяные изделия

Рис. Е1 – Костяные изделия

Приложение Ж – Поселение Малоюлдашево I:
археозоологические материалы

Рис. Ж1 – Погрызы коров и быков на костях
из поселения Малоюлдашево I

Рис. Ж2 – Остеофиты на фалангах рабочих лошадей
из поселения Малоюлдашево I

Рис. Ж3 – Следы «накостника» на пястной кости лошади
из поселения Малоюлдашево I

Рис. Ж4 – Патологические изменения на фалангах «тяглового» скота из поселения Малоюлдашево I

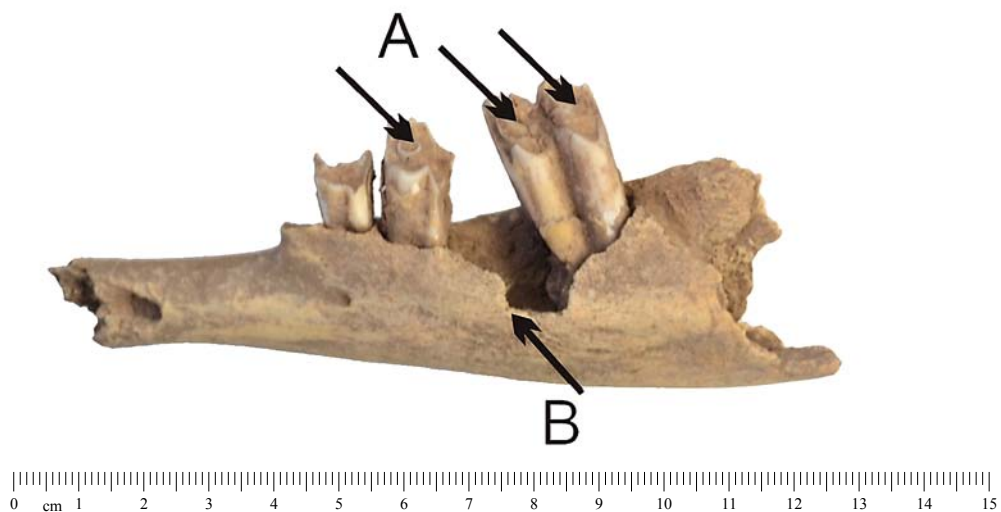

Рис. Ж5 – Патологические изменения на нижней челюсти у представителя мелкого рогатого скота из поселения Малоюлдашево I
A – неправильное стачивание жевательной поверхности зубов; B – вздутие челюсти из-за воспалительного процесса

Приложение И – Условные обозначения

Для общих планов:

- – памятник археологии (поселение)
- – линия горизонтали
- – шоссе, грейдер
- – полевая дорога
- – шурф
- – зачистка
- – границы поселения
- – строение
- – овраг, обрыв
- – лес, роща
- – кладбище

Для профилей бровок:

- – дерн
- – слой балласта
- – культурный слой 1
- – культурный слой 2
- – материк
- – слой песка в балласте
- – нора
- – камень в профиле

Для планов участков:

- – кость животного (фрагмент)
- – фрагмент керамики
- – скопление костей животных
- – скопление керамики
- – обгорелая кость животного
- – уголь
- – скопление углей
- – шлак
- – скопление шлаков
- – кремневое изделие
- – обработанная кость
- – камень
- – дерево
- – бронзовое изделие

Рис. III – Условные обозначения ко всем иллюстрациям монографии

Научное издание

ПОСЕЛЕНИЕ МАЛОЮЛДАШЕВО I
ЭПОХИ НЕОЛИТА И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

Технический редактор *М.Н. Рябова*

Корректор *Н.А. Иванов*

Компьютерная верстка *Б.З. Хавин*

ISBN 978-5-88838-980-5

Подписано в печать 09.12.2016. Формат 70×100 1/16.

Бумага мелованная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,9. Тираж 300 экз. Заказ № 8568

Издательский центр ОГАУ.

460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18.

Тел. (3532) 77-61-43

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ

